

ЛУОН СПРЭГ de КАМП

РУКА ЗЕИ

ЛУОН СПРЭГ de КАМП

Приключения на Кришне

Лион Спрэг де Камп

РУКА ЗЕМ

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

*Перевод с английского
Артема Лисочкина*

Спрэг де Камп Л.

С 74 Рука Зеи: Роман/Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 384 стр.
ISBN 5-8352-0221-0

Издательство «Северо-Запад» продолжает знакомить читателей с творчеством блестящего американского фантаста Л. Спрэга де Кампа. Уже вышли книги этого автора «Дипломированный чародей, или Приключения Гарольда Ши», «Башня Гоблинов» (первая и вторая части тетралогии «Король поневоле»).

Роман «Рука Зеи» повествует о приключениях двух приятелей — Дирка Барнвельта и полинезийца Тангалоа на далекой планете Кришна. Там царит глубокое средневековье, а обитатели напоминают и насекомых, и людей одновременно. В лесах и реках обитают жуткие чудовища, по дорогам бродят разбойники, а моря бороздят пиратские шхуны. Роман читается легко благодаря прекрасному авторскому стилю, лихо закрученному сюжету и конечно же неподражаемому юмору.

*Перепечатка отдельных глав и всего
произведения в целом запрещена.*

*Использование данного произведения возможно
исключительно с ведома издателя.*

© А. Лисочкин, перевод, 1993.

© В. Румянцев, оформление,
иллюстрации, 1993.

® ~~свойства~~ Зарегистрированная
торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0221-0

Всей своей нескладной, как у лося, фигурой Дирк Барнвельт навис над машинкой и напечатал:

В двадцати пяти градусах к северу от экватора на планете Кришна раскинулось море Банжао — крупнейший водный массив планеты. На просторах этого моря и притаился Сунгар — родина самых невероятных тайн и легенд.

Здесь, под палящими лучами жаркого полуденного солнца, в крепких объятиях обширного, плавающего на воде континента из переплетенных водорослей — терпалы — тихо догнивают таранные галеры Дюра и пузатые ясмурийские парусники. Даже неистовые штормы кришнитских субтропиков способны разве что слегка подернуть рябью поверхность этого необъятного плавающего болота, которую, однако, время от времени вспучивают и вспенивают резвящиеся под водой морские страшилища планеты, такие, как гвам или гарпунер.

Барнвельт откинулся в кресле и задумался. Вот уже почти два года пишет он о местах, которые исследует Игорь Штайн; а сам-то он хоть когда-нибудь их увидит? Вот если б матери его не было в живых... Куда там! При нынешней гериатрии она еще добрый век протянет. У него еще пра-прадедущка жив-здоров в Голландии. А потом, подумал он виновато, нехорошо рассуждать так о матери, чьей бы она там ни была. Он вернулся к машинке:

Ничто, единожды угодив в эту паутину из водорослей, не в состоянии высвободиться оттуда — за исключением, разве что, агабатов, которые прилетают на своих перепончатых крыльях с материка поохотиться на мелких обитателей Сунгара. Время здесь не значит ровно ничего; ничего не существует, кроме тишины, дымки, зноя и зловония гниющих водорослей.

По крайней мере, подумал Барнвельт, все это отвлеченное сочинительство все же лучше однажды испробованных попыток вколачивать величие английской литературы в явно не расположенные к тому черепа деревенских недорослей, у которых только две вещи на уме: секс и борьба с тяготами системы обязательного среднего образования.

В самое сердце этого столь отталкивающего края и планирует проникнуть в ходе своей предстоящей экспедиции на Кришну Игорь Штайн, знаменитейший из ныне здравствующих первопроходцев, чтобы раз и навсегда пролить свет на те зловещие слухи, которые долетают из этой не открытой еще страны.

Будто лось, заслышавший призывный рев соперника в брачный сезон, Барнвельт уставился в пространство, выжидая, пока в голове сформируется следующая фраза. Вот будет номер, если Штайн так и не появится, чтобы организовать эту самую экспедицию! Ему, Дирку Барнвельту, никогда не выпустить задуманный рекламный пузырь, пока пропавший исследователь не обнаружится.

Хорошо, скажете вы, а почему бы Штайну попросту не попросить капитана космического корабля высадить его на побережье, чтобы потом облететь море на вертолете, жужжа камерами и оцетинившись оружием? Да потому, что Кришна принадлежит к планетам класса «Х», и согласно правилам, изданным Межпла-

нетным Советом, пришельцам с других планет строжайше запрещается знакомить с современными техническими устройствами и изобретениями ее хоть и яйцекладущих, но вполне человекообразных обитателей, которые представляются, с одной стороны, слишком отсталыми и воинственными, чтобы им можно было доверить подобные вещи, а с другой — достаточно интеллектуально развитыми, чтобы суметь извлечь из них выгоду.

Так что никаких вертолетов, никакого оружия. Доктору Штайну придется осуществлять свой замысел далеко не самым легким путем. Но каким? Ведь по Сунгару нельзя ни пройти пешком, ни проплыть на лодке...

Тут Барнвельт дернулся, словно сработавшая мышеловка, поскольку над плечом его склонилась миссис Фишман со словами:

— Дирк, начинается собрание.

— Какое еще собрание?

Миссис Фишман, секретарь «Игорь Штайн Лимитед», закатила глаза, как она всегда поступала, когда Барнвельт демонстрировал свою бестолковость.

— Директоров. Вас ждут.

Он проследовал вслед за ней в кабинет правления, заранее готовясь к каким-нибудь неприятным неожиданностям, словно подсудимый, вызванный для ознакомления с приговором военного суда. Присутствовали трое директоров «Игорь Штайн Лимитед»: Стюарт Лайинг, который являлся также вице-президентом и управляющим делами, банкир Олаф Торп и Панагопулос, тоже финансист. Со времени исчезновения Штайна список администрации завершала миссис Фишман, секретарь.

Хоть лично президент фирмы и отсутствовал, с цветной батиграфии на стене на них поглядывал его полный двойник: кирпично-красная, с квадратной че-

люстью физиономия, изборожденная множеством мелких морщинок, холодно поблескивающие бледно-голубые глаза, короткий ежик тронутых сединой бронзовых волос.

Неофициальную сторону, помимо Барнвельта, представляли коротышка Дионисио Перес, фотограф, смуглый здоровяк Джордж Тангалоа, страновед, и Грант Марлоу, актер, очень похожий на портрет на стене даже без грима, который он обычно накладывал, замещая Штайна во время публичных выступлений.

— Ба, никак литературная тень нашего великого шефа! — ухмыльнулся Тангалоа.

Барнвельт робко улыбнулся и сторбился на свободном стуле. Хотя он, подобно остальным, тоже являлся держателем акций компании, вклад его был столь ничтожен, что он, карась среди щук, правом голоса тут никаким не пользовался. Однако на сей раз предстояло не обычное собрание директоров или акционеров, а скорее, нечто вроде встречи обеспокоенных специалистов, объединившихся, дабы представить публичному взору некое синтетическое существо по прозвищу «Игорь Штайн», в коем настоящий Штайн являл собой только часть — хотя, пожалуй, и наиболее весомую.

— Ну так что, Стю? — проговорил Марлоу, раскуривая трубку.

— О Старике так ничего и не слышать, — отозвался Лайинг.

— Чтоб они провалились, все эти детективы! — проскрипела миссис Фишман. — Сотни долларов неделями на них грохаем, и хоть бы чепуху какую раскопали! Я просто-таки уверена, что пока мы их не наняли, они разве что за неверными мужьями подсматривали!

— Нет-нет, — возразил Лайинг — Отзывы об Уголини просто прекрасные.

— Как бы там ни было, — продолжала она, — если мы немедленно не начнем действовать, контракт с «Космик Фичерз» станет не дороже прошлогоднего снега.

Лайинг заметил:

— Знаете, а Уголини действительно считает, что Старика забрали на Кришну.

— С чего это он взял? — поинтересовался Марлоу, попыхивая трубкой.

— Игорь рассчитывал прояснить все эти слухи относительно связи между Сунгаром и делишками вокрут янру. Отдел Расследований не имеет возможности послать туда человека — вернее, кого бы они туда ни посылали, никто не вернулся. Так что в МОР решили, что, может, Старик, как частное лицо, чего-нибудь выяснит. Ну а Игорь, благодаря Дирку, получил просто-таки шикарнейшую рекламу этому своему сафари. А теперь давайте предположим, что основные связи Кольца янру находятся на Земле — по той причине, что эффект снадобья нацелен в первую очередь на людей.

(Вид у Переса при этих словах стал такой, будто он вот-вот разрыдается).

Лайинг продолжал:

— Тогда почему бы Кольцу, прослышав об экспедиции, не поохладить его пыл?

Барнвельт кашлянул, и его длинная лошадиная физиономия приобрела тот смущенно-нерешительный вид, от которого он никогда не мог избавиться при общении с начальством.

— А откуда вы знаете, что они его попросту не убили? Лично я опасаюсь, что это совсем не исключено.

— Мы этого не говорим, но полностью избавиться от тела далеко не просто, а на Земле и следов его нет.

Лайинга перебил низкий, как у органа, голосина Тангалоа:

— Эти ребята уже не раз проскальзывали прямо перед носом у Межпланетной таможни, а те даже ухом не вели.

— Знаю, — сказал Лайинг. — Однако на поиски Игоря мы задействовали и частную, и государственную, и районную, и городскую, и международную, и межпланетную полицию, и это все, на что мы сейчас способны в этом направлении. Неотложнейшим делом на данный момент для нас является контракт. И единственный выход, который мне сейчас видится, — это что кому-то из нас придется слетать на Кришну и претворить в жизнь планы Игоря. Отснять 50 000 метров пленки — четверть из них на Сунгаре, передать ее в «Космик» и выяснить, готова ли эта фирма и дальше иметь с нами дела. Выручить Игоря, если получится.

Острые глаза Лайинга обвели кабинет. Все закивали.

— Итак, — продолжал он, — следующий вопрос: кто?

Большинство присутствующих тут же отвели глаза, приняв независимый вид людей, которые к происходящему не имеют ровно никакого отношения, а так, заглянули на минутку.

Джордж Тангалоа похлопал себя по необъятному пузу.

— Можем мы с Дио.

Перес подскочил.

— Никуда я не поеду! Не поеду, покуда не разберусь как следует с женой! Я не виноват, что эта баба подсунула мне то проклятое снадобье...

— Да, да, — перебил Лайинг, — мы в курсе ваших проблем, Дио, но посылать одного никак нельзя.

Тангалоа зевнул.

— Полагаю, что прекрасно управлюсь и один. Дио мне уже показал, как обращаться с камерой «Хаяши».

— Если мы пошлем одного Джорджа, — встряла миссис Фишман, — то полученной пленки не хватит

даже вокруг пальца обмотать. Он обоснуется в первом же месте, где хватает жратвы и пива, и...

— Вот как? — притворно оскорбился Тангалоа. — Уж не хотите ли вы сказать, что я лентяй? Какая низкая инсинуация!

— Ты чертовски прав — еще какой лентяй! — подал голос актер Марлоу. — Ты, наверное, самый ленивый и прожорливый выходец с Самоа, какой там был за всю историю. Тебе обязательно нужен кто-нибудь вроде Дирка, чтоб присматривать...

— Эй! — завопил Дирк, который моментально стряхнул с себя всю робость, словно плащ после дождя. — Почему я? А почему не ты? Мало того, что ты похож на Игоря, так ты еще и этот его жуткий русский акцент передразнивать умеешь! Это тебе надо ехать, мой друг...

Марлоу отмахнулся.

— Я уже слишком стар и немощен, чтобы расставаться с привычным образом жизни, — просто бурдюк с киселем, и у меня нет абсолютно никакой специальной подготовки к подобным...

— А у меня есть, что ли? Ты же сам недавно говорил, что я непрактичный и мягкотелый интеллигент, так что какой с меня прок в деле заполнения белых пятен и стояния на страже закона?

— Но ты же умеешь обращаться с «Хаяши», и ты яхтсмен, если я не ошибаюсь?

— Да какой там яхтсмен! Катался пару раз с приятелем. Уж не думаете ли вы, что я могу содержать яхту на мою-то зарплату? Конечно, если вы хотите ее увеличить...

Марлоу пожал плечами.

— Учитывается опыт, а не то, как ты его приобрел. К тому же, пожив на ферме, ты познакомился со спартанским образом жизни.

— Но у нас там было электричество и водопро...

— Кроме того, у нас у всех семьи, за исключением вас с Джорджем.

— А у меня мать, — заявил Барнвельт, и без того румяная физиономия которого стала просто багровой. Ссылки на деревенское прошлое всегда его немало смущали, поскольку, даже предпочтя городскую жизнь, он никак не мог избавиться от ощущения, что для всех этих отпрысков каменных джунглей он навечно остался объектом насмешек.

— Чушь! — послышался ядовитый голосок миссис Фишман. — Уж не волнуйтесь — слышаны о вашей старушке, Дирк. Вам давно уже пора вылезти из-под ее передника.

— Послушайте-ка, что-то я не пойму, какое вам дело...

— Если хотите, можем платить ей жалованье в ваше отсутствие, так что с голоду она не помрет. А если вы справитесь, то дивидендов вам с лихвой хватит, чтоб вылезти из тех долгов, в которые она вас вечно втягивает.

— Хватит даже на то, — подхватил Марлоу, — чтобы позволить себе шикарные двухэтажные апартаменты со слугой-малайцем.

— Послушайте, а вам не кажется, что ему веселей было бы с горничной-француженкой? — встрял Тангалоа.

Барнвельт, красный как рак, прикусил язык. Упоминания о матери никогда не доводили его до добра. С одной стороны, он чувствовал, что обязан встать на ее защиту, а с другой — опасался, что они правы. Если б только его отец, голландец, не умер, когда он был еще мальчишкой...

— К тому же, — продолжал Марлоу, — я прекрасно знаю, на что я способен, и наверняка не добьюсь на месте Игоря большого успеха, чем он на моем тогда, в Нью-Хейвене.

— Это вы о чем? — заинтересовался Торп. — Сомневаюсь, что слышал эту историю.

Лайинг пояснил:

— Как вы знаете, оратора хуже Игоря во всем свете не сыщешь, так что в этой области его место занял Грант, используя его пленки, точно так же, как Дирк пишет за него книги и статьи. На всякий пожарный случай мы приспособили специальный проигрыватель с динамиком в виде цветочка, который вставляется в петлицу, и заготовили записи нескольких лекций, написанных Дирком и начитанных Грантом. Потом мы научили Игоря, как стоять за кафедрой и открывать рот синхронно с речью, доносящейся из динамика.

— Ну и?

— Ну и два года назад Грант заболел, и его заменил Игорь с этим самым приспособлением. Только вот когда он расположился за кафедрой и запустил проигрыватель, эта штукавина разрегулировалась и принялась без передышки твердить: «...счастлив оказаться здесь... счастлив оказаться здесь... счастлив оказаться здесь...» Короче, заело. Кончилось дело тем, что Игорь исполнил на этом аппарате какую-то дикую пляску, изрыгая русскую матерщину.

Пока Торп хохотал, Лайинг повернулся к Барнвельту:

— Вопрос, конечно, сложный, Дирк, но другого выхода нет. А потом, раз уж вы в некотором роде являетесь тенью Игоря, разве вам не хотелось бы вернуть свое тело?

Тангалоа, ухмыляясь, словно толстый полинезийский божок, пропел:

— Вер-нись, вер-нись, вернись мое тело ко мне, ко мне!

Все, за исключением Барнвельта, рассмеялись.

— Нет, — произнес он с твердостью человека, который почувствовал, что его внутренняя линия обороны в любой момент готова дать трещину. — На

Земле я могу прекрасно прожить и без «Игорь Штайн Лимитед» — даже получше, чем сейчас...

— Погодите, — перебил его Лайинг. — Есть еще кое-что. Я совсем недавно разговаривал с Цукунгом из Отдела Расследований — так они действительно всерьез обеспокоены всеми этими делишками вокруг янру. Вы в курсе, как это коснулось Дио, и наверняка читали об убийстве Полемуса. Этот экстракт такой крепкий, что сотню доз можно в дырке в зубе упрятать. Так вот, потом его сотню раз разводят, и на рынке вдруг появляются духи под названием вроде «Nuit d'amour» или «Moment d'extase». С добавкой янру они действительно действуют так, на что намекают названия. Стоит женщине опрыскаться этим снадобьем, а мужчине разок его нюхнуть, как он превращается в круглого идиота — он у нее через обруч прыгать будет и ни на секунду не засомневается. Эффект почище, чем от сирийского псевдогипноза.

Но и это еще не все. Янру действует исключительно на потребу женщинам против мужчин, и, учитывая способ распространения этой заразы, Цукунг всерьез опасается, что через пару десятилетий женщины обретут полную власть над мужчинами.

— Не так уж это и плохо, — заметила миссис Фишман. — Лично я своего с удовольствием чем-нибудь таким опрыскала.

— Таким образом, — торжественно продолжал Лайинг, — вам предоставляется возможность спасти мужскую половину человечества от участи похуже смерти — или, по крайней мере, той, с которой вы знакомы благодаря своей матушке. Ну что, это уже посерьезней, а?

— Поразмыслите, — встрял Марлоу, — а вы уверены, что его матушка и впрямь не испробовала на нем это зелье?

Барнвельт энергично замотал головой.

— Нет, она на меня просто психологически давит, с самого детства. Да и зачем ей это? Я уже и так, как негр на плантации.

— Вот и удерите от нее, — заключил Лайинг. Вмешался Тангалоа:

— Ты ведь не хочешь, чтобы женщины поработили мужчин тем же самым образом, как вы тут, на Западе, поработили женщин?

— Это сделает из тебя настоящего мужчину, — сказал Марлоу. — Любому в твоём возрасте, кто не был ещё женат, требуется хорошая встряска.

— Вы получите реальные впечатления и опыт для вашего сочинительства, — сказала миссис Фишман.

— Такие похождения хороши сейчас, пока ты молод и холост, — сказал Торп. — Мне бы твои годы...

— Мы увеличим вам оклад, — сказал Панагонулос. — При ваших расходах на Кришне вы сможете...

— Ты только подумай, каких там невыразимых тварей насмотришься, — сказал Тангалоа. — Ты же сам не свой до всяких диковинных зверей.

— В конце концов, — сказал Лайинг, — мы же не предлагаем вам лететь на Один и жить с кислородной маской на физиономии среди всяких переросших насекомых. Местные жители действительно очень похожи на людей.

— Особливо, женского полу... — прокудахтал Тангалоа, очерчивая в воздухе некие округлые формы.

— Ладно, черт с вами, еду, — вырвалось, наконец, у Барнвельта, который прекрасно знал, что в конце концов они его все равно уломают. Разве много лет назад, ещё мальчишкой, не мечтал он о подобных приключениях, обитая на ферме в округе Чатагуа? Вот и получил, что хотел.

Джордж, — воззвал Барнвельт, — что мне теперь делать? Увеличить сумму страховки?
— Не переживай — все уже устроено, — откликнулся Тангалоа, — У меня уже забронированы места на «Эратосфен», который вылетает послезавтра.

Барнвельт выпучил глаза.

— Ты хочешь сказать... хочешь сказать, что вы действительно все это обстряпали заранее?

— А то! Мы знали, что все равно тебя уломаем.

Хоть Барнвельт густо покраснел и принялся что-то возмущенно шипеть, Тангалоа холодно добавил:

— Тебе долго собираться?

— Да как сказать... А что мне брать? Затычки для ушей?

— Просто обычные шмотки на пару месяцев. Я возьму камеры и прочее снаряжение, а остальное купим в Новоресифи. Нет смысла платить за перевес багажа, без которого можно прекрасно обойтись.

— А куда летит «Эратосфен»? На Плутон?

— Нет, перевалочная база для Цетических планет теперь на Нептуне. А оттуда уже безо всяких посадок на «Амазонке» напрямик до Кришны.

— А что делать с матерью?

— Как что? Да ничего!

— Но если она узнает, то наверняка запретит лететь, а я не смогу с ней спорить. То есть смогу, конечно, да только все равно это без толку.

Тангалоа ухмыльнулся.

— Скажи ей, что собираешься прокатиться на яхте с этим своим приятелем.

— Хорошо. Скажу, что мы навестим прабабку Андерсон в Балтиморе. Тогда лучше сразу позвонить Прескотту. Не хватало еще, чтоб все это выплыло в самом начале.

Высвободив из-под рукава наручный телефон, он набрал номер.

— Гарри? Дирк. Можешь оказать мне одну услугу?..

Войдя в собственную квартиру, Барнвельт с великим облегчением обнаружил, что матери дома нет. Вне всяких сомнений, она отправилась в центр заниматься своим излюбленным делом — а именно, превышением своего банковского кредита. С постыдной поспешностью он уложил чемодан, сердечно распрощался с котом, золотой рыбкой и черепахой и через полчаса на цыпочках прокрался наружу, чувствуя себя, как начинающий взломщик.

Но когда за ним захлопнулась входная дверь, в голове у него словно протрубила сигнальная труба. Ссутуленная спина выпрямилась: в конце концов, мужчина есть мужчина, повелитель собственной судьбы. Если все пойдет хорошо, до отъезда он с матерью не увидится. Он будет, впервые за тридцать один год собственной жизни, действительно сам себе хозяин.

Только вот правильно ли это? Его так и душили сомнения...

Так что пока на метро и автобусе он добирался до квартиры Тангалоа, две стороны его натуры активно боролись между собой. А когда он вошел в дверь, сторона, вооруженная эдиповым комплексом, стала проявлять явное превосходство.

— Чего это ты как в воду опущенный, приятель? — поинтересовался Тангалоа. — Можно подумать, ты

космотеист, у которого только что умер гуру! Ты что, всю жизнь собрался проторчать на Земле?

— Нет, — уныло согласился Барнвельт. — Просто совесть мучает. Хотя и во благо, но мы наврали, и эта ложь сидит теперь на пороге нашего предприятия. Наверное, мне все-таки лучше позвонить...

И он отцепил от зажима специальную иголочку, чтобы набрать номер.

— А вот этого не надо! — неожиданно резко рявкнул Тангалоа, прихлопывая смуглой ручищей запястье Барнвельта с телефоном.

Через несколько секунд Барнвельт опустил глаза.

— Ты прав. Вообще-то, пожалуй, лучше совсем отключить телефон.

Тем концом, на котором была крошечная отвертка, он сунул иголку в гнездо на аппарате и повернул ее с еле слышным щелчком.

— Так-то лучше, — пробасил Тангалоа, возвращаясь к чемоданам. — Ты когда-нибудь общался с психоаналитиком?

— Угу. Оказалось, что у меня эдипов комплекс. Но маманя быстренько все это прекратила. Побоялась, что сработает.

— Тебе следовало бы вырасти в полинезийской семье. Там собрана такая бездна всякого народу, что на личностях никто не концентрируется, и мы и слыхом не слыхивали об этих ваших несчастных комплексах.

Насвистывая какой-то легкомысленный мотивчик, Тангалоа сложил рубашки, чтобы они влезли в чемодан, и принялся раскладывать по соответствующим отсекам специальные материалы и снаряжение. Первым делом на месте оказались лекарства и медицинские препараты, в том числе предназначенные на все случаи жизни капсулы «Лонгевит», без которых ни один человек не мог рассчитывать на как минимум двухсотлетнюю прибавку к своему зрелому возрасту.

За ними последовали шесть одномиллиметровых камер «Хаяши», каждая из которых была упрятана в массивный разукрашенный перстень, надежно ее маскировавший, а также пара ювелирных луп и тонюсенькие отвертки для открывания камер и замены пленки.

Потом — два блокнота Кенига и Даса с титан-иридиевыми страничками, увеличительное стекло для просмотра записей и складной пантограф, служащий для уменьшения букв, начертанных рукой пишущего, до почти микроскопических размеров. Делая записи крошечными буквами и используя диграфический алфавит Эвинга, опытный человек вроде Тангалоа ухитрялся вместить на одну сторону странички размерами шесть на десять сантиметров около двух тысяч слов.

Барнвельт поинтересовался:

— А что, Служба безопасности перевозок на Кришне действительно позволит нам вынести эти камеры из резервации?

— Да. Если напрямую руководствоваться Правилom 368, это нельзя, но на «Хаяши» они смотрят сквозь пальцы, поскольку кришниты их попросту не замечают. К тому же, в каждуюстроен аварийный деструктор, и при любой попытке разобрать камеру она разлетается на кусочки. Вот эту катушку с микрофильмом брось к себе в сумку.

— А что это такое?

— Элементарный курс гозаштандского языка. В пути можешь заняться — вот звуковое сопровождение. — Он вручил Барнвельту диск сантиметра в два толщиной и шести в диаметре. — На кораблях есть проигрыватели. Выше нос, чувак!

Проводить Тангалоа в нью-йоркском аэропорту явились аж сразу четыре дамы: его очередная супруга, две бывшие и потрясная подруга. Тот поприветство-

вал их в своей обычной разухабистой манере, шумно всех перецеловал и небрежно потопал к автобусу.

Барнвельт, тоже распрощавшись с прекрасным квартетом, последовал за Тангалоа, испытывая к счастливчику вполне обоснованную зависть. Выглянув из окна автобуса, чтобы напоследок помахать девушкам, он вдруг заметил крошечную седовласую фигурку, которая, решительно распахивая толпу, пробиралась вперед.

— О боже! — выдохнул он, торопливо отворачиваясь от окна.

— Что стряслось, приятель? — встрепенулся Тангалоа. — Ты даже побледнел!

— Моя мать!

— Где? А, вон та, маленькая такая? На вид так не очень страшная.

— Ты ее просто не знаешь. Этот болван водитель собирается ехать?

— Не психуй. Ворота закрыты, сюда она не пролезет.

Барнвельт съезжился на сиденье. Наконец, автобус пришел в движение, и меньше чем через минуту они уже подкатили к кораблю. Трап — высокая и крутая лестница на колесиках — уже стоял на месте. Барнвельт поспешно взлетел наверх. Тангалоа, хрипло сопя и бурча что-то насчет эскалаторов, тяжело втащился следом.

— Надо было тот тортик еще и сиропчиком полить, — заметил ему Дирк.

Теперь, когда из-за расстояния и сгустившихся сумерек он уже не мог различить лица в толпе у ворот, он снова начал чувствовать себя человеком.

Забравшись внутрь фюзеляжа, они спустились к своим креслам, повернутым так, чтобы можно было сидеть прямо, хотя корабль при этом стоял на поле космопорта на хвосте.

Барнвельт заметил:

— А ты довольно спокойно расстался со всеми своими женщинами.

Тангалоа пожал плечами.

— Да если приспичит, в минуту другая будет!

— Когда в следующий раз будешь списывать очередной набор эдаких красоток, не забудь хоть одну мне оставить.

— Если они не будут против — за чем дело стало? Полагаю, ты предпочитаешь бледную, или — как вы тут на Западе выражаетесь — белую расу?

Служащий авиакомпании, обходя круг за кругом и компостируя билеты, спускался вниз по фюзеляжу. При этом он выкрикивал:

— Имеется ли на борту пассажир по имени Дик Барнвелл?

— Наверное, это я, — встрепнулся Барнвелт. — Дирк Барнвелт.

— Ага. Ваша мать только что вызывала нас по радио с башни управления полетами, просила вас высадить. Вам нужно поставить нас в известность прямо сейчас, пока трап не убрали.

Барнвелт сделал глубокий вздох. Сердце его гулко застучало. Он поймал на себе насмешливый взгляд Тангалоа.

— Скажите ей, — проквашал он, — что я остаюсь!

— Вот и славненько! — гаркнул Тангалоа. Служащий полез обратно наверх.

А потом в ураганном реве реактивных двигателей потонули все остальные звуки, и поле космопорта провалилось вниз. Показался Нью-Йорк, подмигивающий миллионами огоньков, а потом и весь Лонг-Айленд целиком. На западе над горизонтом вновь поднялось солнце, которое село полчаса тому назад.

Высоко над головами пассажиров, за поворотом коридора с лязгом распахнулась дверь воздушного шлюза. Понатыканные по всей «Амазонке» репродукторы заунывно затанули: «Todos passageiros fora — пассажиров приглашаем на выход — todos passageiros...»

Дирк Барнвельт, стоя рядом с Джорджем Тангалоа в очереди ожидающих высадки пассажиров, машинально продвигался вперед, держась вплотную к человеку, что стоял впереди. Сквозь невидимую открытую дверь в носу корабля доносилось дыхание незнакомого воздуха: влажного, теплого и насыщенного растительными ароматами. Он так отличался от воздуха в космическом корабле, с его запашками озона, машинного масла и немых человеческих тел. Тут и там вспыхивали огоньки зажигалок — пассажиры торопливо закуривали первые после Нептуна сигареты.

Очередь начала ощутимо продвигаться вперед. Когда они приблизились к шлюзу, Барнвельт услышал посвистывание порывистого ветра и перекрывающий шарканье подошв плеск дождя. Наконец их взорам предстал внешний мир — жемчужно-серый прямоугольник на фоне более темных переборок.

Барнвельт пробормотал:

— Я чувствую себя просто как мумия, которая вылезла из саркофага. Никогда не думал, что космическое путешествие — это такая морока.

Подойдя к шлюзу ближе, он увидел, что серая пелена представляет собой брюхо дождевой тучи, про-

плывающей мимо. Ветер вовсю хлопал тентом, натянутым над трапом, и с боков на него то и дело задувало капли дождя.

Когда Барнвельт, дождавшись своей очереди, перешагнул через порог шлюза, то услышал внизу шлепанье тяжелых сумок и чемоданов, подаваемых ворчащими грузчиками через служебный шлюз под трапом на желоб, и шуршание, с которым те съезжали вниз. Бросив взгляд через поручень, он даже вздрогнул — до земли было далеко.

Ветер на все лады завывал в ажурной конструкции трапа и прижимал пальто Барнвельта к коленям. Спустившись вниз, он обнаружил, что предстоит еще несколько минут шагать до здания таможни. Крытый навесом на тонких стойках переход пересекал чуть ли не все поле — голую земляную плоскость коричневого цвета, усеянную многочисленными лужами. Неподалеку бульдозер и каток выравнивали кратер, оставшийся от последнего запуска. «Амазонка» высилась у Барнвельта за спиной, словно колоссальный винтовочный патрон, поставленный торчком. Когда они доплелись до таможни, дождь перестал, и между громоздящимися скоплениями туч желтым щитом выглянул Рогир.

Человек в униформе службы межпланетных перевозок держал дверь таможни открытой и на межпланетном бразильско-португальском повторял: «Пассажиры, остающиеся на Кришне, — первая дверь направо. Следующие до Ганеши и Вишну...»

Девять из четырнадцати пассажиров толпой устремились в первую дверь направо и выстроились в очередь перед стойкой, за которой восседал крупный неприветливый тип, представленный табличкой как «Афанасий Горчаков, старший таможенный инспектор».

Когда подошла их очередь, Барнвельт с Тангалоа предъявили свои паспорта, которые были тут же проверены, проштампованы и зарегистрированы, пока сами они расписывались и ставили отпечатки больших

пальцев в учетную книгу. Двое помощников Горчакова тем временем досматривали багаж.

Добравшись до камер «Хаяши», один из них подзвал Горчакова, который, повертев камеры в руках, спросил:

— Деструкторы есть?

— Есть, — ответил Тангалоа.

— Вы не допустите, чтоб они попали в руки кришнитам?

— Да бог с вами.

— Тогда мы их пропускаем. Это, конечно, не совсем законно, но сделаем исключение, поскольку Кришна все время меняется, и если снимки старой Кришны не сделать сейчас, их уже не будет никогда.

— А почему она так меняется? — удивился Барнвельт. — Я-то думал, что вы, ребята, тщательно оберегаете кришнитов от постороннего влияния.

— Так-то оно так, но они и от нас самих много чему ухитрились научиться. Взять, к примеру, принца Ферриана из Сотаспи. В 2130 году он ввел в своем королевстве патентную систему, и теперь она всюю начинает давать свои плоды.

— А кто это такой?

— Ох и мошенник! Как-то целую техническую библиотеку пытался на Кришну протащить под видом мумии какого-то предка. Когда мы ее перехватили, он и дал ход этой своей идее с патентами, а позаимствовал он ее во время своего визита на Землю.

— А кто тут советник по делам иностранцев? — вмешался Тангалоа.

— Куштаньозо. Обождите, потом я вас представлю.

Когда все вновь прибывшие прошли медосмотр, Горчаков провел людей Штайна через зал в другой кабинет, занимаемый Геркулио Куштаньозо, помощником инспектора службы безопасности Новоресифи.

Как только Горчаков удалился, Тангалоа поведал тому о целях и задачах предстоящей экспедиции, добавив:

— На юную особу положиться можно? Нам бы очень не хотелось, чтобы наши планы дошли до аборигенов.

При этом он кивнул в сторону симпатичной секретарши Куштаньозо.

— Конечно-конечно! — заверил Куштаньозо, крошечный смуглый человечек.

— Вот и славненько. За несколько последних месяцев через ваши руки не проходил кто-нибудь, похожий на доктора Штайна?

Куштаньозо внимательно изучил протянутую ему батиграфию. Трехмерный образ холодно уставился на него в ответ.

— Не думаю... хотя погодите, вроде был такой на последнем корабле с Земли, а с ним еще двое. Сказали, будто король Балхиба нанял их сделать топографическую съемку королевства.

— А как бы это им удалось без нарушения ваших правил?

— Им пришлось бы ограничиться исключительно кришнитскими методами топографии. Но даже в этом случае, как они уверяли, точность замеров будет куда выше, чем у любого кришнита. Сейчас, по зрелом размышлении, мне эта легенда и впрямь представляется довольно зыбкой, поскольку ни для кого не секрет, что, с тех пор как сэр Шургец отрезал королю Киру бороду, у того просто мания против иностранцев. Я пошлю ему запрос. Синьорита Фоли!

— *Sim?* — Девушка обернулась, широко раскрыв огромные голубые глаза. На Куштаньозо она уставилась с таким нетерпеливым вниманием, будто он собирался, по меньшей мере, поделиться с ней беспроигрышной методикой игры в бридж.

— Письмо, *rog favor*. От Геркулио Куштаньозо и так далее, Его Несравненной Превозвышенности Киру бад-Баладу, доуру Балхиба и Кубьяба, наследному дашту Джешанга, титулованному пандру Чилихага, и прочая, и прочая. Имеем честь поставить Ваше Благолепие в известность относительно того, что межпланетная служба безопасности испытывает нужду великую в сведениях, касательство имеющих...

Закончив диктовать, он распорядился:

— Переведите на гозаштандский и перепишите от руки на местной бумаге.

— Должно быть, смышленная девчонка, — заметил Барнвельт.

— Это уж точно. — (Заслышав эту скупую похвалу, девушка зарделась). — Синьорита, это наши гости, синьоры Джордж Тангалоа и Дирк Барнвельт; мисс Элин Фоли.

— Что там за история с бородой короля? — любопытствовал Барнвельт. — У местной публики, должно быть, недюжинное чувство юмора.

— Вы, гляжу, даже десятой доли всего не знаете. Этот самый Шургец был послан за бородой в порядке епитимьи, потому что убил кого-то в Микарданде. Кир чуть не лопнул со злости, поскольку у кришнитов бороды практически не растут, и ему всю жизнь пришлось положить, чтоб ее вырастить.

— Вполне представляю, каково ему пришлось, — кивнул Барнвельт, припомнив, как одноклассники по педагогическому колледжу однажды насильно избавили его от усов. — А когда это было?

— В 2137 году, после задержания Ферриана с мумией и скандала с Гоисом.

И Куштаньозо поведал им об удивительных приключениях Энтони Фаллона и Виктора Хассельборга, дополнив свой рассказ другими подробностями из новейшей кришнитской истории.

— Запутано почище вопросника для вычисления подоходного налога, — заметил Барнвельт. — Что-то не припомню, чтоб я про это где-нибудь читал.

— Вы забываете, синьор Дирк, что известия об этих событиях еще не достигли Земли до вашего отлета, а путешествовали вы не много не мало двенадцать земных лет, по реальному времени.

— А-а, ясно. Что-то мне такое говорили про эффект Фицджеральда. Правда, я не чувствую, что стал на двенадцать лет старше.

— Конечно, потому что физически этого не произошло — вы постарели разве что на три-четыре недели. А с Хассельборгом вы разминулись в пути — он недавно вернулся на Землю.

— Кхе-гм, — вмешался Тангалоа. — Давайте все же вернемся к сути дела, джентльмены. Как бы нам попасть в Сунгар?

Куштаньозо подошел к стене и опустил свернутую в рулон карту.

— Взгляните, синьоры. Мы находимся вот здесь. Это река Пичида, которая отделяет империю Гозаштанд на севере от республики Микарданд на юге. Тут пролив Палиндос, который на юге сообщается с морем Банжао, а вот он и Сунгар.

Как видите, ближайший к Сунгару порт на море Банжао — Малайер, но в тех краях идет война, и кто-то мне говорил, будто этот Малайер осадили кочевники Каата. Так что вам придется спуститься по Пичиде до Мажбура, потом доехать по железной дороге вдоль побережья до Ясмуриана, а оттуда по обычной дороге добираться до Рулинди, столицы Кириба. Далее, полагаю, лучше двигаться водой — если, конечно, вы не предпочтете посетить Сотаспи, — (он ткнул в некую точку на карте вдалеке от моря Садабао), — где можно зафрахтовать один из ракетных планеров Ферриана.

Если вы спросите, как вам действовать после Рулинди, то честно скажу — не знаю, поскольку искренне не представляю, как вы ухитритесь проникнуть на этот континент из *sargaso* без того, чтоб вам по меньшей мере не перерезали глотки. Однако тот же Кириб еще сравнительно не затронут земным влиянием, и я уверен, что вы сочтете его достаточно живописным с точки зрения кинематографии.

Тангалоа помотал головой.

— В контракте сказано Сунгар. А как нам ехать до этого Рулинди?

— В смысле, — уточнил Барнвельт, — в качестве кого нам путешествовать? Открыто, как землянам?

— Лично я не стал бы, хотя некоторым это удастся без особых происшествий. Наш парикмахер вполне в состоянии помочь вам с небольшим маскарадом — накладными антеннами, остроконечными ушами и зеленой краской для волос.

— Ох! — простонал Барнвельт.

— Или же, если не хотите красить волосы, что вдобавок сопряжено с необходимостью повсюду таскать с собой запас краски по причине роста волос, можете путешествовать в качестве уроженцев Ньямадзю, где принято брить голову наголо.

— А где находится это самое Нья-как-его-там? — спросил Барнвельт. — Ну и названьице — прямо родной городок Игоря!

— Нья-мад-зю. Это в районе южного полюса, в тысячах хогов отсюда — взгляните на глобус. Да, лучше вам действительно стать ньямцами. Они редко добираются до этой части планеты, так что, если будете выдавать себя за них, никого не насторожит ваш акцент и незнание местных обычаев.

— А у вас есть тут какое-нибудь оборудование для интенсивного изучения языков? — поинтересовался Тангалоа.

— Да, есть механический тасовщик карточек со словами и наборы записей, а в разговорном языке вас поднатаскает синьорита Фоли. В любом случае вам придется потратить несколько дней, чтоб упорядочить свои знания в области кришнитского социального поведения.

Когда они согласились с предложением путешествовать в качестве ньямцев, Куштаньозо объявил:

— Я должен дать вам ньямские имена. Синьор Джордж, вы будете... гм... Синьорита, вам не идет на ум парочка достойных ньямских имен?

Девушка наморщила лобик.

— Помню, были два таких знаменитых ньямских авантюриста — Таджди из Вьютра и Сньол из Плешча.

— Годится! Сеньор Джордж, вы будете Таджди из Вьютра. А вы, сеньор Дирк — Сньол из Плешча. Плеш-ча, две согласные. А теперь вот что: вы умеете ездить верхом и фехтовать? Мало кто из землян умеет.

— Могу и то и другое, — сказал Барнвельт. — Честно говоря, даже знаю воинственные баллады на шотландском наречии.

Тангалоа застонал.

— Мне пришлось выучиться скакать верхом во время той экспедиции на Тор, хотя какой из меня всадник. Но что же касается всяких там сражений на мечах — это увольте! Повсюду, кроме этих погрязших в невежестве планет класса «Х», вы можете спокойно залезть в какой-нибудь летательный аппарат и застрелить кого вам надо из ружья, как подобает цивилизованному человеку.

— Но здесь не совсем цивилизованная планета, — возразил Куштаньозо. — К примеру, вот эту самую батиграфию синьора Штайна вам брать с собой нельзя. Во-первых, это против правил, а во-вторых, любой кришнит при виде трехмерного изображения сразу решит, что это какое-то колдовство землян. Можете,

правда, сделать с нее обычный плоский отпечаток и взять с собой.

— Теперь вот что, — продолжал представитель службы безопасности межпланетных перевозок. — Я дам вам рекомендательное письмо к Горбовасту в Мажбуре, а он, в свою очередь — к королеве Кириба, которая в дальнейшем может оказаться вам полезной. Если ей не следует знать, что вы земляне, какой назовем предлог вашего появления?

— Разве не могут быть у людей на море Банжао какие-нибудь законные дела? — поинтересовался Барнвельт.

— Могут, конечно. Например, охота на гвамов из-за их камней.

— Гвам — это такая помесь меч-рыбы с гигантской каракатицей? — уточнил Тангалоа.

— Точно. Будете охотниками на гвамов. Камни из их желудков поистине бесценны, поскольку у кришнитов существует поверье, будто ни одна женщина не устоит перед мужчиной, у которого есть такой камень.

— То, что тебе надо, Дирк, — хихикнул Тангалоа.

— Да ладно тебе! — отмахнулся Барнвельт. — Я в такие вещи не верю, так что они для меня действительно бесценны — в смысле, никакой цены не имеют. А что сейчас вообще — день, вечер, синьор Геркулио? Мы так долго проторчали в этом летающем саркофаге, что совершенно потеряли представление об объективном времени.

— Считайте, вечер. Нам уже пора закрываться.

— Ну а чем бы вы посоветовали закрепить это ощущение, что уже пять вечера?

Куштаньозо ухмыльнулся.

— Бар «Нова-Йорк» находится в соседнем компанье. Если вы, джентльмены...

Зеленоватое небо уже почти полностью очистилось, заходящее солнце багрянцем и пурпуром подсвечивало снизу редкие оставшиеся облака.

Незатейливые бетонные здания компаунда выстроились прямоугольником, образуя замкнутую глухую стену. Все окна и двери выходили только во внутренний дворик.

В баре Куштаньозо посоветовал:

— Попробуйте по кружечке кваса — это основной спиртной напиток на Кришне.

— Надеюсь, — заметил Барнвельт, — его готовят не из того, что пожевали и выплюнули местные женщины, как принято на родине Джорджа.

Куштаньозо скривился. Как только они сделали заказ, где-то рядом вдруг раздался чей-то высокий, скрипучий голос: «Зефт! Зефт! Рувой зу! Зефт!»

Барнвельт выглянул из-за перегородки, которая отделяла их кабинку от соседней, и обнаружил огромного красно-желто-синего какаду, восседающего на жердочке.

— Это Фило, — пояснил Куштаньозо. — Мирза Фатах привез его с собой на последнем корабле — том самом, с которого высадился человек, предположительно являющийся вашим доктором Штайном.

— А почему он оставил попугая здесь? — полюбопытствовал Барнвельт.

— Согласно правилам, птица должна была пройти карантин, а Мирза очень торопился на съезд своей

секты в Миши. Так что он отдал попугая Абреу, моему шефу, а шеф передал его мне, когда тот укусил синьору Абреу. Кстати, джентльмены, вам не нужен попугай?

Когда исследователи покачали головами, какаду взвизгнул: «Зефт! Багхан!»

— Кто-то научил его всем гозаштандским непристойностям, — вздохнул Куштаньозо. — Когда у нас бывают приличные кришниты, мы его прячем.

— А кто такой Мирза Фатах? — спросил Барнвельт. — Похоже на иранское имя.

— Так оно и есть. Он космотеистский миссионер — маленький такой толстячок, который болтается между Цетическими планетами, проповедуя свой культ.

— Бывал я в Иране, — заметил Тангалоа. — Подходящая страна.

Куштаньозо продолжал:

— Синьора Мирзу мы не видели уже несколько лет, поскольку он летал на Землю получать благословение главы культа.

— Это вы про мадам Вон-Зейц? Которая уверяет, будто является перевоплощением Франклина Рузвельта и посредством телепатии черпает вдохновение от некого бессмертного имама, что живет в пещере среди арктических льдов?

— Про нее самую. Как бы там ни было, Мирза обрабатывает этот регион уже почти как век. Забавный тип: совершенно искренне, как мне кажется, верит во всю свою сверхъестественную галиматью, да и человек он добрый, а вот доверять и на грош нельзя. На Вишну его как-то уличили, что он плурует в карты.

— Все эти ханжествующие теоретики вообще, как правило, жулики, — заметил Барнвельт.

— Что-что? Вообще-то у него жизнь не сахар, у бедняги. Лет двадцать назад, перед самым отлетом на Землю, он потерял здесь, на Кришне, жену с дочерью.

— А я думал, у космотеистов обет безбрачия.

— Верно, и я сам слышал, как Мирза, заливаясь слезами, которые струились по его пухлой физиономии, твердил, что обрушившаяся на него беда и была следствием нарушения этого табу.

— А как это случилось?

— Они ехали из Мажбура в Ясмуриан (это вам тоже предстоит), и на поезд напала банда грабителей. Жену Мирзы сразу убили стрелой из лука. Сам Мирза, который вообще не отличается отвагой, избежал подобной участи, прикинувшись мертвым, а когда открыл глаза, обнаружил, что девочка пропала. Грабители наверняка утащили ее с собой, чтобы продать потом в рабство.

В разговор вмешался Тангалоа:

— Потрясающе, но лучше расскажите нам поподробней про Кириб.

— Да о чем речь! Кириб — это королевство, правда, я бы уточнил, королевство от слова «королева», а не «король». Это матриархальное государство в незапамятные времена основала королева Деджаная. И мало того, что страной правят женщины, — есть там один диковатый обычай. Королеве выбирают среди мужчин супруга-консорта, и, после того как он прослужит год, его с великой pompой и церемониями казнят и выбирают следующего.

— В точности, как у некоторых древних земледельческих племен на Земле! Взять, к примеру, первобытный Малабар...

— Не думаю, — заметил Барнвельт, — что на столь рискованную должность очень большой конкурс. Есть, наверное, и более простые способы зарабатывать себе на жизнь, даже на Кришне.

Куштаньозо пожал плечами.

— Мнение этих бедолаг никого не интересует. Их избирают большинством голосов, хотя мне приходилось слышать, что результаты голосования частенько подтасовываются. Существует движение за замену на-

стоящей казни символической — чтобы отставному королю лишь давали шлепка, оставляя отметину, но консерваторы считают, что подобные перемены разгневают богиню плодородия, в честь которой всякий раз и затевается эта отвратительная церемония.

Барнвельт поинтересовался:

— А не получится ли, что столь высокая честь будет оказана кому-то из нас? Лично меня такая перспектива что-то не прельщает.

— Да нет, что вы, правом избрания обладают только подданные Кириба! Тем не менее, вам обязательно следует запастись каким-нибудь презентом для королевы Альванди.

— Хм, — задумался Барнвельт. Ну что, Джордж, насколько я понимаю, наши командировочные фонды ожидает первый серьезный удар...

— Погоди-ка чуток! — сказал Тангалоа, поглядывая масляными глазками на попугая. — А как насчет этого какаду, сойдет? Не думаю, чтобы у этой королевы были какие-нибудь земные птицы, а?

— То, что надо! — одобрил Куштаньозо. — Кстати, это не будет стоить вам ни гроша. Только рад буду избавиться от этой твари.

— Эй! — встревожился Барнвельт. — Я, конечно, люблю животных, но у меня жуткая аллергия на перья!

— Будь спок! — заявил Тангалоа. — Клетку, так и быть, понесу я, а ты все остальное барахло.

А Куштаньозо добавил:

— Обязательно предупредите королеву, чтоб была с Фило поаккуратней.

— Мне кажется, — заметил Барнвельт, — он потому такой злой, что давно не встречал какаду женского пола.

— Возможно, но поскольку ближайший таковой какаду находится в двенадцати световых годах отсюда, придется ему с этим смириться.

— А как насчет его словарного запаса? Королеве может прийти не по вкусу столь шокирующая лексика.

— Об этом не беспокойтесь. Она, говорят, и сама на словом в карман не лазит.

— Ну, давай поднимайся, — довольно резко объявил Барнвельт на следующее утро. — Нечего тебе тут валяться, весь день переваривая завтрак! Ты почище того борова, что был у моего старика на ферме! Пошли!

И всячески понукая и подталкивая явно не страдающего избытком трудового энтузиазма Тангалоа, он поволок его в гимнастический зал Новоресифи. Хотя номинально старшим считался Тангалоа, Дирк понял, что ему следует все больше и больше забирать бразды правления в собственные руки, если они вообще рассчитывают куда-то попасть.

В зале они обнаружили какого-то коренастого, лысоватого голубоглазого детину, подтягивающегося на турнике. Детина сообщил, что его зовут Хёггстед.

— Сто зелаєте? Массаш? — поинтересовался детина, стоя на голове.

— Нет, пофехтовать, — ответил Барнвельт.

— Сопрались ф путешествие по стране, очефитно? У меня ест фсе, сто нужно, — заверил Хёггстед, делая глубокие наклоны. Прервался он только затем, чтобы притащить пару защитных масок, жилеты, перчатки и шпаги.

— Спаги потязелей семных, — пояснил он, раскинув руки и делая диагональные наклоны. — Этоп больше похотили на криснитские меси. Криснитский месь тязелый, этоп доспехи пропифал. Фы снакомы с оснофами? — добавил он, продолжая безостановочно выполнять всевозможные упражнения.

— Угу, — отозвался Барнвельт, напяливая жилет. — А ну-ка одевайся, Джордж, пока я на твоей шкуре свои инициалы не наколол!

— Я уже поставил тебя в известность, что я полный чайник во всех видах спорта, за исключением, разве что, крикета, — с несчастным видом простонал Тангалоа.

— Да ладно тебе! Ты плаваешь, как рыба.

— А это не спорт, а чисто утилитарный метод преодоления водной преграды при отсутствии моста или лодки. Как полагается держать этот архаичный предмет?

Барнвельт показал, пока Хётгстед делал стойку на брусках.

— Я устал, уже просто наблюдая за мистером Хётгстедом, — пожаловался Тангалоа, вяло выставя перед собой клинок.

— Шрат нато поменьше, — огрызнулся Хётгстед, стоя на одной руке, — пит, курит, спат то полутня! Попати фы ко мне ф руки, я пы стелал ис вас муссину! Наусил пы тействфительно насластаться сисню!

— Я уже и так насладился настолько, что сомневаюсь, выдержу ли дальше, — пропыхтел Тангалоа. — Ох!

— Ис неко ф сисни не фыйтет фехтофальсик, — заметил Хётгстед, подпрыгивая в воздух, делая сальто и вновь оказываясь на ногах. — У неко нет инстинкта упифать, фот ф сем пета! Он тершит ее, как филку са опетом!

— Конечно, нет, берсерк вы норвежский! — с готовностью согласился Тангалоа. — Я ученый, а не кровожадный гладиатор! Единственный случай, когда я кого-то пришил, был тогда на Торе, когда на нас подумали, будто мы сперли священный пирог, и нам пришлось прорываться со стрельбой.

Тангалоа и вправду не оказался многообещающим учеником. Он был слишком медлителен, неуклюж, да и интереса особого не проявлял.

— Давай, жиртрест несчастный! — подбадривал его Барнвельт. — Да выстави ты руку подальше! Что бы подумал д'Артаньян?

— А мне чихать, что бы там подумал какой-то немый европейец из семнадцатого века. И никакой я не толстый, — с достоинством отвечивал Тангалоа. — Просто в меру упитанный.

Где-то через половину кришнитского часа Барнвельт оставил страдальца в покое и обратился к Хёггстеду:

— Не хотите прикинуться?

Этим они и занялись. Тангалоа, обливаясь потом, сидел на брезенте спиной к стене и смотрел.

— Это более подходящая роль для моего созерцательного темперамента, — заметил он при этом. — Пока средневековые романтики занимаются своим делом, мое дело — наблюдать.

— Он просто лентяй и пытается скрыть это фыскопарными слофесами! — сказал Хёггстед. — А у фас неплохо полузается, хот на фит фы тофольно неуклюши. *Туше!*

— Все дело в практике, — откликнулся Барнвельт, выполняя отскок с *double degage*. — Игра, в которой у Джорджа практики навалом, на Кришне нам не поможет.

— Не такие уш они и мастера, эти крисниты, — успокоил его Хёггстед. — У них осен сапутанный метот опусения, осен формальный, по картинкам на полу. *Туше!*

Барнвельт сделал еще несколько выпадов и вернул Хёггстеду инвентарь.

Тангалоа зевнул.

— Полагаю, что следующим делом надо заглянуть к Куштаньозо и посоветоваться насчет снаряжения.

— Никаких извинений! — воскликнул Куштаньозо. — Это моя работа.

— Можно с вами? — спросила Элин Фоли, бросая робкий взгляд на шефа.

— Конечно! — отозвался Куштаньозо и, выйдя из кабинета, провел их через внутренний дворик в лавку, торгующую всевозможной экипировкой, где их встретил первый кришнит, которого Барнвельт сумел рассмотреть вблизи.

Местный молодец просто-таки до чрезвычайности походил на обычного человека, хотя ярко-зеленые волосы, огромные остроконечные уши и усики-антенны, растущие у него между бровей, придавали ему такой вид, будто он сошел со страниц какой-то земной детской книжки. Когда Барнвельт пригляделся к кришниту попристальней, то начал подмечать и другие небольшие отличия: в цвете и форме зубов, ногтей, глаз и так далее. По сравнению с Барнвельтом кришнит был низкорослым, но мускулистым и жилистым, со шрамом на физиономии, который по диагонали пересекал курносый нос.

— Это Визгаш бад-Мурани, один из наших натурализованных кришнитов, — сказал Куштаньозо. — Он продаст вам всю необходимую экипировку. Визгаш, эти джентльмены собираются путешествовать в качестве ньямцев.

— У меня есть как раз то, что вам нужно, джентльмены, — с акцентом заверил кришнит чудным дребезжащим голосом и с редкостным достоинством направился к подставке, увешанной яркими отороченными мехом костюмами, в которые можно было одеть взвод Санта-Клаусов из земных супермаркетов.

— Нет-нет! — вмешался Куштаньозо. — Я не имел в виду, что они собираются в Ньямадзю. Они едут в Кириб, а там они в таких нарядах просто спарятся!

— На мою родину? — проговорил кришнит. — Но там им не понадобятся костюмы!

— Вы хотите сказать, что там они ходят голые? — забеспокоился Барнвельт, поскольку к нудизму отно-

сил ся отрицательно и вовсе не считал свои голенастые формы образчиком совершенства.

— Да нет, разве когда купаются, — ответил Куштаньозо. — Он имеет в виду, что кирибцы не носят сшитых портным облегающих костюмов, как это принято у нас и жителей Гозаштанда. Они просто обертываются парой кусков ткани, скалывают их булавками и считают себя одетыми с ног до головы. Правда, если вы заберетесь еще дальше на юг, то повстречаете кришнитов, которые и вовсе считают ношение одежды излишней роскошью.

— Хотела бы я на вас посмотреть, если б вам под такого пришлось маскироваться! — сказала Элин Фоли Барнвельту.

— Вы были бы разочарованы, — буркнул Барнвельт, заливаясь краской.

— А откуда вы знаете, чего я ожидаю?

— Я просто буду больше обычного похож на лошадь.

«Ну и язва», — подумал при этом Барнвельт.

Куштаньозо предостерег:

— Держитесь от таких подальше — с ними вы за своих не сойдете. По-моему, лучше всего остановится на летних гозаштандских костюмах.

— Сорок четвертый размер, третий рост, — добавил Барнвельт.

Визгаш согласно выложил на прилавок обмундирование, состоящее из тесной курточки, штанов, больше похожих на широченные, словно юбка, удлинненные шорты, чего-то вроде старинных панталон, чтоб надевать под них, и вязаной шапочки, завязки которой полагалось обматывать вокруг головы на манер чалмы.

— Когда доберетесь туда, где потеплее, нижние штаны можете не надевать, — пояснил Визгаш. Уставившись на Тангалоа, он прибавил: — Боюсь, что вашего размера у меня нет. Придется попросить нашего портного...

— А вот вроде что-то просторное, — сказал Барнвельт, роясь в куче одежды.

— Ох-ха, а я и забыл! Один стокилограммовый землянин заказывал, да помер, прежде чем мы успели отправить.

Тангалоа натянул костюм, после чего Барнвельт заметил:

— Твой видок, Джордж, заставил бы покатиться со смеху самого неисправимого мизантропа.

— По крайней мере, у меня коленки не торчат, — огрызнулся страновед.

— Теперь займемся оружием и доспехами, — объявил Куштаньозо.

— Сюда, — пригласил Визгаш. — Если вы мне растолкуете, чего задумали...

— Наблюдать людей и обычаи, — поспешно ответил Барнвельт. — Обычное страноведческое исследование.

— Вы собираетесь изучать такие вещи, как кришнитская история и археология?

— Да, а еще экологию, социодинамику и религию.

— Хорошо, а почему бы тогда не начать с посещения руин к западу от Коу? Это совсем недалеко — большие руины с надписями, которые никто не может прочитать. Никто не знает, кто их построил.

— Давайте прямо завтра все вместе поедем туда на пикник, — предложила Элин Фоли. — Это будет воскресенье, и мы сможем взять большую лодку нашей конторы.

Барнвельт с Тангалоа вопросительно переглянулись.

— Хорошая мысль, — сказал Куштаньозо. — Сам я поехать не могу, но для вас обоих это будет прекрасной возможностью потренироваться в кришнитском поведении. Полагаю, что Визгаш отправится с вами в качестве гида.

Барнвельт подозревал, что Куштаньозо попросту пытается вежливо сбить их с рук долой, но возраже-

ний никаких не видел. Когда все детали предстоящего пикника были утрясены, он с помощью Визгаша выбрал себе нижнюю рубашку из тонкой кольчуги, меч и кинжал. Тангалоа от клинка отказался.

— Ну уж нет! — заявил он при этом. — Я человек цивилизованный, и не собираюсь навьючиваться всяким примитивным металлоломом. К тому же там, куда мы направляемся, если я не сумею уладить дело простыми уговорами, оружие нам все равно вряд ли поможет.

— Что-нибудь еще? — поинтересовался Визгаш. — У меня тут есть несколько прелестных... э-э... амулетов в виде балхибского бога Бакха. Их можно носить везде, кроме Верхней Герры, где это считается государственным преступлением. И всякие кришнитские книги: словари, путеводители...

— А это что такое? — любопытствовал Барнвельт, развязывая шнурок, который стягивал две деревянные крышки. Между ними была вложена книга в виде длинной сплошной ленты из местной бумаги, сложенной зигзагом. — Прямо кодекс майя!

— Навигационный справочник, изданный в Мажбуре, — отозвался Визгаш. — Здесь есть таблицы, показывающие эволюции всех трех лун, созвездий и приливно-отливных течений, а также указатель счастливых и несчастливых дней.

— Беру.

Они расплатились, договорились с мисс Фоли о времени языкового урока и направились в парикмахерскую приобретать маскарадные личины.

На лодочной станции службы безопасности перевозок дежурил какой-то хвостатый тип с Колофтских болот, весь заросший волосами и страшный, как смертный грех. Элин Фоли вручила ему записку от коменданта Кеннеди и поинтересовалась:

— Ничего в последнее время не слышно о разбойниках на Пичиде, а, Яреват?

— Нет, — ответствовал Яреват. — С та великая битва — нет. Моя там быть. Треснуть разбойник по башка, вот как...

— Он готов рассказывать эту историю любому, только б слушали, — шепнула Элин Фоли. — Возьмем вон ту лодку.

Она указала на гребную лодку со вставленными в борта полукруглыми дугами, которые образовывали над корпусом ряд тонких арок.

— А почему не эту? — спросил Тангалоа, поглядывая на моторку.

— Господи, а вдруг она попадет в руки кришнитам? Это только на самый крайний случай.

Барнвельт ступил в лодку и подал руку мисс Фоли. Визгаш влез следом, придерживая ножны. Когда к содержимому лодки добавил свой вес Тангалоа, та ощутимо просела. Яреват подал им корзину с провизией, отвязал конец и отпихнул их от мостков багром.

Как только их вынесло на открытую воду, Тангалоа заметил:

— Я, конечно, в местной метеорологии не спец, но осмелюсь предположить, что вот-вот пойдет до...

Конец фразы заглушил раскат грома, а щелканье первых крупных капель сделало дальнейшие комментарии излишними.

Визгаш вытащил из носового отсека тент, и совместными усилиями они натянули его на дуги.

— Самое сырое лето с тех пор, как я вылупился, — заметил кришнит.

— Боюсь, что кто сядет на руль, здорово вымокнет, — сказал Тангалоа.

— Пускай Визгаш, — предложил Барнвельт. — Он знает, куда плыть.

Недовольно бурча, кришнит завернулся в плащ и взялся за румпель, пока земляне разбирали весла.

Тангалоа снял с пальца перстень с камерой и сунул его в карман, заметив при этом:

— Все это очень напоминает мне один пикничок, на котором я присутствовал в Австралии.

— Это какая-то местность на вашей планете? — поинтересовался Визгаш.

— Точно. Я там несколько лет прожил — по правде говоря, даже в школу ходил.

— На том пикнике тоже дождь шел?

— Нет, но знаете, какие у них там в Австралии муравьи — *вот* такие здоровенные, жала на обоих концах...

— А что такое муравей?

Пока земляне растолковывали, что такое муравей, дождь перестал, и на зеленоватом небосводе, затянутом низкими тучами, вновь засиял Рогир. Тент они убрали. Они уже достаточно прилично спустились вниз по Пичиде, и лодочная станция пропала из виду. Вскоре они достигли конца бетонной стены, которая шла вдоль северного берега реки и защищала Новоресифи от всяких неприятных неожиданностей.

Тангалоа попросил:

— Расскажите нам о Кирибе, синьор Визгаш, раз уж вы оттуда родом.

— Держитесь оттуда подальше, — продребезжал Визгаш. — Э-э... как это говорится — паршивая страна. Правление женщин развалило ее вконец. Я сбежал оттуда много лет назад и возвращаться не собираюсь.

Южный берег меж тем становился все ниже, покуда между водой и небом не осталась лишь темно-зеленая полоска камышей с понатыканными то тут, то там диковинного вида кришнитскими деревьями.

— Это Колофтские болота, где обитают дикие со-родичи Яревата, — пояснила Элин Фоли.

Тангалоа оглядел свои руки, словно опасаясь волдырей, и заметил:

— А против течения грести будет уже не так весело.

— Возвращаться будем под берегом, там течение слабое, — успокоил его кришнит.

Вдруг острая, словно конек крыши, борозда, образованная неким скольльзящим под водой существом, стремительно взрезала речную гладь перед самым носом лодки и растаяла вдали.

— Нам до самого Коу грести? — поинтересовался Барнвельт.

— Нет, — откликнулся Визгаш, — стоянка чуток недоезжая Коу, на южном берегу.

Из прибрежных зарослей с пронзительными криками и хлопаньем перепончатых крыльев поднялась пара агабатов, которые крутами набрали высоту и улетели к югу. Визгаш то и дело прихлопывал веревками румпеля каких-то мелких летучих тварей.

— Что хорошо, — заметила мисс Фоли, — так это что насекомые нас не беспокоят. Видно, мы сильно отличаемся по запаху от бедняги Визгаша.

— Наверное, мне надо переехать на вашу планету, чтоб они меня тоже не кусали, — отозвался страдалец. — А вон и стоянка.

Камыши вдоль южного берега реки уступили место пологим бурым откосам в два-три человеческих роста.

— А как бы узнать время? — спросил Барнвельт. — Куштаньозо не разрешил нам взять часы.

Визгаш отстегнул с руки браслет, защелкнул его снова и поднял за длинную тонкую цепочку.

— Сейчас без четверти девять дня — по-вашему где-то час после полудня, хотя, поскольку ваши дни и часы отличны от наших, я не уверен в точности такого перевода. Солнце сквозь эту дырочку освещает метки внутри, как сквозь бойницу крепостной башни в романе Аббега и Данжи. Может, купите такие, когда вернемся в Новоресифи?

— Может, и купим.

Барнвельт уложил весла на борта и неуклюже полез вперед.

В воде у самого берега возвышался простейший причал — часток из коротких разномастных бревен, засыпанный мелкими камнями. К нему огромными висячими замками были прикованы две лодки явно кришнитской постройки. Через прорытый в обрывистом берегу спуск к причалу сбегала узкая грязная дорожка. Когда плавсредство службы безопасности ткнулось носом в сваи, в воду с плеском скользнули две какие-то небольшие чешуйчатые твари.

Когда путешественники вылезли на причал и привязали лодку, Визгаш повел их вверх по дорожке, которая поворачивала влево, в сторону Коу. Вдали вдруг слышалось рычание, и всевозможные попискивания, шорохи и чириканье мелких обитателей придорожной растительности разом смолкли.

— Все в порядке, — приободрил спутников Визгаш. — Они редко подходят близко к деревне.

— Теперь не жалеешь, что не купил меч, а, Джордж? — сказал Барнвельт. — Лично я без своего чувствовал бы себя, как адвокат без портфеля.

— С такими защитниками, как вы с Визгашем, я чувствую себя просто замечательно. Держи-ка корзину.

Барнвельт безропотно подхватил корзину с провизией, в чем-то завидуя нахальству Тангалоа, который всегда без зазрения совести мог переложить тяжелую ношу на плечи кому-нибудь другому. Жара и кочковатая тропа вскоре окончательно отбили у них охоту болтать на ходу.

— За мной! — бросил, наконец, Визгаш, продираясь сквозь кусты по левой стороне дороги.

Путешественники последовали за ним. Поскольку местность в чем-то походила на открытую саванну, продвигаться было не очень тяжело. Через несколько минут они вышли на свободное пространство, усеянное, словно моренный ландшафт, обломками камней

и валунами. Приглядевшись, Барнвельт заметил, что большинство камней имеет неестественную правильную форму и размеры и расположено ровными рядами и полукружьями.

— Наверх, вон туда, — распорядился Визгаш.

Они полезли на какую-то коническую груду — остатки круглой башни, которая давно рухнула, рассыпавшись на куски, но по-прежнему позволяла охватить местность одним взглядом. Руины тянулись до самой реки. Крепость или укрепленный лагерь, предположил Барнвельт...

— Смотрите, — провозгласил Визгаш, указывая на остатки статуи раза в три побольше натурального человеческого роста. Уцелел только пьедестал с одной ногой, в то время как среди каменных обломков, раскиданных у основания, Барнвельт углядел голову, часть руки и другие детали изваяния. Ему припомнилось:

Рассказывал мне странник, что в пустыне,
В песках, две каменных ноги стоят
Без туловища с давних пор поныне.
У ног — разбитый лик, чей властный взгляд
Исполнен столь насмешливой гордыни,
Что можно восхититься мастерством,
Которое в таких сердцах читало,
Запечатлев живое в неживом.
И письмена зывают с пьедестала...

— Чего это вы там бормочете? — спросила Элин Фоли.

— Простите, — опомнился Барнвельт. — Мне просто пришло на ум...

И он продекламировал сонет целиком.

— А это случайно не этих английских чуваков Келли с Шитсом? — влез в разговор Тангалоа. — В смысле, которые «Микадо» написали?

Прежде чем Барнвельт успел поправить коллегу, вмешался Визгаш:

— Вам обязательно следует ознакомиться с величайшей поэмой нашего стихотворца Калли, посвященной руинам вроде этих. Называется она «Горестные размышления...»

— А как насчет заморить червячка? — встрял Тангалоа. — Гребля пробудила во мне зверский аппетит.

— Называется она, — твердо повторил Визгаш, — «Горестные размышления, порожденные вкушением трапезы среди замшелых руин Маринжида, сожженного балхибцами в год Аввала сорок девятого цикла после Карара».

— При столь основательном заглавии, — заметил Тангалоа, — наверняка нет нужды...

Но кришнит тут же разразился раскатистыми, гортанными гозаштандскими стихами, делая при этом размашистые делсартийские жесты. Барнвельт обнаружил, что способен уловить от силы одно слово из пяти.

Тангалоа обратился к Элин Фоли:

— Вот чего мы добились, отправившись в компании с этой парочкой помешанных на поэзии! Если вы не против немного прогуляться, пока они тут токуют, я наверняка разыщу несколько более гостеприимный...

В этот самый момент Визгаш завершил декламацию со словами:

— Я могу продолжать еще час, но думаю, что вы ухватили основную идею.

После этого он вызвался выступить в качестве шеф-повара и отправился на поиски дров. Сооруженная им кучка веточек выглядела далеко не многообещающе, но вдобавок он сорвал еще и несколько каких-то сорняков со стручками. Стручки он разломал и вытряс на горку щепок мелкую желтую пыльцу.

— Это язувар. Этот порошок у нас применяют в фейерверках, — пояснил он.

Потом он вытащил какой-то крошечный цилиндрок с поршеньком, который плотно в него вставлялся и

был снабжен массивным набалдашником. В цилиндрик он насыпал щепотку трута из маленькой коробочки, вставил в его открытый конец поршеньек и резко ударил ладонью по набалдашнику, загоняя поршеньек внутрь.

— Мне это нравится больше механических кремневых зажигалок, вроде той, что вы купили, — сказал он. — Реже выходит из строя.

Вытащив поршеньек, он высыпал тлеющий трут на костер. Рдеющие крошки подожгли желтый порошок, который тут же с треском вспыхнул и запылил остальное.

Элин Фоли тем временем выкладывала содержимое корзины. Помимо всего прочего, Визгаш сам извлек оттуда какой-то сверток, обернутый вощеной бумагой. Когда бумага была развернута, на свет божий показались четыре некие суставчатые твари, похожие то ли на рачков, то ли на здоровенных пауков.

— Это, — объявил Визгаш, — очень большой деликатес.

Барнвельт судорожно сглотнул и почувствовал на себе насмешливый взгляд Тангалоа. На Самоа жрут что ни попадя; но ему, Барнвельту, в жизни не достигнуть той неразборчивости в еде, которая отличает истинного путешественника. Однако ему удалось, по крайней мере, не скривиться и сохранить более-менее отсутствующее выражение лица; может, и почище чего есть придется. Если бы эта особенность исследований чужих планет пришла ему в голову раньше, он бы с куда большим пылом противился уговорам.

— Какая прелесть, — проговорил он с натужной улыбкой. — Их долго готовить?

— Пять-десять минут, — отозвался Визгаш. Жуков он зажал между двумя проволочными решетками и принялся подрумянивать над огнем, отчего те тут же съезжились и стали распространять острую вонь.

Где-то в стороне дороги из кустов с хриплыми криками вдруг вырвалось с дюжину каких-то летучих существ. Барнвельт бесцельно проследил, как они улетели прочь, гадая, не спугнул ли их какой-нибудь рыскающий в округе хищник. Звуки, производимые мелкими обитателями кустов и травы, вроде снова примолкли.

— Визгаш, — проговорил он, — а вы уверены, что в округе действительно нет никаких бандитов?

— Уже несколько лет, как нет, — подтвердил кришнит, переворачивая решетку над огнем и подбрасывая в пламя дополнительные щепочки. — А что такое? — добавил он резко.

Тангалоа, нацеливая «Хаяши» на обломки руин, предложил:

— Давай сходим к реке, Дирк. На том конце вроде даже кладка сохранилась.

— Скоро уже будет готово! — заявил Визгаш тоном протеста.

— Мы недалеко, — заверил Тангалоа. — Позовите нас, когда почти совсем прожарится.

— Но... — начал было Визгаш в нерешительной манере человека, с трудом облакающего мысли в слова.

Но Тангалоа уже устремился к реке. Барнвельт последовал его примеру. Вдоль скал на северной стороне руин они направились к краю нависавшего над водой обрыва. Возле самой крепостной стены стояла здоровенная плита, наполовину ушедшая в землю и пьяно покосившаяся, покрытая спереди полустертыми письменами.

Тангалоа отснял несколько сантиметров пленки, приговаривая:

— Вот через пару часов, когда солнце как следует проявит эти письмена...

Барнвельт обернулся в сторону костра и замер. Визгаш стоял на ногах и махал рукой.

— По-моему, он нас зо... — начал было Барнвельт и тут же понял, что кришнит, скорее всего, подзывает кого-то с противоположной стороны, от дороги.

— Эй! — воскликнул Барнвельт. — Посмотри-ка, Джордж!

— Куда?

— Что это там движется вон в той рощице?

— Вон там? А-а, наверное, какие-нибудь местные дружки нашего...

Группа людей, которая вышла из рощицы, торопливо двигалась к костру. Визгаш им что-то сказал. Барнвельт слышал его голос, но в стремительном потоке кришнитских слов разобраться не сумел.

— Вид у них не очень-то дружелюбный, — заметил Барнвельт — Похоже, нам придется либо драться, либо удирать.

— Чепуха, малыш. Ты просто неисправимый романтик...

Все пришельцы, а с ними и Визгаш, бегом бросились к двоим землянам, сжимая в руках мечи, — кроме одного, который держал лук со стрелами.

— Мамочки! — ахнул Тангалоа. — Похоже и впрямь запахло жареным!

Он торопливо подобрал пару камней величиной с теннисный мячик.

Барнвельт прислонился спиной к стене и выхватил меч. Хоть клинок и вылетел из ножен с подбадривающим «ф-фить!», Дирку пришло в голову, что чтение исторического приключенческого романа про неустрашимого героя, который с архаичным инвентарем в руках выбирается из самых немыслимых передраг, по всем статьям куда более бодрящее занятие, нежели попытки играть эту роль самолично.

Также его поразило, что во всей этой ситуации было решительно что-то не то. Пока Визгаш вызывал своих друзей из кустов, Элин Фоли стояла с другой стороны костра. Она по-прежнему стояла там, не вы-

казывая ни тревоги, ни удивления, когда они пронеслись мимо, уделив ей не больше внимания, чем один прохожий другому в давке переполненного метро. Потом она неспешной походкой двинулась вслед за ними к реке.

— Брось меч! — крикнул Визгаш. — А ты камни! Тогда вас никто не тронет!

— Это у вас называется пикник? — поинтересовался Барнвельт.

— Бросайте оружие, я сказал! Иначе мы убьем вас!

Восемь кришнитов — девять, считая Визгаша — остановились на безопасном от клинка Барнвельта расстоянии. В конце концов, и он, и его спутник заметно превосходили своей статью местных жителей.

— А если бросим? — мягко промурлыкал Тангалоа.

— Сами увидите. Вам придется пойти с этими людьми, но вреда они вам не причинят.

— Пожалуйста, подчинитесь, — попросила Элин Фоли из-за спин кришнитов. — Так будет лучше.

— Даю вам последнюю возможность, — пригрозил Визгаш. — Если тут кого-то ранят, в том будет ваша вина.

— Элин, а вы-то какое ко всему этому имеете отношение? — крикнул Барнвельт.

— Я... я...

— *Маньой чи!* — рявкнул Визгаш своим дребезжащим голосом, переключаясь с португальского на родной гозаштандский.

Однако вместо того, чтобы наброситься всем скопом — после чего наверняка все бы сразу и закончилось, — его спутники нерешительно двинулись вперед, поглядывая друг на друга и словно выжидая, кто нанесет первый удар.

Тангалоа с похвальным проворством запустил в них камнем.

— *Мохой раф!* — гаркнул Визгаш.

Бац! Камень стукнул лучника по физиономии в тот самый момент, когда он доставал из-за плеча стрелу. Заливаясь кровью, лучник повалился на спину.

Барнвельт, перепуганный, но полный решимости, вспомнил старую банальность относительно лучшего способа обороны, и стремительно выбросил руку в неистовом *attaque-en-marchant*, целясь в ближайшего кришнита. Элин Фоли истошно завизжала.

Тангалоа швырнул второй камень в Визгаша, которому удалось увернуться, и быстро нагнулся за следующим.

Барнвельт перехватил неприятельский клинок вихревым *prise* и заставил противника отступить. Кришнит споткнулся о камень и растянулся во весь рост. Пока он пытался сесть, Барнвельт глубоко воткнул меч ему в туловище.

В этот самый момент Барнвельт почувствовал в левом боку, ближе к спине, жгучую боль и услышал треск рвущейся ткани. Он резко обернулся. Прямо на него наседала целая шеренга неприятелей, один из которых и ткнул его сзади. Второй тычок Барнвельт парировал и почти сразу же отбил другой клинок, который обрушился на него с другой стороны. Он прекрасно понимал, что даже более опытному фехтовальщику сразу против двоих долго не устоять.

Тангалоа бросил еще один камень и одним махом взлетел на гребень стены. К нему тут же бросились трое кришнитов, и через пару секунд проткнули бы его насквозь.

— Бежим! — взревел Тангалоа, падая со стены на уходящий вниз склон.

Два кришнита непосредственно угрожали Барнвельту, а остальные бестолково сгрудились чуть в стороне. Поскольку Элин Фоли, судя по всему, относилась к противоположному лагерю, ее можно было со спокойной совестью бросить.

Один кришнит расположился прямо между Барнвельтом и стеной, другой наседал справа. Барнвельт бросился вперед в *corps-a-corps* и в тот самый момент, когда тело противника тесно прижалось к нему, изо всех сил врезал ему кулаком слева, метясь пониже. Как только кришнит согнулся пополам, Барнвельт отпихнул его вбок и вскочил на гребень стены — как раз в тот самый момент, когда стремительный взмах другого меча сорвал у него с головы шапочку.

Тангалоа успел добежать до середины склона, а справа от Барнвельта несколько кришнитов уже лезли на стену вдогонку. Барнвельт спрыгнул со стены и гигантскими скачками понесся вниз, глубоко утопая в мягкой земле при каждом шаге. Тангалоа впереди него с треском вломился в прибрежные камыши, топча сапогами хрупкие стебли, и бросился в реку.

Барнвельт понимал, что слишком перегружен амуницией для занятий плаванием, но ведь и кришниты не стали бы стоять и смотреть, как он стаскивает сапоги. Он ткнул мечом в ближайшего, отшвырнул перевязь с ножнами и плюхнулся в воду вслед за коллегой, который уже торопливо выгребал на стремнину, словно вырядившийся в человеческий костюм тюлень.

Ф-фиу — плюм! Что-то вонзилось в воду совсем рядом с Барнвельтом. Торопливый взгляд назад показал, что кто-то из кришнитов подобрал лук того типа, которого Тангалоа вырубил первым камнем, и стреляя с гребня стены. Элин Фоли безучастно смотрела на Визгаша, который метался по берегу, размахивая мечом и отдавая распоряжения.

Ф-фиу — плюм! Двое кришнитов у самого края воды поспешно сбрасывали с себя куртки, сапоги и вообще все, что могло им помешать.

— Ныряй! — крикнул Барнвельт Тангалоа, который незамедлительно исчез под водой.

Барнвельт поступил тем же самым образом. Сквозь толщу воды внизу отчетливо виднелось песчаное дно. Глубина здесь была чуть выше пояса. Под напором течения мягко колыхались водоросли.

Когда Барнвельту стало не хватать воздуха, он снова вынырнул на поверхность, машинально мотая головой, чтобы стряхнуть с глаз несуществующие волосы, и оглянулся. Где-то с поддюжины кришнитов или сбрасывали амуницию, или плюхались в воду вслед за ним. Впереди на водной глади возникла смутная башка Тангалоа, которой отфыркивался, точно косатка.

Ф-фиу — плюм! Барнвельт сделал глубокий вдох и опять нырнул. Дна теперь было практически не видно — глубина увеличилась до нескольких метров. Где-то над ним в зеркальную гладь воды врезалась еще одна стрела, оставляя за собой пузырящийся хвост, как комета. Скорость она потеряла где-то уже через метр и всплыла обратно на поверхность, покачиваясь наконечником вниз, словно рыболовный поплавок.

Теперь из лука их было уже не достать. Однако пять-шесть кришнитов уже отплыли от берега, продвигаясь сильными размеренными гребками. Барнвельта с Тангалоа уже порядочно снесло течением вниз по реке. В воде Барнвельт кришнитов не очень опа-

сая — плавал он хорошо, а Тангалоа и вовсе отменно. Только вот...

— Джордж! — позвал он. — Если эти поганцы доплывут вслед за нами до северного берега, они нас точно достанут!

Тангалоа выплюнул изо рта воду.

— Можно выждать на мелководье и наброситься, когда они станут вылезать!

— Тогда они рассыплются вдоль берега, и, пока будем возиться с одним, остальные вылезут на берег. Что, если заняться ими прямо здесь?

— Сумеешь проплыть к первому под водой?

— Думаю, что да.

— Договорились — твой номер первый.

Тангалоа по-дельфиньи нырнул — только пятки над водой сверкнули. Барнвельт последовал его примеру и заскользил к ближайшему преследователю. Тангалоа под ним, неистово разгребая воду, вырывался вперед и нацеливался на второго.

Снизу казалось, что у преследователей нет голов. Барнвельт прикидывал, как получше встретить противника. Тот перед заплывом разделся до белья — чего-то вроде ночной рубашки, которая колыхалась вокруг него в такт движениям. Из-за кушака, перепоясывающего одеяние кришнита, торчала рукоять кинжала.

Барнвельт занял внизу вертикальное положение чуть впереди неприятеля и, когда естественная плавучесть стала выталкивать его на поверхность, вытащил собственный кинжал. Он удачно рассчитал сближение и, когда кришнит оказался прямо у него над головой, по-лягушачьи дернул ногами и вонзил кинжал в живот своему противнику.

Вода тут же потемнела от крови и помутнела от пузырей, поскольку кришнит бешено забился. В этот самый момент Тангалоа ухватил за лодыжки второго пловца и затащил его под воду.

Барнвельт высунул голову, чтобы отдышаться, рядом с заколотым кришнитом. Остальные пловцы смотрели на эту сцену с явно обеспокоенными лицами. К тому времени течение снесло их так далеко, что руины пропали из виду.

Заколотый преследователь, недвижимо лежа лицом вниз на поверхности, начал медленно соскальзывать в воду. Голова Тангалоа вынырнула рядом с тем местом, где он затянул под воду второго, но жертва его так и не показывалась.

— Ну что, еще двоих? — крикнул Тангалоа.

Остальные кришниты, однако, все как один развернулись и в тучах брызг зашлепали обратно к берегу, с которого плыли. Барнвельт же с Тангалоа направились к северному. Заплыв был не из коротких, но теперь они могли не торопиться. Верхнюю одежду они сбросили.

— Хорошо еще, что у них лодки под рукой не оказалось, — заметил Барнвельт. — Когда с голым задом барахтаешься в воде, лодка все равно как крейсер.

— Что же за всем этим кроется? — пропыхтел Тангалоа. — А подруга-то, видно, тоже из этой шайки.

Дальше они плыли в молчании, пока под ними вновь не показалось дно, и вскоре вылезли из воды и присели на бревно передохнуть.

— Ого, да тебя тоже порезали! — воскликнул Барнвельт.

Тангалоа бросил взгляд на рану на левой руке.

— Царапина! Давай-ка посмотрим, чего там у тебя.

Рана Барнвельта начала уже болезненно пульсировать, а кровь все еще текла — очевидно, из-за воды. Внимательный осмотр, однако, показал, что острие кришнитского меча лишь скользнуло вдоль ребер, а не воткнулось между ними в легкие.

Разрывая рубашку на бинты, Барнвельт заметил:

— Может, в следующий раз все-таки возьмешь меч? Против лома нет приема.

— Может, и возьму. Но если бы на нас были те кольчуги, мы бы наверняка потонули. Интересно, а что теперь эти ребята будут делать? В Новоресифи-то им возвращаться нельзя — мы ведь можем их опередить и все рассказать.

Барнвельт пожал плечами.

— Если они только заранее не состряпают какую-нибудь фантастическую отмазку вроде того, что мы контрабандисты янру или... Кстати, ты не думаешь, что именно такое и приключилось с Игорем?

— Ничуть не исключено.

— Об этом стоит подумать. А между тем, уж клонится к горизонту та туманная звезда, кою именуют тут солнцем, так что лучше бы нам убираться подобру-поздорову, покуда не окутало саваном черным безграничные своды небес.

— Ну и энергии в тебе, живчик чертов! — простонал Тангалоа, с натугой поднимая свою тушу с бревна. — Все у него скорей, скорей, скорей! Мы, полинезийцы, единственный народ, который умеет жить как следует.

— Подождите, мне нужно позвонить на речную заставу, чтоб там подтвердили ваши слова, — сказал охранник.

На речной заставе действительно подтвердили тот факт, что мистеры Барнвельт и Тангалоа, они же Сньол из Плешча и Таджди из Вьютра, миновали утром контрольный пункт, направляясь на пикник вместе с мисс Фоли из офиса службы безопасности и мистером Визгашем из одежной лавки. А как указанные джентльмены выглядят?..

— Проходите, — разрешил в конце концов охранник. — И так всякому ясно, что вы земляне.

— Неужели это так заметно? — подмигнул Тангалоа Барнвельту. — Э, смотри-ка, у тебя усик отклеился. Черт бы побрал этого парикмахера!

— Я сейчас больше заинтересован, — отозвался Барнвельт, — чтоб Визгаш на пару с прекрасной Элин надежно сидели за решеткой в темнице сырой.

— Серьезно? Лично я их уже простил. Сейчас вспомнить, так все это было просто весело.

— Весело, как похороны на рождество! Лично я первым делом навещу Куштаньозо.

Барнвельт гордо промаршировал через укрепленные ворота, не обращая внимания на изумленные взгляды, которые привлекал его расхристанный вид, и направился напрямик к соседнему компаунду, в котором размещался офис сил безопасности.

Ворвавшись во входную дверь, он сразу зашагал через зал к кабинету Куштаньозо. Дверь была приоткрыта, и он совсем уже собрался величественно вступить внутрь, как вдруг его остановили доносящиеся из-за нее голоса. Он придержал рукой Тангалоа, тяжело топавшего следом.

— ...мы их предупреждали, — слышался голос Визгаша, — но нет, они твердили, что не купались с самого отлета с Земли. Так что они быстро сняли одежду и бросились в реку, после чего мы увидели, как один из них закричал и исчез, а потом и второй тоже.

— Это было ужасно! — с неподдельным пафосом и искренностью добавил голос Элин Фоли.

Куштаньозо, насколько было слышно, только сокрушался:

— Пришла беда — отворяй ворота. Эти земляне были очень важными шишками и лично мне были крайне симпатичны. А сколько нам теперь всяких бланков заполнять! Хотя странно, что пропали сразу оба — аввалу обычно хватает одного.

— Если их только в Пичиде не два, — сказал кришнит.

— Верно, только все это уже не поможет вернуть этих достойных...

Тут Барнвельт и вошел в кабинет со словами:

— Я очень рад, что мы пропали не навсегда, синьор Геркулио. Пикник пришлось отменить по причине дождя... из стрел. На самом-то деле...

Элин Фоли с визгом подпрыгнула, словно белка-сирена с планеты Вишну. Визгаш тоже вскочил на ноги, изрыгая ругательства и выхватывая меч.

— Уж на сей-то раз ты навсегда пропадешь! — завопил он, бросаясь на застывших в дверях землян.

Барнвельта на мгновение охватила паника. От кинжала против меча толку мало, до ближайшего стула дотянуться он не успевал, а при попытке отступить неминуемо натолкнется бы на Джорджа. Нельзя было ни бежать, ни драться, и, только что сохранив жизнь с такими колоссальными усилиями, теперь он должен был с ней расстаться из-за самой тривиальной непростодусмотрительности...

Острие меча было от него уже в каком-то метре, и Барнвельт, как за последнюю надежду, ухватился за нож, когда глухо хлопнул пистолетный выстрел. Меч вылетел из руки кришнита и с лязгом покатился по полу. Визгаш остался стоять безоружным, с чрезвычайно глупым видом держась за руку.

Куштаньозо с пистолетом, который он выхватил из ящика стола, поднялся.

— Не двигаться, *amigo*, — приказал он.

Зал снаружи неожиданно быстро наполнился людьми — мужчинами и женщинами, землянами и кришнитами, в форме и штатском, — которые испуганно гадали, перебивая друг друга. Визгаш принял вид оскорбленной невинности.

— Любезный мой Куштаньозо, — проговорил он, — прикажите своим людям обращаться со мной с должным почтением. В конце концов, я — это я.

— Это уж точно, — рявкнул Куштаньозо. — Наденьте на него наручники!

Когда Барнвельта с Тангалоа наконец отпустили, долгий кришнитский день уже уступил место вечеру.

— Переоденьтесь, синьоры, и сходите пообедайте, — посоветовал Куштаньозо. — Мне еще нужно как следует допросить задержанных. Встретимся потом в «Нова-Йорке»?

— Годится, — отозвался Тангалоа. — С удовольствием бы слегка перекусил. Из той корзины нам так ничего и не досталось.

Два с половиной часа спустя оба исследователя, которые успели переодеться в земные костюмы и восстановить утасшие было силы долгожданным обедом, уже сидели в баре. Поначалу Барнвельт мучительно страдал от непроходящего чувства страха, которое вызвал у него недавний эпизод, и был уже на пороге того, чтобы бросить к чертям и экспедицию, и работу. Но Тангалоа жизнерадостно трещал на протяжении всего обеда, не давая ему и рта раскрыть, и теперь это чувство бесследно исчезло. Они увидели вошедшего Куштаньозо, который осмотрелся и направился к их кабинке.

— Она раскололась, — усмехнулся бразилец.

— Надеюсь, вы не были чересчур жестоки с бедняжкой, — заметил Тангалоа.

— Нет-нет, просто задал несколько неприятных вопросов при помощи метаполиграфа. Она и вправду не знает, кто такой этот Визгаш — если его действительно так зовут, в чем лично я сомневаюсь, — но считает, что он из Кольца янру. В наши дни все друг друга подозревают в отношении к контрабанде янру.

Барнвельт согласно буркнул, раскуривая кришнитскую сигару. Вообще-то обычно он курил сигареты или

трубку, но здесь ему хотелось поскорей приучиться к местным сигарам.

— А как во все это дело втянули мисс Фоли? — спросил Тангалоа. — Такая прелестная маленькая шейла...

— Это довольно странная история, — отозвался Куштаньозо, со смущенным лицом разглядывая собственные ногти. — Похоже, что она... э-э... влюбилась... гм... причем не в кого-нибудь, а в меня, хоть у нее масса поклонников и она прекрасно знает, что я женат

— И вы отвергли бесцельность светлой ее любви? — ухмыльнулся Барнвельт.

— Хорошо вам смеяться, любезный мой сэр. Этот Визгаш пообещал ей флакон духов с добавкой янру, чтобы использовать на мне. Все, что ей надо было сделать взамен, это поехать на тот пикник, а после того как вас обоих ликвидируют, вернуться в Новоресифи и подтвердить его сказочку про аввала.

— А это еще что такое? — удивился Барнвельт.

— Огромная змееподобная тварь, которая живет в воде. Что-то вроде гигантского, покрытого броней угря или крокодила без ног. В Пичиде один такой водится. Не далее как на прошлой неделе утащил женщину в Коу.

— Уп! Так вы хотите сказать, что мы купались в одной реке с этим?

— Да. Мне следовало бы вас предупредить. Когда Визгаш послал своих людей за вами вдогонку — не думаю, что он говорил им про аввала, — вы заплыли так далеко, что вас уже почти не было видно с берега. А потом те вернулись и сказали, что двое из них и вы оба погибли. Насколько я представляю, они солгали, поскольку опасались, что если рассказать Визгашу правду, он разозлится и лишит их гонорара. Но если бы они сказали правду, они с мисс Фоли не приплыли бы обратно в Новоресифи с этой басней про аввала.

— Что же теперь сделают с бедняжкой? — заинтересовался Тангалоа.

— Джордж, — возмутился Барнвельт, — твои попытки выжать слезу в отношении этой юной леди Макбет я нахожу уже несколько утомительными.

— Ты просто очень неотзывчивый, Дирк. Так что? Куштаньозо пожал плечами.

— Это будет решать судья Кешавачандра. А вам пока лучше восстановить потери в экипировке и подыскать себе другого учителя языка.

Они окончательно утрясли детали своего маршрута до Кириба: вниз по реке до Мажбура, по железной дороге до Ясмуриана, а потом в дилижансе до мифического Рулинди.

— С этим проклятым попутаем, от которого я все время чихаю, — добавил Барнвельт. — И тогда мы окажемся над морем сумрачным в стране забвенной?

— Угу, — подтвердил Куштаньозо. — Только вы в этом море не купайтесь, пока не выясните, что там будет за компания. Это для вашей же пользы.

— Кстати, — вспомнил Барнвельт, — а что говорит сам Визгаш?

— Пока не могу сказать. С ним все гораздо сложнее, метаполиграф на кришнитов не действует.

Бразилец бросил взгляд на часы.

— Мне пора идти допрашивать этого мошенника... Да?

Появившийся тем временем человек в форме службы безопасности что-то прошептал Куштаньозо на ухо.

— *Tamates!* — взревел Куштаньозо, вскакивая и хлопая себя ладонью по лбу. — Недопрошенный арестант сбежал из своей камеры! Я пропал!

И он пулей вылетел из бара.

О пять темно-зеленая полоса камышей, окаймлявших Колофтские болота, медленно проплывала мимо Дирка Барнвельта и Джорджа Тангалоа.

Но на сей раз они со всеми удобствами расположились на носу речной баржонки под названием «Чальдир», которую тихо влекли вниз по Пичиде сила течения и одинокий парус, поставленный на единственной суковатой мачте в носу. Преобладавший западный ветерок сносил дым их сигар вниз по реке. Что было несколько менее приятно, нес он также ароматы груза невыделанных шкур, а также загнанных под кормовой навес шестиногих шейханов, которым по окончании рейса предстояло тащить баржу бечевой обратно вверх по реке. Чтобы перебить эту вонь, путешественники беспрерывно курили.

Вот показалась стоянка, где они причаливали во время поездки на злополучный пикник неделю назад, а потом руины, все еще хранящие свои непостижимые тайны. Затем на южном берегу открылась деревушка Коу, крошечная и убогая, и, столь же тихо скользая назад, скрылась из виду.

— *Зефт! Рувой зу!* — рывкнул попутай Фило из своей клетки.

Барнвельт, отрабатывая фехтовальные выпады, заметил:

— Я все поражаюсь, до чего эти кришниты похожи на людей!

Тангалоа успокоился на приобретении полуметровой булавы с крепкой деревянной ручкой и утыканным

острыми шипами стальным набалдашником. Булаву он заткнул за кушак и, скрестив ноги, словно огромный бронзовый Будда, восседал на палубе спиной к мешку со снаряжением, со своей смуглой кожей и монгольскими чертами лица куда больше похожий на настоящего кришнита, подумал Дирк, нежели он сам.

Тангалоа откашлялся, демонстрируя, что готов прочесть небольшую лекцию, и начал:

— Это вполне объяснимо, Дирк. Цивилизованные разновидности живых существ обязаны обладать определенным набором физических характеристик — скажем, глазами, чтобы видеть, и по крайней мере одной рукой или щупальцем для манипулирования предметами. И они не могут быть слишком большими или слишком маленькими. То же самое в равной мере относится и к характеристикам разума. Если какие-то существа чересчур однообразны в своем умственном развитии, им не достичь того разделения труда, которое требуется для создания подлинной культуры, — и в то же время, при слишком большой разнице более смышленные особи легко и просто тиранят остальных, результатом чего тоже будет застывшее в своем развитии общество. При чрезмерной обособленности и некоммуникабельности они неспособны скооперироваться, а при очень уж тесных общественных связях никогда не произведут шизоидных типов вроде тебя, чтоб генерировать новые идеи.

— Спасибо за комплимент, — поклонился Барнвельт. — Намек понял. Как только почувствую пробуждение в себе гения, обязательно поставлю тебя в известность.

— И даже при соблюдении всех этих условий, — продолжал Тангалоа, — все равно среди внеземных цивилизаций существует множество самых разных вариантов, вроде Сириуса-девять с его муравьиной экономикой. Просто так получилось, что все разумные виды кришнитов являются человекообразными...

— *Хар-имма! Хар-имма!* — проскрипел Фило.

— Если это действительно означает то, что я думаю, — заметил Барнвельт, — то королева Альванди должна быть женщиной довольно широких взглядов, чтоб воспринять Фило спокойно.

— Не исключено, что она его попросту не поймет. Понимаешь, кирибский диалект заметно отличается от стандартного гозаштандского. В нем все еще сохраняется средний залог в глаголах...

Покончив с тренировкой, Барнвельт прошел на корму взглянуть на шейханов, с которыми успел уже крепко подружиться, и почесать их косматые лбы.

На ночь они стали на якорь на мелководе вдали от жилья. Рогир медленно опускался за низкий горизонт во всем многоцветном великолепии кришнитского заката; жена шкипера приготовила ужин; над водой разносились потрескивания и попискивания всякой мелочи, обитающей в камышах; матросы, выставив на палубу походные алтари, возносили молитвы всевозможным богам, перед тем как отправиться на боковую.

Так и проходили дни, пока они спускались вниз по Пичиде, которая неторопливо извивалась по Гозаштандской равнине до самого моря Садабао. Они прикидывали, что скажут Горбовасту в Мажбуре и королеве Альванди в Рулинди и чем следует запастись, чтобы преодолеть опасности Сунгара. Дирк Барнвельт успел приобрести облупившийся на солнце нос, умение носить на поясе меч так, чтобы он не застревал между ног, беглое владение новыми для себя языками и совершенно твердое и определенное чувство уверенности в себе, которым никогда не мог похвастать на Земле.

Теряясь в догадках, он искренне пытался разобраться, что же родило в нем подобное чувство: то ли долгожданная возможность реализовать романтичность натуры, которая доселе только нещадно подавлялась, то ли шовинистическое ощущение превосходства над кришнитами, а может, и попросту тот факт, что ему,

наконец, удалось удрать от материнского присмотра. Не без облегчения он отметил, что за смертью двух кришнитов, которых ему пришлось убить, не последовало никакой бурной психологической реакции — ни тогда, ни после. Однако по ночам его время от времени мучали кошмары, в которых он из последних сил убегал, зовя маму, от роя огромных ос.

При всем этом он прекрасно понимал, что попытка облегчить душу перед Тангалоа ни к чему хорошему не приведет, поскольку тот попросту посмеется над его мягкотелыми рефлексиями.

Сам Джордж, обладая выдающимся умом (он демонстрировал удивительные способности к языкам и с легкостью усваивал всю ту многостороннюю информацию, которая имеет отношение к ремеслу страноведа), имел все же склонность пасовать перед трудностями вроде работы, которая была ему не по душе, — очевидно, потому, что некоторые вещи казались ему слишком уж простыми, а может, и просто по причине своего чересчур вольного полинезийского воспитания. Добрый и отзывчивый в самом общем смысле этого слова, он не отличался особой эмоциональной глубиной и целеустремленностью; зная, вроде бы, все обо всем и умея складно об этом поговорить, был он все же человеком слова, а не человеком дела, способным повести за собой в решающий момент. Барнвельт все больше убеждался, что хоть Джордж и по возрасту старше, и по должности, вся ответственность за возложенное на них предприятие рано или поздно целиком и полностью ляжет на его собственные костлявые плечи.

Постепенно река стала такой широкой, что с одного берега дома на другом казались не больше спичечных коробков, а люди крошечными, как муравьи. «Чальдир» неторопливо двигался мимо прибрежных вилл мажбурских богачей, чьи отпрыски играли в салки на лужай-

ках или с громким хохотом и визгом спихивали друг друга с мостков в воду. Движение на реке стало заметно оживленнее: то и дело попадались стоящие на якорях лодки с застывшими в них удильщиками, или такая же, как «Чальдир», баржа неуклюже пересекала реку под парусом, чтобы высадить упряжку шейханов на северный берег, вдоль которого пролегла бечевая тропа.

Поскольку приземистый и пузатый «Чальдир» не отличался маневренностью, при каждой встрече с другим судном шкипер заявлял о своем праве на дорогу, колотя в помятый бронзовый гонг. Один раз они чуть было не столкнулись с плотом из бревен, который тихо сплавлялся по течению прямо у них на курсе. Плотовщикам и матросам «Чальдира» пришлось долго распихиваться шестами, изрыгая такие ругательства, что земляне чуть было не уверились в неизбежности поножовщины, а шейханы на корме взволнованно заревели. Однако баржу удалось обвести вокруг плота и вновь выйти на чистую воду, так что все кончилось относительно благополучно.

Виллы уступили место пригородам, а пригороды — собственно городу, который отличала не увенчанная луковичными куполами роскошь Гершида и не серая крепостная хмурость Миши, а исключительно собственное, неповторимое лицо. Это был город бесчисленных изящных арок, изукрашенных замысловатой фантастической резьбой, зданий в пять и даже в шесть этажей и бьющей через край неумной уличной толчеей.

На берегу стали появляться причалы и пристани, у которых было ошвартовано множество подобных «Чальдиру» барж и баржонок. За ними Баривельт углядел лес мачт и снастей морского порта. Шкипер «Чальдира» засек свободное место и направил суденышко к берегу, а двое матросов с кряхтением налегли на весла, чтобы преодолеть течение. Какая-то рыбо-

ловная посуда, увешанная парусами, словно задний двор в понедельник, нацелилась, судя по всему, на то же самое место и попыталась подрезать барже нос, да, видно, недостаточно проворно. Попугай Фило радостно присоединил свои вопли к проклятьям обоих экипажей.

Когда баржу наконец ошвартовали, начинало уже припекать. Барнвельт и Тангалоа сердечно распрощались со шкипером и его людьми и вылезли на пристань, чтобы отправиться на поиски конторы Горбоваста, — Барнвельт с некоторым холодком в животе, что с ним обычно приключалось, когда предстояла встреча и достаточно долгое общение с незнакомыми людьми.

Но он зря волновался. На основании письма Куштаньозо Горбоваст принял их, по определению Барнвельта, «с суетливым радушием и елейными учтивостями». Этот гладенький кришнитский джентльмен давно опроверг известный афоризм о погоне за двумя зайцами сразу, поскольку, выступая в качестве особого мажбурского уполномоченного гозаштандского короля Эграра, уже много лет подрабатывал еще и тем, что снабжал информацией службу безопасности межпланетных перевозок в Новоресифи.

— *Тот самый* Сньол из Плещча? Поохотиться на гвамов в Сунгаре, говорите? — затрепал он, произнося ньямское имя Барнвельта «Эсньол», как, кстати, поступали все говорящие по-гозаштандски кришниты. — Ну что ж, кто не рискует, тот не богач, как гласит присловье нехавендское! Знаете вы, наверное, что давно уж стало море Банжао истинным рассадником беспутнейших пиратов кровожадных, и нет от них избавленья, ибо Дюр в гордыне своей платит им дань, дабы вредили они торговле не столь великой, — такой, как в Мажбуре иль Замбе. И мало того — молва просочилась, будто мошенники сии связаны и с торговлею янру, отчего всякий вольный муж мелкой дрожью по ночам содрогается!

Барнвельт без особых подробностей поведал ему о разоблачении Визгаша в Новоресифи.

— Выходит, — покачал головой Горбоваст, — что негодяи и в тех краях орудуют? Не будет вреда, коли замолвить словечко синдик у верховному, ибо народ мажбурский смертельно боится, как бы снадобье сие не распространилось промежду них, позволив женщинам заправлять всеми делами. Хоть и не столь подвержены мы ему, как глупцы-земляне, коих даже запашок легкий тут же в покорнейший студень превращает, все ж таки великая неразбериха может быть наслана на нас неуловимым сим препаратом. Что же касемо письма доурии кирибской, то получите вы его незамедлительно. Правда, лучше поспешить вам, коли желаете вы вручить его.

— А что, старая людоедка помирает?

— О нет — по той лишь причине, что, как толкуют в квагальнях, намеревается она, поскольку супруг ее нынешний обезглавлен быть должен согласно варварскому их и кровавому обычаю, трон в пользу дочери своей Зеи отказать.

У Барнвельта полезли вверх брови, а вместе с ними и приклеенные антенны. Кириб под началом молодой и свежескоронованной монархини начинал выглядеть куда более заманчиво, нежели управляемый старой несговорчивой татаркой вроде Альванди.

— Надо же, я про такое не слышал! Может, господин Горбоваст, вы снабдите нас сразу двумя рекомендательными письмами — к каждой даме в отдельности?

— О чем разговор! Советую вам следить за каждым шагом своим среди дам сих властительных, ибо поговаривают, будто держат они мужей своих в покорности все тем же лекарством...

И он объяснил им все, что полагалось знать о билетах и расписаниях поездов, добавив:

— Показывает стекло, что колесо небесное не повернулось еще к зениту, и до отправления экспресса южного располагаете вы толикою времени, дабы обозреть город наш драгоценный.

Этим путешественники и занялись, пошатавшись для начала по набережной и снимая на пленку суда — большей частью обыкновенные парусники, вполне сравнимые с земными, но, тем не менее, довольно впечатляющие своим исключительно местным колоритом. Были здесь высокобортные массивные посудины с прямыми парусами из Дюра, что на море Ваандао, суда с латинским вооружением из Сотаспи и других портов Садабао и даже катамаран с полукруглым парусом из далекого южного Малайера. А среди длинных приземистых боевых галер сразу бросалась в глаза гордость военно-морских сил Мажбура — квинрема «Джупсар», с ее уложенными вдоль бортов здоровенными веслами на пятерых гребцов, высокой позолоченной кормой и остроконечным тараном, торчащим в носу на уровне ватерлинии.

Не сумев устоять перед ароматами припортового рынка, путешественники рискнули отведать одно из кушаний, которые предлагали местные прилавки.

Барнвельт вскоре в полной мере удовлетворил свое любопытство, поскольку то, что поставили перед ним в чашке с супом — некое морское создание вроде огромного слизняка со щупальцами, — обладало удивительной способностью оставаться живым и шевелиться после того, как было сварено. Он успел проглотить пару извивающихся кусочков, пока поднявшийся к горлу комок не прервал этот эксперимент.

— Слабаки вы там, на Западе, — хихикнул Тангалоа, приканчивая своего слизняка и вытирая губы.

— Пошел к черту! — буркнул Барнвельт, упорно продолжая битву, пока морской организм не исчез с тарелки.

После этого они посетили муниципальный зверинец. Барнвельт, припомнив купание в Пичиде, невольно содрогнулся при виде посаженного в огромный чан аввала, не выросшего, кстати, еще и до половины. Но потом его было просто за уши не оторвать от всевозможных тварей в клетках, так что даже Тангалоа, который в жизни никуда не спешил, был вынужден напомнить ему про поезд и выволакивать из зверинца силой.

В парке они наткнулись на открытое представление балетной труппы из храма Дашмока, собственного бога коммерции этого вольного города. Жрец пустил по рукам шляпу — вернее, некий сосуд из чего-то вроде тыквы, — дабы публика посодействовала нуждам храма материально. Глядя на подскакивающих в воздух девиц, Барнвельт почувствовал, как в лицо ему бросилась краска. Окрут Чатагуа все это никоим образом не напоминало.

Тангалоа сухо заметил:

— Понимаешь, Дирк, различие культур проявляется и в том, что принято скрывать. Лишь немногие, вроде вашей западной, содержат строгое табу на обнаженное тело. Корни запрета кроются в древней сирийской цивилизации, откуда он попал к вам посредством иудаизма и его боковой ветви, христианства...

Танец закончился, и зеваки стали расходиться. Земляне направились к вокзалу, где обнаружили, что поезд еще не составлен и не отправится еще по меньшей мере час от времени, указанного в расписании. Поскольку станционный служащий не сделал более вразумительных заявлений, оставалось только сидеть на лавке и курить, чтобы хоть как-то убить время.

Вскоре подошел и пристроился по соседству с землянами какой-то тип в бледно-голубом костюме и с мешком на плече. На голове у него красовался легкий, украшенный строгим орнаментом серебряный

шлем, с боков у которого торчала пара серебряных же крыльев агабата.

Барнвельт никогда не отличался большим талантом завязывать разговоры с первыми встречными, но развязный Тангалоа вскоре уже всю болтал с обладателем шлема.

— Сие означает, — пояснял кришнит, постукивая пальцем по шлему, — что тружусь я в «Межроу Гурардена», разнося посланья всевозможные и посылки. — (Это название можно было грубо перевести, как «Компания по быстрой и надежной доставке»). — Девиз нашего товарищества таков: «Ни буря, ни мрак, ни хищный зверь, ни злой человек не воспрепятствуют курьерам нашим в быстроте отправления их службы благородной!»

— Замечательный девиз, — согласился Барнвельт. — Честно говоря, звучит довольно знакомо.

— Без сомненья, слово компании нашей достигло уж и далекой Ньямадзю! — гордо заметил нарочный. — А когда-нибудь настанет и час, когда и этот край студеный включен будет в сферу наших услуг. О благородные господа, мог бы поведать я вам такие истории о деяньях сотоварищей моих, что антенны на головах ваших встали бы дыбом от ужаса! Совсем недавно друг мой Гехр пакет доставлял в самое сердце коварного Сунгара и вручил его не кому иному, как самому главарю пиратов, Шиафази ужасному!

Барнвельт с Тангалоа одновременно подались вперед. Последний поинтересовался:

— А какой он из себя, этот Ши... ну, в смысле, пиратский король?

— Что до сего, то друг мой Гехр ведает о том не больше вас самих, ибо Шиафази сей не показывается никому, кроме как своим собственным подданным. Но поскольку Гехр не имел права уйти, покуда грузополучатель не распишется в квитанции, под конец решено было, что архиразбойник оный просунет длань свою

сквозь дыру в занавеси, дабы завладеть пером. И Гехр таким манером все ж углядел кое-что — о господи, что за кошмарное то было зрелище! Не рука человеческая, но жуткая чешуйчатая лапа с когтями преострыми оставила оную подпись — будто ступня того пудамера ужасного, что кроется в ледниках на родине вашей! Так что Шиафази, как видно, создание не из нашего честного мира, а с некой распутной и опасной планеты где-то в глубинах космоса — вроде той, что Землею зовется и прибежищем служит чародеям коварным да колдунам-душегубам...

— Пун гессой! — объявил привратник.

Курьер поднялся и закинул за плечо посылочный мешок, а земляне подхватили сумку со снаряжением и птичью клетку. Так значит, Земля опасная и распутная планета, подумал Барнвельт, посмеиваясь и патристически негодуя в то же самое время. К несчастью, положение было не совсем то, чтоб размахивать клетчатым флагом Всемирной Федерации.

Поезд состоял из пяти небольших четырехколесных вагончиков: двух платформ, на которые горами был навален всевозможный товар, и трех пассажирских, больше смахивающих на слегка переделанные кареты, поставленные на рельсы с шириной колеи около метра. Роль локомотива исполнял биштар, впряженный в передний вагон веревочными постромками. Зверь стоял, покачивая двумя огромными бивнями, стегая хвостом и пошевеливая похожими на раструб геликона ушами.

Самый последний вагон оккупировала какая-то шумная семейка, состоящая из крошечного замороженного мужинки, здоровенной дородной тетки, троицы юнцов и одного портативного инкубатора, в которых у кришнитов принято перевозить недосиженные яйца. Дабы избежать женской болтовни, Барнвельт, Тангалоя и их новый знакомый сели в первый вагон.

Когда все ожидавшие пассажиры набились в поезд, сидящий на шее биштара погонщик дуднул в рожок и огрел зверя остроконечной палкой. Клацнули, натягиваясь, провисшие соединительные цепи, и вагон, в котором расположились земляне, рывком тронулся с места. Застучали колеса на стыках, и они прокатили мимо биштара, который тянул вагоны по соседней колее, причем так близко, что Барнвельт, будь он слегка побезрассудней, вполне мог дотянуться до любой из шести похожих на колонны ножищ.

По полосе отчуждения между застроенными участками они выкатились с привокзальной территории и, наконец, выехали на одну из главных улиц Мажбура, по середине которой пролегли две колеи. Через некоторое время они разминулись с пригородным составом, который стоял на перекрестке, высаживая пассажиров.

Улицу заполняла разношерстная толпа кришнитов. Некоторые неслись куда-то на самокатах, некоторые восседали верхом на приземистых шестиногих айях или высоких четырехногих шомалах, некоторые катили в экипажах. Упряжка из четырех айев тащила некое огромное двухэтажное сооружение, судя по всему, общественный омнибус. На оживленном перекрестке официального вида кришнит в шлеме регулировал движение при помощи меча, которым размахивал с такой целеустремленностью, что Барнвельт испугался, как бы он не отхватил ухо зазевавшемуся пешеходу.

— Сплелись так тесно новое со старым, будто время ничем здесь не было, — процитировал Барнвельт.

Постепенно уличное движение становилось все более редким, а дома — все меньше и меньше. Колея покинула середину улицы и вновь бежала вдоль полосы отчуждения. Вправо, к реке, от нее отошла боковая ветка. Город сменили пригороды, дома стали перемежаться возделанными огородами. Потом две колеи слились в одну, и они оказались на открытой

местности. Первый раз они остановились, чтобы пограничная охрана республики Микарданд — воины в марокканского вида доспехах — произвела досмотр багажа и проверку пассажиров.

Путешествие протекало без особых происшествий, за исключением разве того, что когда они остановились в какой-то безвестной деревушке, чтобы напоить биш-тара и дать пассажирам возможность перекусить или каким-то иным образом скрасить тяготы дальнейшего пути, старшенький дитятя из шумного семейства в последнем вагоне каким-то образом ухитрился этот самый вагон отцепить, так что, когда поезд тронулся, вагон остался стоять на месте, а толстуха визжала из него почище Фило. Поезд остановили, и мужской части пассажиров пришлось толкать покинутый вагон, пока его связь с составом не была восстановлена. Кондуктор при этом на все лады взывал к Гондуру, Дашмоку, Бакху и прочим божествам, способным подвергнуть юного правонарушителя тем страшным мукам, которых он, несомненно, заслуживал.

Курьер объяснил, почему вместо билета он предъявил нечто вроде пропуска: оказывается, у «Межроу Гуарардена» имелись соглашения со всеми основными транспортными службами, включая железнодорожную, которые возили курьеров в кредит, выставлая потом счета за реальный пробег.

На первую ночевку они остановились в Янтре, где на боковой ветке, пропуская их, уже стоял встречный поезд. Под конец третьего дня они достигли Га-ла и вновь увидели волны моря Садабао. Климат здесь был заметно теплее, и кое-где стали попадаться люди, одетые по кирибской моде — в запахивающиеся тоги и похожие на одеяла накидки.

На следующее утро, когда приятели занимали свои места в поезде, послышался чей-то низкий голос:

— Свободно ли сие место?

Какой-то долговязый молодой кришнит, одетый почти так же, как они сами, разве что несколько побогаче, влез в вагон. Не дожидаясь ответа, он пинком сбросил сумку землян с сиденья, которое она занимала, и затолкал свой мешок в сетку над окном. Потом он отцепил ножны, прислонил их в углу и плюхнулся напротив землян.

В купе заглянул еще один потенциальный пассажир, выискивающий по вагонам свободное местечко.

— Все занято! — гаркнул новый попутчик, хотя места явно хватало. Пассажир испарился.

Барнвельт ощутил внутри неприятный холодок. Он совсем уже был готов рявкнуть: «Подбери!» и подкрепить эту команду, если б потребовалось, ухвативши нахала за грудки, когда вдруг прорезался музыкальный голосок Тангалоа:

— Не обманывают ли меня чувства мои, или же и впрямь почтило нас обществом своим лицо, титулом облеченное?

Барнвельт украдкой бросил взгляд на своего напарника, смутная физиономия которого не выражала в этот момент ничего, кроме неподдельного интереса. Когда дело касалось страноведческих изысканий, Джордж был способен становиться на такую безликую и отстраненную позицию по отношению к кришнитам, словно они были микробами под его микроскопом. И их дружелюбие, и оскорбительное высокомерие являлись для него не более чем научными данными, которые ни в коей мере не затрагивали его человеческих эмоций. В этом отношении, подумал Барнвельт, Джордж его превосходил, поскольку сам он склонялся к довольно острой эмоциональной реакции на все производимые ими раздражители.

— А-а, всего лишь гарм, — коротко уточнил юнец, правда, несколько менее воинственным тоном. — Сэр Гавао ер-Гарган. А вы кто такие будете?

— Я Тадджи из Вьютра, — представился Тангалоа, — а это мой верный компаньон по многим опасным приключениям, который откликаться изволит на имя Сньол из Плешча.

— Тот самый Сньол из Плешча? — удивился сэр Гавао. — Хоть обычно и нету мне дела до иноземцев всяких, о ньямцах немало наслышан я доброго — вот разве что мыться привыкли они не столь часто, сколь от народа культурного требуется.

— У нас очень холодно, сэр, — сказал Тангалоа.

— Может, и так. А что ж до меня, то предстоит мне цельное десятиночье провести среди кирибцев сих феминизированных, что позволяют бабам своим править собою! Вы тоже путь туда держите?

Курьер кивнул.

Барнвельта несколько удивила фраза «Тот самый Сньол из Плешча». Вроде как и Горбоваст подобным образом выразился. Когда Куштаньозо даровал его этим *пот-de-guette*, он решил, что так прозывался какой-нибудь совсем древний и полузабытый деятель. Если настоящий Сньол по-прежнему существовал, то

дальнейшие обстоятельства могли сложиться, мягко говоря, довольно неловким образом.

— Сигару? — предложил он. — А сами вы откуда, позвольте полюбопытствовать?

— Из Балхиба, — бросил сэр Гавао.

Взяв протянутую сигару, он с отвращением оглядел ее и тут же выбросил, после чего вытащил изукрашенный драгоценностями портсигар, достал свою собственную, закурил и спрятал портсигар обратно. Барнвельт оскалил зубы, пытаясь перенять отстраненную манеру Тангалоа.

— Из Балхиба, говорите? — промурлыкал Тангалоа. — А не доводилось ли слышать вам о некой топографической съемке, заказанной вашим королем?

— Знать про такое не знаю.

— Нам тут рассказывали совершенно потрясающую историю про ваши края, — продолжал страновед. — Что-то там насчет бороды короля.

— А-а, вон оно что! — На физиономии Гавао, как трещина во льду, прорезалась первая улыбка. — И впрямь довольно пикантную штучку учинил этот сэр Как-его-там из Микарданда! Не превосходи нас республика впятеро по численности войска, нешуточная война бы приключилась! Так старому Киру и надо — нечего фамиллярничать со всякими иноземцами!

— А как же это сэр Шургец сумел так близко подобраться к королю? — спросил Барнвельт.

— Хитростью коварною. Представился он курьером вроде нашего друга, здесь присутствующего, и сообщил, что принес пакет для вручения в собственные руки, и что подпись на квитанции лишь Его Благолепие оставить может.

— Ничего особенного, — прокомментировал курьер. — Вполне рутинная процедура, дабы жалоб избежать на недоставку пакетов.

— И вот что вышло, — продолжал Гавао. — Стоило только королю занести над документом оным

кольцо своё с печатью — ибо, истинным воином будучи, ни читать, ни писать не обучен, — как курьер самозванный выхватил из пакета своего ножницы, которыми и учинил шутовское пострижение свое. Быстренько отхватил бороду и, прежде чем кто-нибудь успел остановить или заколоть его, ногами проворными сбежал по ступенькам дворцовым, вскочил на айю своего и был таков!

— До чего ж низкопробная и распутная шуточка! — возмущенно воскликнул нарочный. — Компания моя сразу потребовала принять меры законные супротив Шургеца этого за самозванство. Поскольку форма сия известна повсюду, как воплощение честности и ответственности высокой, нарочные наши возможность имеют ничтоже сумняшеся проникать и туда, куда другой и помыслить не мог бы! Но теперь, когда всякие шутнички самоуверенные начинают играть нашу роль, что же станет с неприкосновенностью нашей?

— А то же станет, что с духом пугала огородного в балете Дараша известном, — молвил Гавао. — А именно, пропадет навсегда. А теперь вы, господа мои, коли уж в настроенье общительном пребываете, не поведаете ли, куда вы путь держите и зачем?

— Мы задумали экспедицию по охоте на гвамов, — ответил Барнвельт.

— Тогда, полагаю я, направляетесь вы в Малайер?

— Нет, мы думаем все организовать в Рулинди. Малайер ведь вроде как под осадой?

— Он уже пал, — сообщил сэр Гавао.

— Правда?

— Угу. Поговаривают, будто этот ренегат Кутирд взял его при помощи коварства подлого, применивши некое изобретение злое для разрушения стен.

— А что за изобретение?

— О том я не ведаю. По мне так все эти механизмы новомодные, Дупулан бы их побрал, разрушают лишь старое доброе искусство войны. Я бы всех этих изо-

бретателей казнил принародно! По-моему, основание общества тайного по предотвращению изобретений в области военной достойным было бы деяньем! Не то не сегодня-завтра не доблесть да отвага, а всякая механика определять будет суть войны, как промежду землян проклятых! Говорят, будто благородное искусство воинское столь пагубно в технике всякой погрязло, что земляне отменили его совсем — заставили правительство планетное вообще запретить войны! Более мрачной участи и в страшном сне не приснится!

— Следует уничтожать нам нещадно всех переодетых землян, что скрываются промежду нас, покуда окончательно не опутали они народ наш черным своим колдовством! — горячо воскликнул курьер.

— Интересная мысль, — заметил Барнвельт. — Однако мне кажется, что нам все равно лучше отправляться из Рулинди: в Малайере наверняка порядочная неразбериха после осады и разграбления победителями.

Гавао рассмеялся.

— Ну что ж, доброй вам охоты, но только не уговаривайте меня сделать заказ на продукт ваш будущий, ибо никогда не считал я, что без камней гвама нельзя получать маленькие удовольствия от жизни. Да что там далеко ходить — перед самым отъездом из Га-ла я...

И Гавао переключился на предмет, в котором ему в полной мере удалось проявить свое красноречие. Добрых несколько часов без перерыва он потчевал попутчиков байками о подвигах, которые, если, конечно, он нигде не приврал, стяжали ему славу ведущего будуарного атлета планеты. Он оказался настоящим кладом информации, касающейся интимных обычаев и характеристик особей женского пола различных рас и национальностей Кришны. Барнвельт почувствовал, что находится в обществе великого специалиста. Через некоторое время все это его несколько утомило, но,

не выходя за рамки приличий, перекрыть бурный поток амурных анекдотов было просто невозможно.

В остальном все шло достаточно гладко. Остановившись на ночлег в очередной деревушке, на следующий день они покатали вдоль побережья в Ясмуриан.

Немного не доезжая до конечного пункта своего путешествия, они пересекли еще одну границу, которая отделяла Микарданд от Кириба. Когда поезд остановился, Барнвельт обнаружил, что пограничники на кирибской стороне — сплошь женщины, наряженные в какое-то опереточное обмундирование, которое состояло из плиссированных юбочек, медных шлемов и медных же бюстгалтеров. Некоторые гордо потряхивали блестящими щитами и копьями.

— Встаньте у своих вагонов, — на кирибском диалекте распорядился один такой до блеска надраенный экземпляр — очевидно, командирша. — Ага! — налетела она на Барнвельта и его спутников. — Сюда, Ная! Опечатай-ка мечи у этих ребяток — у нас в стране не дозволено мужчинам расхаживать при оружии! А что же до этого с дубинкой... — Она задумчиво поковырялась щепкой в зубах. — Раз уж ножен нету, мы ее просто потуже примотаем к поясу. Коли вздумаешь пустить в ход эту гадость, останешься без штанов, что ни удаль твою не приукрасит, ни достоинство!

— Это, мадам, смотря что считать достоинством, — заметил Тангалоа. Амазонка, почесывая в голове, удалилась, а оставшиеся мужчины хихикнули в кулаки.

Девушка по имени Ная со всем необходимым инвентарем приблизилась к ним и несколькими витками крепкой стальной проволоки обмотала рукояти мечей Барнвельта и Гавао, пропустив ее потом через кольца в ножнах. Свободные концы проволоки были затем зажаты в чем-то вроде компостера, который скрепил

их свинцовой plombой вроде тех, какими на Земле опечатывают багажные вагоны.

Таможенница при этом сурово добавила:

— Коли вздумаете взломать сии пломбы, ответ за то держать будете по суду. И оправдания ваши да будут вески, иначе... — Она выразительно чиркнула пальцем по горлу. — Становитесь теперь в очередь, дабы уплатить пошлину.

После этого они вновь покатали по направлению к Ясмуриану. Как только пограничный пост скрылся из виду, сэр Гавао извлек на свет божий набор каких-то собственных приспособлений. Первым делом он вытянул одну из проволочных петель настолько, чтоб та слегка провисла, после чего перекусил ее небольшими клещами и скрутил концы между собой. Потом из крошечной жестянки извлек пальцем немного какой-то темной воскообразной пасты, которой тщательно замазал соединение, и только при очень тщательном осмотре можно было бы догадаться, что проволока повреждена.

— Ну-с, — объявил он с хитренькой рыбьей ухмылочкой, — случись теперь какая заварушка, только дерну я за рукоять, как проволока распадется и красавчик мой выскочит из ножен! Так-то спокойней человеку благородному, вынужденному путешествовать по сей вонючей провинции, где за закон почитается... — Тут он употребил сугубо анатомический термин для характеристики матриархата.

— А нам нельзя сделать то же самое? — попросил Барнвельт, поскольку Гавао уже прятал свой набор.

— Об чем речь!

Так что вскоре и земляне привели свое оружие в боевое состояние тем же самым способом.

— Спасибо, — поблагодарил Тангалоа. — А что за городок этот Ясмуриан?

— Смердящая дыра, где честные люди страшатся по вечерам выходить на улицу в одиночку! Поскольку

находится он под владычеством Кириба, равно как и прочие земли окрест, то давно уж превратился в истинную помойную яму международную, где толчется всякий сброд со всех пяти морей, и воительницы королевы Альванди совладать с ним могут не более, чем вы с гвамом, пытаться выудить его простым крючком рыболовным.

На подъезде к Ясмуриану, под конец дня, железная дорога отклонилась в глубь материка. Вскоре она уперлась в реку Зигру, где опять повернула к востоку и следовала извивам реки до самого города. Солнце, садящееся позади поскрипывающих вагонов, багрово полыхало в волнистом местном стекле множества окон. Второй по величине порт на море Садабао на первый взгляд оказался не так уж и плох, как расписывал Гавао, хотя и несколько менее располагал к себе по сравнению с Мажбуром, в котором не было столь бросающихся в глаза бесчисленных трущоб, распивочных и неряшливого вида личностей всех цветов кожи.

— А где вы остановитесь? — спросил Барнвельт у Гавао.

— В гостинице Ангура, напротив вокзала. Единственное место, где от вони, что шибает в антенны, у порядочного джентльмена второй желудок не выворачивается.

Барнвельт с Тангалоа переглянулись. Горбоваст в Мажбуре рекомендовал им именно эту гостиницу для ночевки перед завершающим броском до Рулинди, куда предстояло выехать на следующее утро.

Скрипнув тормозами, поезд остановился. Как только земляне подхватили багаж и выбрались из вагончика на дощатый перрон, послышался чей-то голос:

— Портреты, господа хорошие? Волшебные портреты?

Обладателем голоса оказался потрепанный старикашка с жидкими клочками волос на подбородке и огромным ящиком на треноге.

— Клянусь зелеными глазами Хои! — воскликнул Барнвельт, решив попрактиковаться заодно в кришнитских идиоматических оборотах. — Ты только глянь!

— Что это еще за фиговина? — поинтересовался Тангалоа.

— Фотоаппарат! — Барнвельт сразу узнал в громоздком ящике камеру вроде тех, какими пользовались века назад пионеры фотодела. При этом он не удержался, чтобы украдкой не бросить взгляд на крошечную «Хаяши», надежно упрятанную в перстне. — Интересно, как он собрался снимать при таком освещении?

Он посмотрел на убежавшую вдаль реку, зеркальная гладь которой уже разрезала диск Рогира своим тонким шнуром, и добавил:

— Должно быть, это продукт научно-технической революции принца Ферриана. Нет, спасибо, — отмахнулся он от фотографа и двинулся было своей дорогой, когда обрушившийся сзади неистовый поток брани заставил его буквально замереть на месте.

Мясистая девица, имевшая, судя по всему, отношение к полиции, крепко распекла фотографа за нарушение каких-то правил, выразившееся в назойливом приставании к клиентам на железнодорожной платформе. Закончила она так:

— ... А теперь ступай, босяк, и благодари матушку-богиню, что не пришлось ночевать тебе в холодной кутузке!

Барнвельт тоже собрался идти, но был остановлен следующим воплем:

— Стой, тебе говорю! Гляжу, что чужеземец ты, а следовательно, невежа — но нет оправдания невежеству в законах! Знай же, что у нас в Кирибе не положено поминать имя богини Хои всуе! Считается сие серьезным нарушением общественного порядка, и меры к сему принимаются самые строгие и решительные. Покажите-ка оружие свое!

Она внимательно осмотрела пломбы на мече Барнвельта и булаве Тангалоа. У Барнвельта сердце ушло в пятки: он был уверен, что она обязательно заметит то место, где Гавао перекусил и срастил проволоку. Но то ли из-за поверхностного характера осмотра, то ли по причине слабеющего закатного освещения ей это не удалось, и она отпустила их на все четыре стороны со следующим напутствием:

— Ступайте по своим законным делам, чужеземцы, да будьте начеку!

Гостиница Ангура была хорошо видна от вокзала. Над входом, дабы обозначить направленность заведения, был приколот череп какого-то хищника со здоровенными клыками. Трехэтажное здание нависало прямо над тротуаром — второй этаж поддерживался рядами арок. Весь первый этаж, за исключением небольшого холла с крошечной конторкой сбоку, был отведен под харчевню.

Путешественники протолкались сквозь толпу на тротуаре, глазевшую на уличного фокусника, который на виду у всех вытаскивал из совершенно пустой

шляпы детеныша унги, и вошли в дверь. На звон в небольшой гонг, подвешенный над кассой, из окошечка выглянула плоская кришнитская физиономия — физиономия, украшенная столь необычайно длинными антеннами, что обладатель ее походил на жука.

— Ангур бад-Эххен к вашим услугам, — отрекомендовалась физиономия.

— *Багхан!* — рявкнул Фило из своей клетки.

— Ну... Вообще-то, господа мои...

— Это не мы, — торопливо сказал Барнвельт и в полном смущении разразился типично кришнитской напыщенной тирадой: — Это не мы, а сей негодный зверь из далеких краев, чьи шутки плоские лишь перепев слов человеческих, значенья коих все равно он не понимает, равно как вы или я сокровеннейших тайн богов сущих постигнуть не в силах. А посему не обращайтесь вниманья просвещенного своего. Да взойдет когда-нибудь счастливая звезда ваша! Знайте же, что я — Сньол из Плешча, а это компаньон мой, Таджди из Вьютра.

Он примолк, слегка запыхавшись, но крайне гордый своими достижениями.

Когда они утрясли вопрос с номером, Ангур, вытянув шею, высунулся из окошечка посмотреть на попугая.

— Воистину, сэры, не видывал я существа, облаченного в столь странный и диковинный мех! Откуда взялось оно?

— С высочайших гор Ньямадзю, — отвечал Барнвельт, отмечая про себя, что перья на этой планете неизвестны, и надеясь, что на его приемной отчизне действительно имеются горы, в которых мог обитать Фило. Отсутствие перьев было только к лучшему: значит, можно было не опасаться и перьевых подушек, которые всегда вызывали у него сенную лихорадку.

— Гар-р-рк! — заявил Фило, приоткрывая крылья.

— Да он еще и летает?! — вскричал Ангур. — И при том не агабат это, и не бижар, и никакой иной зверь летучий знакомых очертаний. Редкостной забавой послужил бы он постояльцам моим, уговори я вас с ним расстаться!

В порядке эксперимента он сунул в клетку палец, но тут же отдернул его, как только Фило, разинув клюв, сделал попытку его цапнуть.

— Нет, — ответил Барнвельт, — увы, но с сожалением превеликим вынуждены мы отказать вам, ибо в тот час, когда мы... гм... купили сие создание, один великий астролог предсказал нам, что вся судьба наша зависит отныне лишь от него одного, и горем отмечен будет тот день, когда расстанемся мы с ним.

— Какая жалость, — сказал Ангур. — Хотя ясно, как пики дарийские, что и впрямь была у вас причина веская для подобного ответа, как ведьма лесная сказала Карару в предании. Вот вам ключ. Делить вам покои свои придется с другим постояльцем, иль же ночевать где-нибудь в другом месте. Но пусть не тревожит вас это слишком, ибо из иного мира он и спит не в кровати. Не желаете ли до трапезы компанию обрести для улаженья своего?

— Нет-нет, спасибо, — торопливо ответил Барнвельт.

— Но владеем мы лицензией...

— Нет, большое спасибо! — повторил Барнвельт и решительно направился к лестнице.

Тангалоа извиняющимся тоном заметил:

— Понимаете, господин Ангур, мой друг привык вести уединенный образ жизни.

После этого он устремился за Барнвельтом, пытаясь идти на ходу:

— Батюшки мои! Ну куда ты так несешься! Вообще-то ты неплохо управился с этим малым. Интересно, что за парня он к нам подселил?

— Он сказал, не из этого мира — может, вообще привидение какое-нибудь.

— Ну, тогда вы с ним живо договоритесь. Ты ведь тоже в некотором роде привидение — я имею в виду Игоря. А ты уверен, что это действительно он? Личные местоимения не всегда точно отражают пол.

— Вообще-то нет, но посмотрим. Как эта масляная лампа устроена?

Настроив лампу, они осмотрели комнату в поисках чего-нибудь более-менее характеризующего природу соседа. В углу валялся небольшой мешок, из которого вперемешку высывались всякие пожитки. На подоконнике стояли три баночки, закрытые крышками, и одна открытая, из которой торчали какие-то палочки. Барнвельт обнаружил, что это ручки небольших малярных кистей.

Он переглянулся с Тангалоа и пожал плечами. Разложив снаряжение, они умылись и проверили состояние маскировки. Глядя на себя в зеркало, Барнвельт через плечо усмотрел напротив дверей что-то белое. Это было объявление. Путаясь в цветистых гозаштан-дских оборотах, они с Тангалоа в конце концов его перевели:

В Н И М А Н И Е!

ОБРЯДЫ ЛЮБВИ СОВЕРШАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ ТОЛЬКО В СТРОГОМ СОТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, УТВЕРЖДЕННЫМИ СОВЕТОМ КУЛЬТА БОГИНИ ВАРЗАИ, А ИМЕННО: ПРЕДВАРЯТЬСЯ ДОЛЖНЫ ОНИ КОРОТКОЙ МОЛИТВОЮ МАТЕРИ-БОГИНЕ, А ЗАКЛЮЧАТЬСЯ СОКРАЩЕННЫМ ОЧИЩЕНИЕМ РИТУАЛЬНЫМ. ЦЕНУ ЛЮБВИ В ОДИН КАРД (КИРИБСКИЙ) В ПОЛЬЗУ МАТЕРИ-БОГИНИ СЛЕДУЕТ УПЛАТИТЬ СОДЕРЖАТЕЛЮ ГОСТИНИЦЫ.

*Согласно распоряжению Сехри баб-Гараджи,
Верховной Жрицы*

— Ну и ну! — присвистнул Тангалоа. — Первый раз вижу, чтобы кто-нибудь ухитрился обложить налогом *это*.

Барнвельт ухмыльнулся.

— Как мы обломали Ангура, а?

— Собирище фанатичных генотеистов, вот кто эти кирибцы. Интересно, как налоговая инспекция все это проверяет?

— Пожалуй, этот обычай из тех, которые похвальнее нарушить, чем блюсти, — откликнулся Барнвельт.

Из таверны доносились звуки какой-то совершенно фантастической музыки. Производил их оркестрик из четырех кришнитов — двоих с дудками, одного с барабаном и девушки с чем-то вроде арфы, а в полумраке зала молоденькая кришнитка исполняла танец, в ходе которого заворачивалась в бесконечную полосу полупрозрачной материи, словно гусеница в кокон.

— Похоже на стриптиз задом наперед, — заметил Тангалоа. — Надо было пораньше прийти.

— Честно говоря, я больше ожидал увидеть стриптиз в исполнении кирибца мужского пола под жадными взглядами амазонок, — отозвался Барнвельт.

Зал, пропахший кришнитами, неизвестными наркотиками и напитками, окружали скамьи, которые протянулись вдоль стен практически впритык друг к другу. Некоторые посетители, вооружившись похожими на крохотные копыя палочками, уже трудились над тарелками. Довольно разношерстная публика, отметил Барнвельт, хотя преимущественно буржуазного толка, — в углу имелась даже парочка в аристократических шелковых полумасках.

В соответствии с местными обычаями земляне сделали заказ через прилавок непосредственно повару, который в поте лица трудился на виду у всех. Потом они бочком протиснулись вдоль стены и устроились

на свободных местах. Официант принес им кваг, и они сидели и потягивали его, пока девушка в марле продолжала свои вращательные движения.

Наконец, танец закончился. Пока зрители хрустели пальцами, что изображало тут аплодисменты, вошли еще несколько посетителей, а за ними по пятам еще один, который явно выбивался из общей компании, — некое динозавроподобное существо на голову выше человека, которое переваливалось на птичьих лапах, балансируя торчащим сзади огромным хвостом. Вместо одежды тело нового посетителя покрывал замысловатый узор из переплетенных разноцветных полос, нарисованных прямо поверх чешуи.

— Осириец! — поразился Барнвельт. — И, судя по раскраске, мужского пола. С ума сойти, вот уж не ожидал такого тут встретить!

Тангалоа пожал плечами.

— Их и на Земле довольно немного. Ребята они в целом неплохие, правда, подвержены гипомании — излишне импульсивны и легковозбудимы.

— Я их и раньше видел, но ни с одним лично не знаком. Просто однажды я пригласил одну девушку, которая смертельно боялась змей, посмотреть Ингрид Димитроу в «Вождение инкорпорейтед», а когда зажгли свет, рядом с ней сидел осириец, и она хлопнулась в обморок.

— В большинстве своем они совершенно безобидны, — заметил Тангалоа. — Но если тебе паче чаяния придется завести с таким спор, не давай ему смотреть тебе прямо в глаза, иначе в момент окажешься под псевдогипнозом. Если, конечно, у тебя вместо черепа не серебряный колпак под скальпом.

— Слушай, Джордж, а тебе не кажется, что это и есть наш сосед по номеру? — Барнвельт перехватил взгляд официанта и поманил его поближе.

Приблизившись, прислужник вполголоса провоцировал:

— Гляжу я, что ньямцы вы, господа мои. Не желаете ли случайно жаровню с ньомниджу? Имеем мы альков уединенный для целей...

— Нет, спасибо, — ответил Барнвельт, не имея ни малейшего представления, в какой безвестный порок пытается втянуть их официант. — Кто этот малый с хвостом?

— Это Сишен, что проживает здесь, — ответил официант. — В смысле чаевых клиент весьма выгодный, несмотря на облик свой ужасающий.

— Ну что ж, будем надеяться, что осирийцы публика честная. Скоро там наша жратва будет готова?

Во всем виде осирийца совершенно ясно читалось, что пропасть, которая отделяет разумных существ с хвостами от разумных существ без таковых, с маху не перескочишь. Пронзительным, присвистывающим голосом сделав заказ, который повар едва разобрал, он съежился в углу лицом к стене, разложив по полу хвост, который торчал внутрь зала, и нервозно поднимал взгляд всякий раз, когда кто-то проходил мимо. Официант принес ему выпивку в особой посудине вроде бидона для горючего.

Барнвельт, глядя в другую сторону, проговорил:

— Ого-го, если тут и есть привидения, то одно я уже вижу. Он что, за нами охотится?

Это был все тот же жидкобородый старец с сундуком-аппаратом, который только что о чем-то беседовал с личностью в маске и теперь направлялся к землянам, надтреснутым голосом приговаривая:

— Портреты, господа хорошие? Волшебные портреты?

— Давай поддержим частную инициативу, — предложил Тангалоа. — Не думаю, что это так уж подкосит наш бюджет.

Он повернулся к фотографу.

— А скоро вы сможете доставить снимки?

— К завтрашнему утру, любезный мой владыка. В труде праведном проведя всю ночь, я...

У Барнвельта возникли было возражения, по нескольким причинам сразу. Но он предпочел не вмешиваться, не желая лишний раз оказываться в глазах своего беззаботного и незакомплексованного коллеги в роли эдакого прижимистого перестраховщика. К тому же, это была исключительная возможность своими глазами увидеть, с чем приходилось иметь дело земным пионерам фотографии вроде Дагерра и Штейнгейля.

Добрых несколько минут фотограф наводил фокус, двигая то одну стойку треноги, то другую. Потом он вытащил небольшую плоскую чашку с приделанной снизу длинной ручкой и моток бечевки. Отрезав кусок бечевки, он закрепил его концом в зажиме внутри чашки.

Затем в его руках появилась склянка, из которой он насыпал в чашку желтый порошок вроде того, что вытряс из стручков Визгаш на неудавшемся пикнике. Склянку он заткнул пробкой и убрал, удерживая чашку с порошком в горизонтальном положении. Потом достал кремневую зажигалку, которой долго щелкал у свисающего конца бечевки, пока та не зашипела и не занялась. Оказывается, это был запал.

— Не шевелитесь, благородные сэры! — объявил старикашка, подступая к аппарату спереди и щелкая шторкой затвора.

Он отодвинулся в сторону и поднял чашку над головой. Тихо потрескивая, пламя поднялось по шнуру до края чашки и на мгновение исчезло внутри.

Ф-фумп!

Зал озарила яркая вспышка, и над чашкой мгновенно вырос клубящийся гриб едкого желтого дыма. Не успел фотограф вновь обойти свой ящик и щелкнуть затвором, как послышался грохот, и все уставились на осирийца Сисена, который испуганно вскочил на ноги, опрокинув посудину с выпивкой.

Осириец сделал два широких шага в сторону фотографа, который уставился на него так, будто видел подобное существо впервые.

— Ийя! — взвизгнул старик, подхватил фотоаппарат и пулей вылетел из таверны.

— Ну что же он так? — расстроился Сишен. — Не желал я ничего иного, кроме как попросить его и меня обслужить подобным образом, а он умчался, будто сам Дюпулан гнался за ним по пятам! Непонятливый же народ эти кришниты! А вы, господа, должно быть, соседи мои новые по номеру? Судя по головам вашим бритым, решил я, что вы ньямцы, а Ангур только что предупредил меня, что подселил ко мне ньямцев.

— Похоже на то, — согласился Барнвельт.

— Правда? Тогда будем надеяться, что не станете вы заявляться за полночь и утром ранним, в настроении шумном ото сна меня пробуждая. Еще увидимся, прекрасные сэры!

Когда осириец вернулся на свое место, Барнвельт задумчиво произнес:

— Мне кажется, что этот старый сморчок тоже из людей янру.

— У тебя просто мания подозрительности! — возмутился Тангалоа. — Помнишь, как нам Куштаньозо говорил: все, что выходит за рамки обычных представлений, тут же вызывает сомнения... Смотри-ка, никак наш новый дружок с рыбьей физиономией и дурными манерами?

Сквозь толпу у входа решительно проталкивался долговязый сэр Гавао ер-Гарган. Заметив землян, он сразу направился к ним с воплями:

— Ба, ужель мои ньямцы! В награду за должное почтение, кое выказали вы званью моему, милостиво позволяю разделить со мною трапезу!

И он без спросу плюхнулся рядом с ними.

— Официант! — проревел он. — Кубок бухрена, да поживей! А где работник «Гурардены»? В смысле, посыльный?

— Мы его не видели, — ответил Барнвельт и обратился к официанту: — Нам того же.

— Ну ладно, невелика потеря. Доверчивый простак, что верит в байки о волшебном могуществе землян, чтоб им всем! Лично я свободен от суеверий дурацких, среди коих число любую болтовню про богов, духов, ведьм и силы магические. Правят всем непреклонные законы природы — даже этой Землею проклятой.

Правда, он тут же окунул палец в свою кружку, стряхнул на пол каплю напитка, вполголоса пробормотал какое-то заклинание и только потом отпил.

Барнвельт по-английски произнес:

— Следи за этим типом. Что-то он мне не нравится.

— Чего ты сказал? — тут же гаркнул Гавао. Барнвельт поспешил ответить:

— Изъяснялся я на исконном своем наречии и просил Таджди не предаваться тем злоупотребленьям неосторожным, что обошлись нам столь дорого в Гершиде.

— Впервые слышу, чтоб бойцы закаленные считались со столь бабскими предупреждениями, но это ваше дело. На кого это ты так уставился, толстяк?

Тангалоа с ухмылкой огляделся.

— Вон на ту малютку, танцовщицу. Если мне не изменяет зрение, она вполне определенно строила мне глазки.

Барнвельт проследил направление его взгляда. Там и впрямь сидела танцовщица, все еще закутанная в свой многометровый покров.

— Пора нам познакомиться поближе, — решил Тангалоа. — Закажи мне десерт, Ди... Сньол.

— Эй... — только и успел промямлить Барнвельт. Ему, конечно, пришлось не по вкусу очередная затея Тангалоа, но вместе с тем он прекрасно понимал, что остановить того будет трудновато. Так что он остался сидеть на месте, с несчастным видом провожая взглядом пропадающую в полутьме широкую спину коллеги, который устремился к танцовщице с амурной прытью мартовского кота.

— Ао, а вот и певица! — воскликнул Гавао, тыча куда-то пальцем. — Это Пари баб-Хорай, известная по всему побережью Садабао имитациями своими. Вот, помню, был я раз на одном постоялом дворе в Гершиде сразу с певицей, танцовщицей и акробаткой, и с тем, дабы решить...

И Гавао погрузился в изложение очередной истории о своих сексуальных подвигах.

Юная кришнитка с синеватыми волосами, свидетельствующими о принадлежности к западным расам, приволокла за собой затейливо отделанный табурет, на который в конечном счете и уселась. Костюм ее представлял собой квадратный кусок тонкой пурпурной ткани, пропущенный подмышкой и сколотый на другом плече драгоценной застёжкой. Принесла она также и некий музыкальный инструмент вроде земного игрушечного ксилофона и небольшой молоточек.

Сидя на табурете с инструментом на коленях, она отпустила пару шуточек, отчего большинство присутствующих разразилось побулькиванием и кулдыканьем, которое сходило здесь за смех, хотя Барнвельт по причине диалекта и пулеметной быстроты ее речи так ничего и не понял (он жил в постоянном страхе наткнуться где-нибудь на настоящего ньямца, которому вздумается потолковать с ним на чертовски трудном ньямском наречии).

В этот-то самый момент Барнвельт и ухватил уголком глаза некое мимолетное движение. Когда он обернулся, рука его спутника уже покоилась на прежнем месте. Однако Барнвельт готов был поклясться, что Гавао успел торопливо провести рукой над его, Барнвельта, кружкой. Снотворное?

Мешочек с запасом всяких капсул и пилюль висел у Барнвельта на шее, но он не мог просунуть руку под тесную кришнитскую курточку, чтобы не привлечь внимания.

А девушка между тем принялась постукивать по своему инструменту, который отзывался чистыми, похожими на звон колокольчика звуками, и голосом, наполненным меланхолией и ностальгией, запела:

Сапытли ста руюлю поф
Инекурс тит оне...

Хотя мотив показался Барнвельту смутно знакомым, он, как ни силился, не мог разобрать слова. Что это еще за *сапытли* такое? Может, страдательный залог от *сапытлер* — «пить»?..

Тут он даже хрюкнул, поскольку его неожиданно осенило. Господи, подумал он, и стоило лететь за одиннадцать световых лет, чтобы послушать «Старую дружбу» в кафешантанном исполнении! Да есть ли во всей вселенной место, где можно избежать земного влияния? Нет, в следующий раз надо посетить планету,

где у всех жителей поголовно щупальца, а живут они в океане из серной кислоты!

Однако проблема с предположительным наличием снотворного в напитке по-прежнему оставалась нерешенной. Если он будет просто сидеть, не притрагиваясь к кружке, это наверняка возбудит подозрения...

Вдруг ему пришло в голову, что в предложенную игру могут с равным успехом играть и двое. Ухватив Гавао за рукав, он указал рукой в зал:

— А кто этот малый в маске? Одинокий Космический Скиталец?

Пока Гавао приглядывался, Барнвельт быстро поменял кружки местами.

— А, этот-то? — проговорил Гавао. — Того я не ведаю. Таков уж обычай у местной знати — появляться в местах общественных исключительно в масках. Так вот, говорю — когда проснулись мы...

Барнвельт сделал глоток напитка Гавао, который на вкус очень напоминал коктейль из виски с томатным соком. Гавао тоже отпил. Певица тем временем затянула следующую песню:

Насеф эреди комсто итади нока
Наго лайвер жинесос на...

Кто бы там ни написал этот бессмертный шедевр про одинокую сосну, в жизни бы его не узнал, подумал Барнвельт, приглядываясь к Гавао на предмет признаков действия своего напитка. Певица тем временем все в той же манере отбарабанила «Лорелей», «Кукарачу» и «Янки-дудль» и уже затянула:

Джингабельц, джингабельц, джнгель олави...

когда кришнит вытер губы рукавом и пробурчал:

— Сие питье, видать, расстроило мне второй желудок. Чувствую себя отвратно. Вот погоди, оправлюсь когда, обязательно разыщу ту унгу шелудивую, коя за

это ответственна, и в мелкие кусочки покрошу за обращение такое с рыцарем посвященным...

К тому времени, как вновь появился Тангалоа, очень смахивающий физиономией на кота, только что полакомившегося канарейкой, голова Гавао уже бесчувственно покоилась на столе.

— Что это с нашим приятелем, уже натрескался? — изумился Тангалоа. — Я просто умираю от жажды...

Барнвельт поспешно накрыл ладонью кружку Тангалоа и тихо сказал:

— Осторожно — там снотворное. Нас посетил некто Мики Финн. Мне удалось переставить кружки. Пошли-ка отсюда.

— Ты что, чокнулся? В самом разгаре потрясающее исследование особенностей инопланетной культуры, а он уходит намылился! Смотри, опять ансамбль выходит. Интересно, что они собираются сбацать?

— Извини, но мне что-то не по себе.

— А ты что, не танцуешь? Эх, будь здесь моя третья жена, я бы тебе показал...

Вошедшие гуськом четверо кришнитов с инструментами принялись наяривать какой-то мрачноватый экзотический мотивчик, в котором Дирк Барнвельт через некоторое время признал шлягер «Мне Не Нужно Одеяло», пользовавшийся бешеной популярностью на Земле года за три до их отлета.

Скорчив гримасу, он повернулся к Тангалоа.

— Ну вот, стоит мне только представить, что я в таверне «Русалка» в шекспировские времена, как они сразу заводят чего-нибудь в этом духе!

— Чрезвычайно беспомощный и узколобый подход, — отрезал Тангалоа. — Принимай вещи такими, какие они есть, — как я.

— Это уж точно! — отозвался Барнвельт с заметной язвительностью в голосе.

Пара в масках поднялась и закачалась в медленном кришнитском танце, который состоял в основном из бесчисленных взаимных поклонов. Барнвельт только сейчас сумел как следует рассмотреть эту пару. Несмотря на маленький рост и совершенно бесполое одеяние — тунику из бледно-розовой марли, которая оставляла одно плечо открытым, — было заметно, что мужчина гибок и мускулист. Женщина была одета точно так же с одним лишь отличием: на боку у нее висел короткий плащ.

Барнвельт прошептал:

— Видишь, штаны у кирибских дамочек носить все же не принято, а вот мечи — другое дело. Где-то я этого крепыша уже видел. Вспомнить бы только где.

В зале появились и другие танцующие пары. Осириец поднялся, рывнул и на своих птичьих лапах вперевалку направился к арфисту.

— Слушай, — довольно бессвязно пробулькал он, — коли играете вы музыку земную, то позвольте показать вам и танец земной...

Через некоторое время рептилия под ручку с распорядителем показалась на середине зала. Выражение лица последнего ясно говорило, что он поступает подобным образом только с целью предотвратить более крупные неприятности. Осириец принялся все быстрее и быстрее кружиться в шаге популярного земного жепака, пока его хвост не хлопнул обладателя маски по филейным частям в тот самый момент, когда кришнит отвешивал очередной поклон своей даме.

— *Хишкако багхан!* — рывкнул тип в маске, теряя равновесие.

— Прощу прощения... — начал было осириец, но оскорбленный танцор уже выхватил из ножен меч своей партнерши и подребезжал:

— Сейчас ты получишь у меня прощение, страшилище чешуйчатое! С великой радостью погляжу я, как

безобразная башка твоя, отсеченная от остальной поганой туши, поскачет по полу, будто мячик!

С этими словами он скакнул вперед и как следует замахнулся тяжелым клинком.

Барнвельт схватил со стола пустую кружку. Это было добротное керамическое изделие, украшенное внутри барельефными изображениями то ли мужчин, побивающих женщин, то ли наоборот. Дирк занес ее над головой и швырнул.

Кружка вдребезги разбилась о затылок типа в маске. Выставленная вперед нога у него подкосилась, и он рухнул на четвереньки. Осириец шмыгнул за дверь.

В зале поднялся небывалый гадеж. Ангур, поднатужившись, поставил типа в маске на ноги и пытался его успокоить, а Барнвельт, который успел опуститься на свое место, сидел с совершенно невинным видом, хотя и готовый в любой момент ухватиться за рукоять своего меча. Тип в маске обвел глазами зал со словами:

— Ну и дела, матушка моя яйцекладущая! Некий негодяй осмелился крайне неучтиво стукнуть меня по башке со спины, и коли поймаю мерзавца, руки-ноги переломаю... Не заметили ли вы эту сволочь, мадам? — осведомился он у своей спутницы.

— О нет, ибо взор мой направлен был только на вас, мой владыка.

Глаза за прорезями маски остановились на Барнвельте.

— Что... — начал было ее обладатель, озираясь в поисках меча, который только что держал в руках.

Ангур с официантом, стоя по бокам от него, обнажили короткие дубинки.

— Нет уж, и не думайте скандалить во владеньях моих, господин хороший, иначе не погляжу я и на положение ваше! Уймитесь же наконец!

— Ча! Пойдемте-ка отсюда, мадам, и поищем место, где подостойней встречают особ званья нашего. В конце концов, я — это я!

— Да это же наш старый знакомый Визгаш бад-Мурани! — воскликнул Барнвельт. — Если ты по-

мнишь, при нашей последней встрече он выразился точно таким же образом.

Поскольку Тангалоа, наконец, согласился уйти, приятели расплатились и направились к себе в номер, оставив все еще распластанного на столе Гавао спать сладким сном. Когда они открыли дверь номера, осириец Сишен склонялся над клеткой с попугаем, а как только они вошли, осторожно снял тряпку, которой та была прикрыта. Фило открыл глаза, захлопал крыльями и испустил душераздирающее «Йир-р-рк!»

Осириец, как укушенный, отскочил от клетки, развернулся и одним махом прыгнул прямо на Тангалоа, обхватив его птичьими ножищами за талию, а маленькими ручками — за шею. Из рептильей глотки вырвалась шипящая вариация гозаштандского: «Спасите!»

— Да отцепитесь же, черт побери! — глухо пробубнил Тангалоа откуда-то из-под чудовищных объятий существа, пошатываясь под непосильной ношей.

Сишен рухнул на пол, заливаясь осирийским эквивалентом слез.

— Я очень сожалею, — всхлипнул он, — но события вечера нынешнего — неожиданная вспышка света, ссора с джентльменом в маске, а теперь еще и вопль жуткий сего злобного чудища — порядком расшатали мои нервы. Это ведь вы спасли меня, когда тот забияка задумал погубить меня за тривиальную оплошность?

— Верно, — не стал отказываться Барнвельт. — Кстати, а почему вы не управились с ним одним только своим всемогущим взглядом?

Сишен беспомощно развел лапками.

— Тому были свои причины, а именно: нам, Шаах-фи, дозволено и Землю посещать, и земные пределы космические, лишь давши строгую клятву отречься от применения таланта сего невеликого. А поскольку собственные наши пределы космические не далее простираются, чем до Эпсилона Эридана, обязаны мы, сами относясь к группе прокионической, средь цетических

планет клятве сей следовать. Далее — не так уж силен я в искусстве увещаний умственных, как способнейшие из собратьев моих, хотя ту же сеть мысленную и набросить могу, и снять не хуже прочих. И, наконец, не столь восприимчивы кришниты к влиянию нашему, как обитатели Земли, а посему попросту не успевал я подчинить задиру разбушевавшегося воле своей, когда собственная жизнь моя на тонком волоске висела. Так что вмешательство ваше весьма своевременным оказалось. А теперь, ежели вознагражденья какого желаете вы от Сишена, только скажите, и в меру невеликих возможностей моих будет оно вам дадено.

— Спасибо... будем иметь в виду. А что вас привело в Ясмуриан? Наверняка ведь не дама?

— Меня-то? О, я всего лишь обычный турист, что посещает места удаленные и диковинные ради удовлетворенья стремлений своих к опыту новому и знанию. Застрял потому я здесь, что три дня назад гид мой, бедолага, выловлен был у причала с ножом в спине, а агентство туристическое так и не удосужилось прислать мне другого. А владею я языками иностранными столь скудно, что и не помышляю путешествовать без сопровожденья. Впрочем, потеря сия имела и сторону положительную, ибо сумею я теперь посетить Мажбур, где, говорят, храм имеется отделки редкостной.

Осириец зевнул, что оказалось довольно жутковатым зрелищем.

— Простите меня покорно, джентльмены, но весьма я утомился. Пора бы и отдохнуть нам сегодня.

Сишен раскатал коврик, который использовал вместо кровати, и растянулся на нем, словно греющаяся на солнце ящерица.

На следующее утро Барнвелът счел необходимым разбудить Тангалоа, величайшего соню всех времен и народов, проревев ему прямо в ухо:

Встань! Бросил камень в чашу тьмы восток:
В путь, караваны звезд! Мрак изнемог!

Когда они уходили, Сишен был все еще полностью поглощен наведением марафета на раскраску, заменявшую ему одежду, каковое занятие, очевидно, отнимало львиную долю его активного времени. Спустившись с лестницы, они наткнулись на Ангурса, который оживленно спорил с какими-то мрачноватого вида молодцами с дубинами в руках.

— О судари мои! — взмолился Ангурс. — Объясните же наконец сим болванам, что картины, кои оставил здесь утром старый фотограф, — ваши, а не мои, и разбирайтесь с ними сами, как нужным сочтете!

— А что, собственно говоря, стряслось? — поинтересовался Барнвельт.

Самый здоровенный из троих детей молвил:

— Знай же, о человек из Ньямадзю, что представляем мы комитет Гильдии художников, и комитет оный решение принял искоренить сие срамное изобретенье, покуда совсем оно куска хлеба нас не лишило. Ибо как соревноваться можем мы с тем, кто, ни ремеслом не владея, ни талантом, наводит лишь ящик свой дурацкий, и щелк! — портрет готов? Противно сие замыслам богов, чтоб люди мир окружающий живописали столь низменными средствами механистическими!

— Господи боже мой! — пробормотал Барнвельт. — Тут, видно, и впрямь всерьез обеспокоены техническим прогрессом!

Кришнит продолжал:

— Ежели вы попросту откажетесь от картин старого мошенника, все будет хорошо. Пожелай вы занять портреты свои, гильдия наша с радостью великой изобразит обличья ваши что углем, что кистью за чисто символическую плату. Но сии тени иллюзорные — ча! Так что, отдадите, как люди разумные? Иль принять нам решительные меры?

Барнвельт с Тангалоем обменялись продолжительными взглядами. Последний по-английски проговорил:

— Вообще-то, какая нам разница...

— Ну уж нет! — взвился Барнвельт. — Пусть и не думают, что на нас можно наезжать безнаказанно! Готов?

Тангалоа вздохнул.

— Ты опять переел мяса. А ведь такой тихоня на Земле был! Ох-хо-хо!

Барнвельт резко дернул за эфес. Скрученная проволока оборвалась, и меч вылетел из ножен. Его плоской стороной Барнвельт от души огрел спикера художественной гильдии по лбу. Кришнит полетел на бульжники тротуара, выронив дубинку. Тангалоа в тот же самый момент выхватил из-за пояса палицу и налетел на уцелевшую парочку. Тех словно ветром сдуло. Упавший художник, шатаясь, поднялся на четвереньки и тоже дал тягу. Земляне преследовали их несколько шагов, после чего вернулись ко входу в гостиницу.

— Одна поганка за другой, — пожаловался Барнвельт, оглядываясь по сторонам, дабы удостовериться, что среди свидетелей скандала не оказалось представительницы кирибской полиции. — Ну что, посмотрим карточки?.. Елки-палки, если б я знал, что они такие паршивые, я бы их точно отдал этим детинам. Я тут похож на заплесневелую мумию!

— А этот опухший вурдалак — я? — жалобно простонал Тангалоа.

Без особой охоты они выдали Ангуру деньги для фотографа, скрутили обратно проволоку на своем оружии, собрали манатки и по главному бульвару Ясмуриана направились на вокзал.

Н а бульваре, рядом с депо, в ожидании пассажиров стояла огромная карета, запряженная шестеркой рогатых айев. Курьер, который ехал с ними от Мажбура, уже был здесь и беседовал с кучером, но сэр Гавао не показывался.

— Простите, это дилижанс до Рулинди? — осведомился Барнвельт у кучера.

Получив ответ в виде энергичных кивков головы, они с Тангалоа вручили ему оставшиеся корешки комбинированных железнодорожно-дилижансных билетов, закинули свой мешок на крышу (задний сетчатый багажник был уже полон) и, подхватив птичью клетку, забрались внутрь.

Мест в салоне было около дюжины, и к моменту отправления карета заполнилась приблизительно наполовину. Большинство пассажиров было облачено в незамысловатые кирибские наряды, отчего Барнвельту представилось, будто он очутился в турецкой бане.

Кучер дуднул в рожок и щелкнул хлыстом. Карета двинулась с места, грохоча колесами по булыжникам и плюхая по лужам. Поскольку загрузка была далеко не полной, рессоры почти не прогибались, и пассажиров ощутимо потряхивало.

Барнвельт задумчиво проговорил:

— Знаешь, по-моему, и Гавао, и Визгаш — агенты сунгарской банды, которым поручено заняться нами.

— Как это так? — удивился Тангалоа.

— Все сходится. План на вчерашний вечер был такой: Гавао нас усыпляет, а потом они с Визгашем

под видом наших старых добрых друзей выволакивают нас в какой-нибудь безлюдный переулок и преспокойно перерезают глотки. А когда же я сам уснул Гавао, Визгаш попросту растерялся. Ты видел, как он тогда на нас уставился?

— Вообще-то похоже на правду, Холмс. А что касается Сишена... — Тут Тангалоа перешел на местный язык и обратился к курьеру: — Вы нам вроде как-то рассказывали, будто у этого таинственного Ши-афази, который правит Сунгаром, чешуйчатые лапы с когтями?

— Именно так, любезные господа мои!

— Господи! — выдохнул Барнвельт. — Ты что, и в самом деле считаешь, будто Сишен — это Ши-афази, и мы спали с ним в одном номере? Да это почище купания с аввалом!

— Вовсе необязательно. Та свара выглядела вполне натурально. Но если предположить, что эта парочка — именно то, что ты говоришь, что тогда с ними делать?

— Господи, да понятия не имею: нельзя же убивать каждого встречного, который вызывает малейшие подозрения! Кстати, не очень похоже, чтоб настоящий глава Сунгара болтался тут инкогнито, точно калиф из «Тысячи и одной ночи».

— Со временем мы наверняка это узнаем.

— Угу, хотя лично мне эта работенка все меньше и меньше нравится. Дракона поймать в вишневую сеть, тигрицу словить паутиной — да, тут придется исхитриться.

Барнвельт предложил курьеру сигару, который взял ее, но заметил:

— Курить в пределах сих запрещается, судари мои. Посему подожду я остановки, дабы на крышу вскарабкаться.

Барнвельт находил ароматы скопившихся в тесном пространстве кришнитов довольно тягостными — прямо как на фабрике, где делают клей. Ему очень хо-

телось, чтобы Межпланетный Совет в один из своих регулярных приступов либерализма позволил познакомиться эту планету с секретом выделки мыла. В конце концов, разрешили же здесь книгопечатание, что куда как более революционно.

Поэтому его очень обрадовала остановка в какой-то деревушке для высадки пассажиров и выгрузки пары мешков. Он вышел, закурил и вместе с Тангалоа и курьером залез на крышу. Вскоре карета вновь покатилась дальше, следуя огибающей берега залива Бажжай железной дороге и пересекая речные устья и заливы. В Мишдахе, расположенном в основании Кирибского полуострова, дорога резко забрала влево, или к востоку, вдоль северного побережья полуострова, а железнодорожная колея ушла вправо, по направлению к Шафу.

Дорога теперь принялась взбираться на возвышенность с южной стороны залива, где в необъятную зелень беспокойных вод сбегали поросшие крошечными, согнутыми ветром деревцами скалистые косы. Раз подъем оказался таким крутым, что мужской половине пассажиров пришлось выйти и толкать карету. Дорога причудливо петляла по холмистому взморью, то карабкаясь вверх, то падая вниз, обходя каменистые вершины и выступы. Деревья здесь были крупней и более многочисленны, чем приходилось пока землянам встречать на Кришне, с глянцевыми стволами зеленоватого, коричневого и красного оттенка. Иногда пассажиры империаала чуть не стучались головами о протянувшиеся над дорогой ветви. Карета раскачивалась, посвистывал ветер.

Так они и гремели по горной дороге некоторое время, пока внезапно их внимание не привлекли какие-то новые звуки. Из-за деревьев галопом вылетела дюжина вооруженных людей верхом на айях.

Прежде чем пассажиры успели хоть как-то отреагировать на их появление, два всадника во главе группы уже скакали по бокам кареты. Причем справа мчался не кто иной, как недавний попутчик землян Гавао ер-Гарган, вопя во всю мочь:

— Стой! Стой, иначе заплатишься жизнью!

Тот, что скакал с другой стороны и Барнвельтом опознан не был, злодейского вида малый с отломанной антенной, державшийся на расстоянии вытянутой руки от борта кареты, вдруг запрыгнул с ногами на спину своего скакуна и с ножом в зубах полез на крышу — в лучших традициях капитана Черная Борода.

Барнвельт, который давно уже подремывал на ходу, прореагировал на грядущий визит довольно вяло. Он только начал соображать, что к чему, и суматошно потянулся за мечом, когда железный набалдашник палицы Тангалоа с треском опустился на череп незваного гостя. Секунду спустя послышался негромкий щелчок — кучер разрядил в Гавао маленький самострел в виде пистолета. Стрела миновала всадника, но поразила скакуна, который взревел от боли, взвился на дыбы, крутнулся на месте и кубарем покатился с дороги на прибрежные скалы вниз.

Кучер заткнул свое оружие обратно в держатель, неистово защелкал кнутом и завопил: «Хао! Хао-гай!»

Шестеро зверей бешено рванулись в упряжи и понесли. Карета с громом летела все быстрее и быстрее. Подбитый стрелой скакун вожака поверг преследователей в некоторое замешательство. Всадники остановились у тела бандита, которому пробил череп Тангалоа, а один осадил так резко, что перелетел через голову своего айи. Потом их скрыл поворот дороги.

— Держись! — рявкнул кучер, когда они заложили поворот на одних только правых колесах. Снизу, из салона кареты, доносился перепуганный ропот остальных пассажиров.

Барнвельт, вцепившись в сиденье, оглянулся назад. В конце небольшого прямого отрезка дороги вновь показалась погоня, хотя и слишком далеко позади, чтобы разглядеть лица. По кузову кареты отчаянно барабанили камни, летящие из-под тридцати шести копыт. Еще один поворот, и они опять скрылись от взглядов преследователей.

— Далеко следующий город? — спросил Барнвельт у кучера.

— До Кьята почти двадцать хогов, — последовал ответ. — Вот, заряди-ка мне арбалет!

Барнвельт, возясь с диковинным пистолетом, бросил Тангалоа:

— При таком раскладе они сцапают нас много раньше, чем мы доберемся до города!

— Это уж как бог свят! Что делать будем?

Барнвельт оглядел высоченные деревья по бокам.

— Спрячемся в лесу. Хватайся за первый же сук, какой будет пониже, и моли бога, чтоб они нас не заметили и пролетели понизу!

Он повернулся к кучеру.

— Они охотятся только за нами, и если ты сбавишь ход, когда будет сказано, мы тебя избавим от своего опасного присутствия. Только не говори им, где мы слезли, понял?

Кучер согласно буркнул. Преследователи, которые успели заметно приблизиться, еще на несколько секунд показались в поле зрения. В воздухе засвистели стрелы. Одна из них с глухим чавканьем угодила в цель. «Я ранен!» — крикнул курьер и повалился с кареты на дорогу. Потом всадники скрылись вновь.

— Этот слишком высоко, — сказал Тангалоа, провожая глазами сук.

Карета все подскакивала и раскачивалась, влекомая бешено несущейся упряжкой. Кучер неустанно улюлюкал и хлопал кнутом.

— А этот слишком тонкий, — указал Барнвельт.

Тут он вспомнил про вещи. Схватив мешок со снаряжением, он как можно дальше забросил его с крыши кареты в густой кустарник, который надежно его упрятал.

— А как же попутай? — крикнул Тангалоа.

— Он внизу, да и все равно он нас выдаст своими воплями. Давай, вон тот вроде сойдет. Кучер, потише!

Кучер потянул тормозную рукоять, и карета замедлила ход. Барнвельт с ногами забрался на сиденье и встал, довольно рискованно раскачиваясь в такт подергиваниям кареты. Сук все приближался и приближался.

— Пошел! — крикнул Барнвельт, отталкиваясь ногами от сиденья и взлетая в воздух. Сук упруго хлестнул его по рукам. Натужно кряхтя, он перевалился через него и встал, уцепившись за соседнюю ветку, чтобы удержать равновесие. У Тангалоа это получилось еще менее изящно. Относительно ровный до того, как они на нем повисли, сук заметно прогнулся под их весом, и, чтобы добраться до ствола, им пришлось влезать вверх под довольно приличным углом.

— Скорей, черт возьми! — взорвался Барнвельт, поскольку его спутник непростительно неуклюже перебирал ногами по гладкой лоснящейся коре. В любую секунду из-за поворота могла вылететь погоня, и было бы совсем ни к чему болтаться на суку прямо перед глазами у неприятеля.

Наконец, они пролезли к стволу и скользнули за него — в тот самый момент, когда барабанная дробь копыт и клацанье доспехов объявило о появлении банды Гавао. Они пронеслись мимо буквально на расстоянии плевка, причем Гавао опять скакал впереди. Барнвельт с Тангалоа затаили дыхание, пока кришниты не скрылись из виду.

Тангалоа, физиономия которого, несмотря на смутный оттенок, была на сей раз значительно бледнее обычного, вытер лоб рукавом.

— Сам не понимаю, как я ухитрился выполнить подобный трюк при своем возрасте и весе. А дальше что? Когда эта гопя перехватит карету и выяснит, что нас на борту нет, то в пять секунд обратно прискачет!

— Углубимся в лес и попытаемся улизнуть пешим ходом.

— Сначала нужно подобрать этот чертов мешок... Господи милосердный, вот они уже и возвращаются!

В отдалении действительно послышался приближающийся грохот копыт.

— Да нет, — сказал Барнвельт, приглядевшись. — Это карета! Какого дьявола они развернулись?

— Это встречная, — охладил его пыл Тангалоа. — Ну, что скажешь: может, тормознем ее и вернемся в Ясмуриан?

— Годится!

Барнвельт поспешно слез с дерева и выбежал на дорогу прямо перед каретой.

Заскрежетали тормоза, и экипаж замедлил ход. Земляне на бегу ухватились за поручни и влезли.

— Осади-ка на минутку! — крикнул Барнвельт кучеру.

Выскочив на дорогу, он отбежал в сторону, подхватил мешок и догнал карету. Когда мешок оказался в заднем багажнике, он вновь ухватился за ручку.

— Все на борту, — объявил он, влезая на крышу и переводя дух. — Сколько платить до Ясмуриана?

Получив деньги, кучер произнес:

— Клянусь левым ухом Тьязана, чуть из штанов я со страху не выпрыгнул, когда выскочили вы на дорогу! Уж не из-за вас ли такая суматоха вон там, позади?

— Какая еще суматоха? — невинно поинтересовался Тангалоа.

— Ожидал я на разъезде дилижанс восточный, дабы пропустить его, когда появился он раньше времени, причем так гнал, будто сам Дюпулан преследовал его! И только собрался я выехать на магистраль ко-

ролевскую, как вдруг всадники вооруженные проскакали неистово вслед за каретой. Настороженный видом их, стараюсь править я с тех пор сколь можно быстрее. Не знаете ли вы чего про них?

Бросая нервозные взгляды назад, они заверили его, что и слыхом ничего не слыхивали.

— Слушай, Дирк, а все-таки — как нам попасть в Рулинди, если по маршруту болтаются эти деятели?

Барнвельт спросил у кучера:

— А между Ясмурианом и Рулинди есть какое-нибудь морское сообщение?

— Конечно! То же вино фалатское, к примеру, возят во все порты Садабао.

Таким образом, вечер застал их уже на выходе из залива Бажжай, на борту валкого прибрежного парусника «Гийям», настолько перегруженного кувшинами с вином, что его надводный борт можно было измерить разве что в сантиметрах. Шкипер только посмеялся над их вполне оправданными опасениями, когда первая же шальная волна бурным потоком пронеслась по палубе.

— Ну уж нет, — заявил шкипер, — до сезона ураганов еще несколько десятиночий будет!

Решив хоть чем-нибудь заняться, Барнвельт вытащил из мешка купленный в Новоресифи навигационный справочник и попытался самостоятельно вычислить их местонахождение и курс на основе следующих скудных данных: показаний судового компаса (картушка которого вертелась туда-сюда безо всякой видимой связи с направлением), времени, определенного по карманным солнечным часам, и высоте Рогира, вычисленной при помощи импровизированной астробии. Неудивительно, что при стольких источниках погрешностей судно, по его расчетам, должно было находиться на реке Зигрос в сотнях хогов от устья, где-то между Джешангом и Кубьябом.

— Чтение — багаж бесполезный для истинного моряка, — заметил шкипер, насмешливо наблюдая за мучениями Барнвельта. — Я вот всякому чистописанью не обучен, а посмотри на меня! Ну уж нет — куда лучше проводить время, на волны глядя, да на облака,

да на тварей летучих, мудростью всего этого проникаясь... иль в изучении склонностей божеств всяких местных, дабы каждого умилоствовать на территории его собственной. Так, в Кирибе я правоверный последователь их Матери-Богини, в Мажбуре почитаю старого весельчака Дашмока, а в портах гозаштандских склоняюсь к культам астрологическим. Простирайся моря наши до студеной Ньямадзю, без сомненья, выучился бы и квадратам да треугольникам поклоняться, как кангадиты мрачные поступают.

Очень хорошо, подумал Барнвельт, что они с Тангалоа не пожалели времени и все же придумали, каким именно конкретным образом проникнуть в Сунгар. Поразмыслив и так и этак, в конце концов они решили соединить вместе все то, что тем или иным образом подсказали им друзья и знакомые на Кришне. Другими словами, они решили, что кому-то из них или обоим сразу надо попытать счастья под личиной курьера компании «Межроу Гуардена».

Ветер держался свежий и попутный, и на третий день утром «Гийям» уже входил в гавань Рулинди. Когда над искрящимся морем поднялось солнце, Барнвельт замер в молчаливом восхищении.

Перед ними раскинулся порт — не собственно Рулинди, а самостоятельный от него городок Дамованг. К юго-западу от Дамованга вздымалась высокая гора Сабуши. В стародавние времена, еще до того, как матриархат возвысил над остальными культ богини плодородия и устранил прочих конкурентов, каменотесы превратили гору в громадное приземистое изваяние бога войны Кондьора (кирибцами именуемого Кунджаром), который словно сидел на глубоко ушедшем в землю, приблизительно до икр бога, троне. Время не пощадило работу скульптора, особенно голову, но все равно было заметно, что весь город

Рулинди с характерным лесом высоких остроконечных шпилей возлежит на коленях гигантской каменной фигуры.

И, наконец, вдалеке за горой Сабуши, на фоне неба вырисовывалась ломаная цепь горного хребта Зора — район, откуда матриархальное королевство и черпало те нескончаемые природные богатства, что позволили ему обрести могущество, никак не соответствующее относительно небольшим размерам страны.

А еще через час по крутому склону, который представлял собой подол одеяния Кондьора и выводил прямым к столице королевы Альванди, они уже взбирались в толпе кирибцев наверх. В манере местных жителей одеваться ясно прослеживался принцип: если у тебя с собой кусок ткани, считай, что ты одет с ног до головы, даже если едва прикрылся им, накинув на плечо. Барнвельт обратил внимание, что если женщины в большинстве своем были одеты с аскетической простотой, то мужчины увлекались вычурными орнаментами и косметикой.

— Теперь, — объявил Барнвельт, — нужен только какой-нибудь презент для королевы взамен пропавшего попутая.

— А ты не думаешь, что дилижансная компания могла его сохранить? Сомневаюсь, правда, что у них есть бюро находок.

Они заглянули в контору компании и навели справки. Нет, ответили им, никто не слышал о клетке, содержащей невиданное чудище. Да, карета, остановленная разбойниками на перегоне между Мишдахом и Кьятом, в город прибывала, но кучер на данный момент в рейсе. Если они оставили подобную клетку в дилижансе, кучер наверняка продал ее в Рулинди. Почему бы джентльменам не прогуляться по зоомагазинам?

Таковых в городе оказалось три, все в одном квартале. Еще не дойдя до первого, земляне уже знали,

где их ждет добыча, — по истошным воплям и ругательствам, которые неслись из магазина, приютившего Фило.

Внутри царил невероятный шум и гам. В соседней с Фило клетке, издавая звуки, похожие на стук молотка по наковальне, шуршал кожаными крыльями бижар, а в другой поквакивал сидящий на яйцах двухголовый райиф. Огромный сторожевой эшун встал на сетчатую перегородку передними из своих шести лап и глухо ворчал. Воняло — хоть топор вешай.

— Вон тот? — воскликнул владелец магазина, когда Барнвельт сообщил, что интересуется попугаем. — Платите полкарда и забирайте его с нашим удовольствием! Я готов был уже утопить сего зверя. Укусил он лучшего из покупателей моих, что задумал приобрести его, покуда не познакомился с нравом его сварливым. А кроме того, непристойности выкрикивает разного толка.

Птицу они выкупили, но Барнвельту захотелось задержаться и посмотреть других животных.

— Джордж, — канючил он, — можно я куплю вон ту чешуйчатую фиговинку? Тоскливо без какой-нибудь ручной зверюшки.

— Нет! Зверюшка, которая тебе нужна, ходит на двух ногах. Пошли. — И страновед выволок Барнвельта на улицу. — Это в тебе, должно быть, деревенское прошлое играет. Сам не свой до всяких зверей!

Барнвельт помотал головой.

— Просто мне их гораздо проще понять, чем людей.

Когда, наконец, Рогир низко завис над горизонтом, а народ Рулинди оставил свои дела ради чашечки шураба и куска пирога с фунгусом, Дирк Барнвельт и Джордж Тангалоа, измотанные, но не потерявшие бдительности, вступили во дворец. Барнвельту не без труда удалось подавить страх от перспективы встретить та-

кую массу незнакомых людей одновременно. Миновав двух стражниц в позолоченных юбочках, медных шлемах, наколенниках и бюстгалтерах, они прошли еще множество всяких проверок и досмотров, прежде чем были препровождены под светлы очи Альванди, доурии кирибской.

Вернее, оказались они пред светлыми очами не одной, а сразу двух дам: одной уже в летах, с квадратной челюстью, приземистой и коренастой, и другой, молоденькой, и не то чтобы красивой в полном смысле этого слова, а скорее очень миловидной, насколько это было возможно при столь резких и решительных чертах лица. На обеих были простые свободные одеяния вроде тех, что греческие скульпторы обычно приписывали амазонкам. Незамысловатость нарядов заметно контрастировала со сверканием тиар, что красовались у них на головах.

Земляне, которые предварительно ознакомились с тонкостями кирибского дипломатического протокола, преклонили колена, пока распорядитель их представлял.

— *Тот самый Сньол из Плешча?* — молвила женщина постарше, очевидно королева. — *Какая приятная неожиданность, ибо агенты мои донесли, что давно уж нету тебя в живых! Подымайтесь!*

Как только они поднялись, Тангалоа разразился заранее отрепетированным приветственным спичем, предъявив под конец какаду. Когда он закончил, распорядитель забрал у него клетку и ретировался.

— *Благодарим вас за столь щедрый и необычный дар. Иметь в виду будем предостережение ваше о наклонностях сего создания — как, говорил ты, именуется оно на планете своей исконной? Птытса? А теперь, господа, о замыслах ваших. Дело иметь вам тут следует не со мною, но с дочкой моей, принцессой Зеей, кою зрите вы сидящую слева от меня. И десятиночья не пройдет, как начнется ежегодный фести-*

валь наш, кашью именуемый, после коего отрекусь я от престола в пользу дитяти моей смиренной. Так что следует испытать ей самолично, что за ноша непосильная лежит на плечах моих, прежде чем ответственною законной облечена будет. Говорите же!

Барнвельт с Тангалоа заранее условились, что первым будет говорить страновед, а вторую речь произнесет Дирк. Но при виде женщин Барнвельт внезапно почувствовал, что проглотил язык. Летели секунды, а он не мог и слова вымолвить.

И причина заключалась вовсе не в том, что Зея оказалась довольно высокой, хорошо сложенной девушкой, смугловатой, с огромными карими глазами, прелестным ртом и носиком с необычной для кришнитов горбинкой. Она вполне могла сойти с росписи на древнегреческой вазе, если не обращать внимания на антенны, темно-зеленые волосы и уши, как у гнома из сказки.

Да что там, Барнвельту и раньше приходилось общаться с девушками. Он и свидания им назначал, хотя мать всегда прилагала все старания к тому, чтобы такие отношения не заходили слишком далеко. Истинной причиной внезапно поразившей его немоты была сама королева Альванди, которая и видом своим, и речью чертовски напоминала его собственную маманю, только в куда как более крупном, крикливом и устрашающем масштабе.

Стоя дурак дураком с разинутым ртом и ощущая, как по его и без того румяным щекам расплывается краска, он услышал наконец, как томительную тишину нарушил вкрадчивый голосок Тангалоа. Молодчина, Джордж! За спасение в столь отчаянный момент Барнвельт готов был простить ему почти все.

— Ваша Превозвышенность, — начал Тангалоа, — мы лишь странствующие искатели приключений и молим смиренно только о двух одолженьях: во-первых, разрешить высказать вам уважение наше, что вы уже

благосклонно дозволили учинить нам, а во-вторых, основать в Рулиндди товарищество с целью отправиться на поиски камней гвама в просторах моря Банжао.

Девушка бросила вопросительный взгляд на мамашу, лицо которой по-прежнему оставалось каменным. Наконец, Зея ответила:

— Горбоваст уж поведал нам в письме о намеренье вашем на гвамов поохотиться. — Она коснулась листа бумаги на столе. — Но не убеждена я, однако, что поиски камней гвамовых получают Матери-Богини одобренье, поскольку, ежели верованья народные и впрямь правдою являются, дают оные камни мужчинам преимуществ, что вразрез идет с принципами государства нашего...

Поскольку тут она запнулась, королева Альванди напомнила ей театральным шепотом:

— Скажи им, мол, требованье закона таково, чтоб заплатили они налоги и гадостью своей торговали по-дальше отсюда!

— Ладно... Гм! Однако, — продолжала Зея, — дозволено сие вам будет на двух условиях: во-первых, что не станете вы продавать означенные камни в пределах Кириба, а во-вторых, что уплатите вы с доходов предприятия вашего, представленью ревизорам нашим подлежащих, десятую долю в государственную казну кирибскую, и еще десятую в пользу Матери Божественной.

— Мы согласны, — сказал Баривельт, у которого наконец-то прорезался голос. Было довольно несложно обещать поделиться доходами от торговли камнями гвама, когда им с Тангалоа было прекрасно известно, что не предвидится никаких доходов вообще.

— Пушай аванс внесут! — прошипела Альванди. — Не то как же мы получим денежки, коли их уже не достанем вместе с ихними камнями?

— Э-э... Необходимо небольшой аванс внести, — объявила Зея, — э-э... скажем, в тысячу кардов. Под-

ходят ли вам сии условия? По возвращеньи все, что превысит сумму налога, возвращено вам будет.

— Нам сии условия подходят, — ответил Барнвельт после нескольких торопливых мысленных калькуляций.

— Надо было пять тыщ с них содрать! — проворчала Альванди. — Этот Сньол из Плешча завсегда пользовался репутацией...

В этот самый момент к ним довольно бесцеремонно ворвался некий круглолицый молодой кришнит, который с порога во весь голос принялся причитать:

— Носитель дурных новостей я, о прекрасная Зея, ибо префект с дамою своею, некою хворью сраженные, не смогут к нам вечером прийти... Ой, прошу прощенья! Ужель прервал я аудиенцию неотложную и значительную?

— Достаточно значительную, — пробурчала Альванди, — чтоб задать за невоспитанное вторжение твое больше перцу тебе, чем принято по обыкновенью. В обществе нашем находятся два головореза благородных из дальних крив у нижнего полюса, где народ носит имена, кои никто иной выговорить не может, и где баня за ужасный языческий обряд почитается. Вон тот молодчик, что слева, прозывается Сньол из Плешча, а этот пузан необъятный справа откликаться изволит на варварское прозвище Таджди из Вьютра. А сей балбес юный, вторжение коего ход красноречья вашего прервало, — Заккомир бад-Гуршмани, сего трона хранитель и дочки моей знакомый.

— Генерал Сньол! — возопил Заккомир, на накрашенной физиономии которого возникло выражение неподдельного восторга. — Сэр, позвольте ли вы мне пожать ваш большой палец в знак величайшего к вам уважения? Давно уж слежу я за деяньями вашими с восхищеньем. Как вы тогда, с единственным крылом войска своего, на ногах коего были те доски, что служат у вас для скольженья по снегу — по-моему, лыжами они именуются, — опрокинули и в бегство

обратили жалкий сброд этого Ольнеги... Но думал узреть я вас куда как более в летах?

— В нашем роду долго живут, — грубовато ответил Барнвельт, желая в этот момент знать несколько больше о человеке, которого волей судеб был вынужден замещать. Хотя покрашенный юнец и не произвел на него особо благоприятного впечатления, восхищение того им самим просто не имело границ.

Заккомир обратился к Зее:

— Принцесса, было бы недостойно со стороны нашей отнестись к особе столь знатной, как к простому бродяге — потому лишь только, что лживый культ кангадитов изгнал его из державы, коей служил он столь славно, и стал он странником, скитающимся по планете. И раз уж префект с дамою своей занедужили, давай вместо них на вечер сих господ пригласим. Что скажешь ты?

— Замысел сей стоит обдумать, — согласилась Зейя. — И как раз число игроков должное будет у нас для *шанайкишахи*.

— Очередной каприз! — не особо понижая голос, заявила Альванди. — Сразу эдакое-то приглашение, когда даже благопристойность гостей будущих ничем не подтверждается! Да уж ладно, пускай, поелику пригласивши, не можем отвести мы приглашение оное в одночасье, приглашенного не обидевши. Глядишь, и более приличными людьми они окажутся, нежели местные, где все поголовно либо чудаки шумные, либо дурни скучные, а то и те, и другие сразу.

Барнвельт предполагал, что подготовка к экспедиции отнимет как минимум неделю, но все основные вопросы удалось решить уже к концу долгого кришнитского дня. На продажу была выставлена добрая дюжина всяких судов и суденышек: чисто парусный рыболовный бот, мореходный, но чрезвычайно неуклюжий; военная галера, которая требовала куда большего экипажа, чем земляне собирались нанять; пара изъеденных червями галош, годных разве что на дрова...

— Выбирай, приятель! — сказал Тангалоа, пуская кольца дыма. — Ты ведь у нас специалист по военноморским вопросам.

Барнвельт в конце концов остановился на совсем крошечном суденышке с единственной мачтой, вооруженной латинским парусом, четырнадцатью веслами на одного гребца и явным запахом запустения. Однако под слоем грязи он сумел разглядеть благородные обводы и удостоверился, что дерево нигде не тронuto гнилью.

Он пристально поглядел на торговца.

— Это судно, случайно, не для контрабанды строилось?

— Верно сие, владыка Сньол. Откуда прознали вы? Люди королевы отобрали его у шайки мошенников и продали с аукциона. Купил я его в надежде получить хоть небольшой, но честный навар. Но вот уж три оборота Каррима валяется оно тут у меня на мели,

ибо торговцы да рыбаки законопослушные находят его для целей своих недостаточно вместительным, в то время как для военных не отличается оно быстротой должной. И посему продаю я его совсем дешево... сущий подарок.

— Как оно называется?

— «Шамбор» — имя, удачу приносящее.

Однако цена, заломленная торговцем, по мнению Барнвельта, не имела ровно никакого отношения к «подарку», о котором шла речь. Основательно поторговавшись и в меру сил сбив первоначальную цену, Барнвельт купил суденышко и тут же отдал распоряжения относительно кренования, чистки, покраски и замены всех вызывающих сомнения снастей. Потом они с Тангалоа направились на биржу труда и при посредстве глашатая объявили, что им требуются моряки исключительной храбрости и преданности, поскольку, как пояснял тот наиболее непонятливым, предстоящая экспедиция связана с необыкновенными опасностями и лишениями.

После этого они заглянули в магазин подержанной одежды, где приобрели голубую униформу курьера «Межроу Гуардена». И, поскольку униформа эта — единственная на весь магазин — прекрасно подошла Барнвельту, а на Тангалоа даже не налезла, было решено, что наденет ее для вторжения в Сунгар именно Барнвельт.

Управившись с обедом, они вернулись в свой номер и оделись понарядней, после чего двинулись к дворцу, который, как и большая часть Рулинди, освещался горелками с природным газом. Их проводили в покои, где уже сидели королева Альванди, принцесса Зея, Заккомир бад-Гуршмани и какой-то пузатый, с затуманенным взором кришнит средних лет, мрачно раскладывающий доску для некой игры.

— Супруг мой Кай, собственной своей ненаглядной персоной, — пояснила Альванди, представляя землян под их ньямскими псевдонимами.

— Это великая честь, — воспитанно сказал Барнвельт.

— Избавьте меня от сих пустых славословий! — поморщился король Кай. — Когда-то и я, вам подобно, вес кой-какой имел в битвах да забавах, да чего теперь о сем говорить?

— Р-р-рк! — послышался знакомый голос, и принадлежал он, конечно, сидящему в клетке Фило. Как-каду позволил Барнвельту почесать себя между перьями, даже не попытавшись его цапнуть.

— Изволите ли играть вы в шанайкишахи? — продолжал король.

Барнвельт, несколько обалдев оттого, что Зея поднялась и уступила ему место, уставился на доску. Та выглядела в чем-то знакомо: в форме шестиугольника, разбитого перекрещивающимися линиями на множество треугольных полей.

— Отец! — произнесла Зея с чувством, прикуривая сигару от газового рожка. — Сколько следует твердить вам, что произносится сие «шанайкишахи»!

— Правильное название сей игры, — возразила королева Альванди, — «шанайкишахи».

— Не говорите глупостей, матушка! — вскричала Зея. — Заккомир, правда ведь «шанайкишахи»?

— Что бы ни молвила ты, все это сущая правда, о наиболее блестящее из сокровищ Зоры!

— Подлиза! — заявила королева. — Да последнему дурню известно...

Король Кай фыркнул.

— Коли уж какое-то жалкое десятиночье ждать мне осталось, так называть я сие буду, как мне вздумается, клянусь Кунджаром!

— Раз так, значит уж наверняка врешь, — холодно заметила королева Альванди. — И не по вкусу мне

поминанье твое кровожадного божка, коего прародительницы мои праведным указом своим изгнали из сих краев навсегда! Лично я всегда говорю «шанайкишаки». А ты что скажешь, о человек из Ньямадзю?

Барнвельт поперхнулся. Чувствуя себя укротителем, которого попросили войти в клетку и разнять двух подравшихся львов, он наконец промямлил:

— Ну... гм... В моих краях сия игра известна как «шанхайские шашки».

— Во-во, как я и говорила! — обрадовалась королева. — Не считая, конечно, варварского твоего заморского акцента. В общем, кто желает со мной играть, для того это будет «шанайкишаки», и точка. Выбирай, и красные ходят первыми.

Она протянула кулак с фишками всех шести цветов. Красную вытащил король Кай. Печально поглядев на нее, он произнес:

— Если б на прошлом кашью повезло бы мне так при жеребьевке, не ждал бы меня теперь столь жалкий и бесславный конец...

— Хватит каркать, агабат старый! — взвилась королева. — Изю всех консортов моих самый ты бесполезный, что в постели, что вне ее! Можно подумать, что не было у тебя в году прошедшем всей роскоши и шику, что земля наша произвести может. Давай играй! Задерживаешь!

До Барнвельта дошло, что Кай и являлся одним из тех требуемых курьезным обычаем ежегодных супругов, закат карьеры и самой жизни которого неумолимо приближался под видом фестиваля кашью. При подобных обстоятельствах вряд ли стоило винить Кая за состояние некоторой прострации, с которым он смотрел на вещи.

— Заккомир, — возмутилась принцесса Зей, — ну кто же так ходит? Что же ты лесенку должную не выстраиваешь?

— Смотри за собственными фишками и не суй нос свой длинный в мои, милочка! — отрезал Заккомир.

— Нахал! — вскричала Зея. — Господин Сньол, ужель и ты назвал бы нос мой длинным?

— По правде говоря, я определил бы его скорее как «аристократический» вместо обыденного «длинный», — сказал Барнвельт, который давно уже украдкой присматривался к рельефным чертам лица принцессы, и потрогал свой собственный, отнюдь не отличавшийся миниатюрностью хобот.

— Как, — поразились она, — ужель в Ньямадзю далекой нос птичий знаком высокого рождения является? У нас так все наоборот — чем курносей, тем благородней, а посему вечно знакомые мои забаву находят в облике моем низкородном. Должно быть, следовало бы мне в ваши края студеные переехать, где волшебством обычаев общественных уродство мое разом в красоту бы превратилось.

— Уродство?! — вскричал Барнвельт и принялся было лихорадочно выдумывать какой-нибудь велеречивый комплимент, когда неожиданно встрял Заккомир:

— Поменьше кокетства дамского, мадам, и побольше к игре вниманья! Как Курди великий заметил однажды, помыслов да деяний красота переживает красоту плоти, будь последняя и не слишком соблазнительною.

— Не по вкусу и мне рассужденья столь легковесные об обычаях незыблемых, — пробурчала королева Альванди. — Сие воображаемое пред зеркалом кривлянье к лицу лишь хвастливым да глупым мужчинам, но никак не тем, кто к сильному полу себя причисляет!

Когда затюканная таким образом Зея вернулась к игре, Заккомир повернулся к Барнвельту:

— Генерал Сньол... Генера-ал!

Барнвельт, который, глядя на Зею, впал в некоторый транс, очнулся и вздрогнул.

— А? Пардон?

— Поведайте мне, сэр, как подвигаются приготовления ваши к охоте на гвамов.

— Да почти все готово. Осталась сущая ерунда — оплатить по счетам, набрать экипаж и закончить ремонт судна.

— До чего же хотелось бы мне разделить с вами сей жребий! — мечтательно проговорил Заккомир. — Давно уж грезил я приключениями...

— Дудки! — рывкнула королева. — Слишком опасно сие для личности пола твоего, и, как опекунша твоя, запрещаю я это строго! Да и не к лицу персоне, к трону приближенной, примыкать к авантюре столь сомнительной. Кай, гнусный ты мошенник, сейчас мой ход! Эх, устроить бы фестиваль чуток пораньше, чем диктуется стеченьями астрологическими!

Барнвельта даже в чем-то обрадовало подобное вмешательство королевы. Заккомир со своими напояженными губками, может, парень и неплохой, но совсем не к чему было вмешивать в это дело посторонних, особенно если учесть, что цели экспедиции несколько отличались от официально заявленных.

— И верно, — согласился Заккомир, — опасности моря Банжао не одолеешь с настроем фривольным. Сумей мы убедить вас обоих отказаться от предприятия своего опрометчивого, сыскалось бы вам получше занятие на службе нашей армейской, коя ныне разболталась настолько, что без крепких рук вроде ваших не навести в ней порядка.

— А что случилось? — заинтересовался Тангалоа.

Королева ответила:

— Глупые мои девицы-воительницы твердят, будто мужчины не желают жениться на них по причинам всевозможным, тупоголовые. Подразделения отдельные в сварах погрязли, командирши ревности ради субординацию позабыли — эх, долгая это и скорбная история. Короче, приходится мне теперь принципы

свои бросить на ветер слабости человеческой и генерала нанимать мужеского полу, дабы повыбил дурь из отдельных голов пустозвонных. А поелику должность сия нашим мужчинам законом возбраняется, должна искать я командира такого в землях заморских, хоть решение оное и с гордостью моею вразрез идет. Поняли ль вы намек мой?

Король Кай, которому в этом доме редко удавалось ввернуть словечко, неожиданно вклинился в разговор с вопросом:

— Скоро ль отправленье ваше, судари мои?

— Не так уж и скоро, чтоб толк тебе был! — рывкнула Альванди. — Я-то вижу, откуда ветер дует, друзья мои! Задумал он соблазнить вас отплыть пораньше да его тайком прихватить под видом мешка с клубнями *табига*, и пробудить гнев праведный Матери-Богини, избежавши уплаты цены заслуженной за годовое правленье свое. Знайте же, сэры: лучше вам следить за каждым шагом своим достойным, ибо не далее как сегодня три смертных приговора подписала я жалким мужчинам, кои возжелали тайком удрать из государства нашего — без сомненья, для того, чтоб присоединиться к разбойникам сунгарским. Что же до сего идиота моего презренного...

— Довольно, шлюха! — заорал Кай, вставая с места. — Если и осталось мне совсем немного, избавь меня, по крайней мере, от твяканья своего поганого! Пускай за меня астролог доиграет.

И он быстро вышел из комнаты.

— Старый маразматик! — взвизгнула ему в спину королева, после чего поманила лакея и велела сходить за придворным астрологом. Зее она сказала:

— Выбирай супругов помоложе, дочка. От старой рухляди вроде нынешнего родственничка нашего ни при жизни ихней удовольствия не получишь, ни когда помрут — жесткие, как подошва.

— Вы хотите сказать, что едите их? — обмер Барнвельт.

— А то! Сие традиционная часть фестиваля. Ежли не уедете к тому времени, прослежу я, чтоб достался вам кусочек посочней.

Барнвельт содрогнулся. Тангалоа, который воспринял это сообщение довольно спокойно, пробормотал что-то насчет похожих обычаев у ацтеков.

С момента ухода Кая пухлые губки Зеи были плотно сжаты. Наконец, она взорвалась:

— Больше в жизни не приглашу я друзей своих на сборища наши семейные! Сии путешественники должны держать нас за варваров...

— А кто ты такая, чтоб старшим перечить? — взревела королева. — Сэры, и десятиночья не прошло, как она, что тихоню такую из себя строит, была в той шайке лоботрясов юных, кои, подстрекаемые шутым сим гороховым, братцем ее приемным, — она ткнула пальцем в Заккомира, — разоблачились догола и в чем из яйца вылупились взгромоздились на фонтан центральный в парке дворцовом, скульптурную группу Панжаки из себя изображая. А как раз в ту пору прогуливалась я по парку с господином одним из Балхиба и дамою его, отпрысками рода весьма старинного. Ужель, изумились они, зрим мы новую работу скульптора великого, кою никогда еще лицезреть не сподобились? И, покуда стояла я, язык проглотивши, и гадала, уж не шуточку ли какую любимцы со мной разыгрывают, статуи оные внезапно к жизни пробудились и на нас накинулись, мокрые, грязные, с шуточками да прибауточками непристойными...

— Уймитесь! — завопил Заккомир, неожиданно обнаруживая свое присутствие. — Ежели вы, женщины, не прекратите вечное занудство свое, удалюсь я туда же, куда Кай, бедолага! Поступок наш не причинил никому вреда. Господин ваш из Балхиба вместе с прочими хохотал, когда от испуга первоначального

оправился! Давайте побеседуем лучше о более приятных вещах. Генерал Сньол, как удалось избежать вам застенков кангадитских, кои грозили вам по обвиненью в ереси?

Барнвельт тупо посмотрел на любопытного юнца. Настоящий Сньол из Плешча, должно быть, это какой-то ньямский военачальник, у которого возникли нелады с официальной религией этого государства. Немного поразмыслив, он ответил:

— Сожалею, но не могу этого поведать, не подвергая опасности тех, кто мне помогал.

В этот самый момент вошел придворный астролог. Барнвельт облегченно вздохнул, радуясь, что обсуждение очередной скользкой темы опять прервали. Астролог, дряхлый чудаковатый старикашка, отрекомендовавшийся как Квансель, с порога заявил:

— Дозвольте показать вам гороскоп, что составил я на вас, генерал Сньол! Давно уж слежу я за вашей карьерой, и пока все идет, как светилами небесными предначертано, включая появление ваше нынешнее в столице кирибской и при дворе.

— Очень интересно, — промямлил Барнвельт. Если б только, подумалось ему, мог он разъяснить этому малому, как жестоко тот ошибается!

Астролог между тем продолжал:

— А в дополнение к сему, сэр, счел бы я за честь великую, если б дозволили вы мне и зубы ваши осмотреть скрупулезно.

— Зубы?!

— О да! Да позволено мне сказать будет, что ведущий я зубник во всем королевстве!

— Спасибо, но зубы у меня вроде не болят.

Антенны на лбу у астролога полезли вверх.

— Нету дела мне ни до более зубных, ни до снадобий лекарских! По зубам вашим поведал бы я вам о характере вашем и уделе дальнейшем. После

премудростей звездных наука сия по точности не далее как на втором месте располагается!

Барнвельт про себя решил, что даже если у него вдруг заболят зубы, то к дантисту, который изучает зубы пациентов, чтобы предсказывать им судьбу, он в жизни не пойдет.

— Господин Сньол! — гаркнула королева. — Твой ход, ежели и впрямь убежден ты, что глаза твои заняты игрою, а не дочкой моей. У нее что, голов больше чем положено?

Через два дня их пригласили опять, а потом и еще через день. Но на сей раз, к радости Барнвельта, им не пришлось иметь дело ни с утрюмым королем, ни со сварливой королевой. Присутствовали только Зея, Заккомир и их молодые друзья. Осторожные распросы, имевшие отношение к торговле янру и исчезновению Игоря, не принесли ничего нового.

Барнвельт ломал голову, с чего это вдруг они с Джорджем впали в такую милость во дворце. Он испытывал твердое убеждение, что монархи обычно весьма разборчивы в знакомствах, и нисколько не ободрялся относительно того, что при своем весьма умеренном владении искусством слова сумел сразить их исключительно личным обаянием. И хотя Джордж отличался куда более общительным и развязным характером, Барнвельту, тем не менее, они уделяли куда больше внимания, чем его спутнику.

Барнвельт в конце концов пришел к заключению, что здесь сказалась целая совокупность различных факторов. Представители правящей верхушки этого во многом изолированного от остальных города уже настолько утомились обществом друг друга, что были только рады появлению двух экзотических и обаятельных пришельцев с прекрасными рекомендациями, которых можно было демонстрировать знакомым, будто некую диковинку. Кроме того, все они, особенно по-

мешанный на военно-героической тематике Заккомир, находились под впечатлением достижений предполагаемого генерала Сньола. И, наконец, Зея с Альванди всерьез намеревались нанять его на службу.

В целом золотая молодежь Рулинди Барнвельту приглянулась — хотя, по строгим меркам, праздная и ни на какое серьезное дело не годная, но совсем не лишенная дружелюбия и обаяния. Из обрывков салонной болтовни он мог судить, что и в этом классе встречаются исключения, но такие во дворце не приняты. Заккомир, при единственном в своем роде положении хранителя трона, помимо чисто профессиональных обязанностей, судя по всему, служил еще и соединительным звеном между внешним миром и Зеей, которая создавала впечатление затворницы.

Барнвельт заметил, что принцесса сразу оживала, когда поблизости не было матери, — вообще-то говоря, становилась чуть ли не буйной. Наверное, сочувственно решил он, у нее были проблемы, во многом схожие с его собственными.

А потом его начало всерьез заботить еще кое-что. Он все чаще ловил себя на том, что не может оторвать глаз от Зеи, думает о ней даже за пределами дворца и с нетерпением ждет очередного визита. Больше того — между ними словно возникла некая телепатическая связь. Во время возникающих то и дело споров он все чаще обнаруживал, что они с ней стоят на одной точке зрения против всех остальных. (Тангалоа ни в какие споры не вмешивался, взирая на спорщиков с независимо-нсмешливым видом, а вернувшись вечером домой, заносил в блокнот ценные с социологической точки зрения фрагменты услышанных бесед).

После нескольких таких визитов Барнвельт даже почувствовал к Зее достаточную близость, чтобы в открытую подражаться с ней, послав к чертям все дипломатические протоколы. Однажды вечером он выиграл у нее партию в «шанхайские шашки», обеда е

вокруг пальца хитрым обманным ходом. При этом она с чувством произнесла несколько гозаштандских слов, знания которых Барнвельт никак от нее не ожидал — если, конечно, она не переняла их у Фило.

— Ну-ну, — сказал он на это, — не подымай волны, милочка. Если б ты смотрела, что я делаю, а не сплетничала насчет того крапчатого яйца, что снесла мадам Вузис, ты бы...

Бац! Зея схватила со стола игральную доску и от всей души треснула ею Барнвельта по башке. Поскольку сработана та была из хорошего твердого дерева — не то, что земные картонки, — а волос, могущих смягчить удар, на голове у Барнвельта не было, из глаз у него просто-таки посыпались искры.

— Вот тебе за критицизм твой, господин Всезнай-ка-Сньол!

Барнвельт тут же наклонился на стуле и отвесил ей звонкого шлепка пониже спины.

— Ао! — вскричала она. — Больно! Столь нахальная игривость, сударь...

— Игральная доска тоже не сахар, сударыня, а я привык делать другим то же самое, что сделали мне, и предпочтительно первым. Ну что, соберем шашки и сыграем еще разок?

Видя, что остальных это происшествие скорее позабавило, чем возмутило, Зея поостыла и на шлепок вроде не обиделась. Но когда Барнвельт церемонно пожелал ей доброй ночи в дверях и повернулся, чтобы уйти, то получил такой мощный удар по задку, что чуть было не растянулся на полу. Обернувшись, он увидел Зею с метлой в руках и Заккомира, который в полном восторге катался по коврам.

— Смеяться последним всегда желанней, как при-
словье гласит нехавендское, — произнесла она нежно. — Доброй ночи, сэры, да не забывайте дорогу сюда!

Дирку Баривельту и раньше случалось влюбляться, даже несмотря на все старания матери этого не допустить. Однако в таких делах он никогда не терял головы и прекрасно понимал, что нельзя и представить себе что-нибудь более трагически абсурдное, чем любовь к существу женского пола совсем иного биологического вида. Да еще к такому, какое избавляется от использованных существ мужского пола на манер земного паука или богомола.

Барнвельт основательно поработал над экипажем, сколачивая его в сплоченный и умелый коллектив. Зная, что присущая ему стеснительность порой делает его в глазах других людей нелюдимым и бессердечным, он взял за правило держаться с моряками попроще, а те, похоже, были весьма польщены, что столь значительная персона позволяет им непривычные фамильярности.

После дня, целиком посвященного обучению экипажа в порту, посетившие дворец земляне встретили там только Зею с Заккомиром, хотя королева из вежливости заглянула на минутку поздороваться. Король же вообще не показывался.

— Мертвецки пьян, бедолага, — объяснил Заккомир. — Я бы тоже так поступил, окажись в его положении незавидном. Последнее время не вылезает он из покоев своих, перебирая да разглядывая коллекцию свою портсигаров. Редкостнейший набор у него сих вещей: и драгоценностями затейливо изукрашенные, и мозаикой искусною, и с секретами всякими — один даже музыку играет, ежели крышку отворить.

— А можно на них взглянуть? — заинтересовался Тангалоа.

— Разумеется, господин Таджди! Великое удовольствие старику доставите. Собрание сие для него чуть ли не единственная радость в жизни, да и чем еще ему заняться? Королева лишь глумится над увлечениями его, а гости, дабы подольстить ей, во всем Ее

Превозвышенности поддакивают. Извините ли вы нас, господин и мадам, иль же вы и сами желаете пойти?

— Пожалуй, обойдемся, — сказал Барнвельт. Мужчины удалились.

— Скоро ль отплываете вы? — поинтересовалась Зейя.

Барнвельт, который внезапно ощутил в горле какой-то странный комок, нерешительно отозвался:

— Вообще-то могли бы уже послезавтра...

— Не след уезжать вам до окончания фестиваля кашьо! Предоставим мы вам отборнейшие места, сразу по почетности своей за родом нашим королевским!

— Наверное, с моей стороны это не очень вежливо, — ответил Барнвельт, — но забой на мясо твоего бедного старого отчима — это зрелище, без которого я вполне могу обойтись.

Она помедлила, после чего проговорила:

— А правда, что осуждают нас в иных странах по сей причине, как Заккомир утверждает?

— Честно говоря, некоторые просто в ужасе.

— Так и он говорит, да только сомневалась я, ибо тайно симпатизирует он партии реформ.

— Это тем, которые не хотят, чтобы убивали королей?

— Именно. Не проболтайся только матери моей властительной, иначе крепко бедняжка Заккомир страдает. Послали они ей сообщение через посредников, что требуют хотя бы от церемониального пожирания супруга ее последнего отказаться. Но оставила она просьбу сию без внимания, так что под гладью безмятежной, коей край наш многим представляется, зреют бунты теперь да заговоры изменнические.

— А как ты сама поступишь, когда станешь королевой?

— Того не ведаю я. Хоть и с пониманьем отношусь я к поползновеньям отменить сей обычай наш старинный, мать моя все равно сохранит большое влияние

на дела кирибские, сколько жива будет. А по собственным словам ее, даже помимо соображений религиозных, иного нет способа удержать пол мужской на должном месте, кроме как ежегодной казнью представителя его высокопоставленного.

— Смотря что считать должным местом, — пробормотал Барнвельт, которому пришло в голову, что в Кирибе давно нужна... как там будет наоборот от «феминизм» — «маскулизм»? — партия маскулистов.

— О нет, — возразила Зей, — не уподобляйся Заккомиру в доводах своих! Процветанье государства нашего неотделимо от законного верховенства пола женского!

— Но я могу привести массу примеров процветающих государств, где мужчины правят женщинами, и таких, где они равны.

— Экий ты возмутитель спокойствия! Как уже говорила я, когда столь развязно по филейным частям ты меня хлопнул, не место таким в Кирибе!

— Что ж, если мое присутствие и возмущает местное спокойствие, то скоро вы от него избавитесь. Кстати, ты можешь дать мне несколько полезных советов. Скажи, а есть какая-нибудь связь между пиратами Банжао, торговлей янру и Кирибом?

Зей уставилась на кончик своей сигары.

— Мыслится мне, что лучше бы сменить нам тему беседы нашей, не то вступим мы на те зыбкие почвы, где благо одного лишь бедою другого достигнуто быть может...

По пути домой Барнвельт предложил:

— Джордж, а давай прямо послезавтра и отвалим?

— Ты что, чокнулся? Я ни за что эту церемонию не пропущу! Ты только подумай, какие будут классные кадры!

— Уф-ф, все это замечательно, но меня просто тошнит от мысли, что они зарежут и зажарят беднягу

Кая прямо у меня на глазах. Не говоря уже о том, что после придется его есть.

— А откуда тебе знать, каков он на вкус? У моих предков считалось вполне обыденным делом, чтобы победитель в спортивном состязании съедал побежденного.

— А я не папуас какой-нибудь! Ты прекрасно знаешь, что согласно моей культурной традиции есть людей некрасиво.

— Ладно, ладно, — отмахнулся Тангалоа. — Кай-то не человек в привычном смысле слова. Постоянно умирают миллионы кришнитов — одним больше, одним меньше...

— Да, но...

— И потом, нельзя же обижать королеву. Она нас ждет.

— Большое дело! Стоит нам выйти в море...

— Не забывай, что мы оставляем здесь залог, а Панагопулоса просто кондрашка хватит, если он узнает, что мы пустили его псу под хвост. Да и матросы наверняка будут настаивать, чтобы их доставили домой, когда все это кончится.

Несколько ошарашенный такой непривычной непреклонностью Тангалоа, Барнвельт сдался. При этом он уверял себя, что поступил так исключительно под давлением аргументов Тангалоа — а вовсе не потому, что иначе лишился бы возможности лишний раз повидать Зею. Тем не менее, он ощущал, что такая возможность здорово подняла ему настроение.

Вечером в день открытия фестиваля Заккомир придирчиво оглядел наряды Барнвельта с Тангалоа и счел их подходящими.

— Хотя, — заметил он при этом, — это не совсем то, что требует обычай, но прочие простят вас, как иноземцев, в традициях наших не сведущих.

— Слава богу, что не заставили нас напаялить эти расфуфыренные тоги, — прошептал Барнвельт. — Лично меня в такой просто ветром бы сдуло.

Никакой царь Соломон в самом своем наироскошнейшем облачении не смог бы сравниться с Заккомиром, наряженным во что-то вроде парчового саронга, драгоценные браслеты, позолоченные сандалии, ремешки которых достигали середины его голых икр, и золотой венец поверх зеленых волос. Физиономия хранителя трона была наштукатурена, как у русской балерины.

Он провел их в просторную приемную, где уже топтались королевские тетушки и дядюшки. Наконец, протрубили трубы, и сквозь толпу промаршировали король с королевой, за которыми тут же стали пристраиваться по ранжиру остальные. Кай пошатывался на ходу и выглядел куда мрачнее обычного, несмотря на все усилия придворного художника по макияжу придать его физиономии выражение восторженного энтузиазма.

Заккомир показал Барнвельту с Тангалоа их места в колонне и сразу забежал вперед, чтоб подхватить Зею под ручку сразу за королевской четой.

Поскольку амфитеатр, в котором должен был состояться фестиваль, располагался прямо за территорией дворца, процессия направилась туда пешком. На небе вспыхивала то одна, то другая из трех лун, попеременно закрываемых облаками, теплый свежий ветерок трепал просторные одеяния и заставлял помигивать огоньки газовых рожков. За стеной, которая огораживала дворцовый парк, тесно толпился простой люд Рулинди, и построившейся клином страже пришлось расталкивать его, чтобы расчистить дорогу процессии.

Амфитеатр быстро заполнялся. На ровном пространстве посреди арены красовалась кухонная печь и новехонькая, свежевыкрашенная в красный цвет мясниц-

кая колода. Возле всего этого оборудования шеренгой выстроились какие-то люди, среди которых были дряхлая Сехри, верховная жрица Матери-Богини, несколько ее помощниц — некоторые с музыкальными инструментами в руках, дворцовый шеф-повар с двумя поварятами и какой-то тип в мешке с прорезями для глаз, который опирался на рукоять топора вроде того, какими пользуются мясники, только раза в два побольше. Поварята затачивали прочие кулинарные орудия. Вдоль всего верхнего яруса театра кольцом выстроились амазонки, на бронзовых доспехах которых играли отсветы колеблющихся газовых огоньков.

Барнвельту досталось место во втором ряду чуть правей королевской ложи, которую, помимо королевы с принцессой, заполняли прочие высокопоставленные родственники. Каждая скамья была оснащена еще и некой конструкцией вроде узкого столика. Сам Кай был внизу на центральной арене и, обхватив руками колени, сгорбился на колоде.

Барнвельт прошептал Тангалоа:

— Что-то я не пойму, как они собираются разделять Кая, чтобы всем досталось по кусочку, если, конечно, не намелют фарш и не смешают с обычным мясом. А что тут еще будет твориться?

— Тут довольно сложный сценарий. Балетная труппа будет представлять возвращение солнца с юга, зреющий урожай и прочую такую фигню. Тебе понравится.

Сам Барнвельт в этом здорово сомневался, но, поскольку амфитеатр был уже полон, предпочел обойтись без обсуждения этого вопроса вслух. Верховная жрица воздела вверх руки и провозгласила:

— Перво-наперво должны пропеть мы гимн Матери-Богине: «Привет Тебе, О Прародительница Священная Богов Всех и Людей». Готовы?

Дирижерским жестом она взмахнула руками. Забрякали и заквакали музыкальные инструменты, и все присутствующие грянули песню. Однако после громового энтузиазма первых строчек пыл исполнителей несколько поуял. Барнвельт заметил, что многие заозирались по сторонам, приглядываясь к губам соседей, и понял, что точно так же, как в случаях со «Звездно-полосатым знаменем» и «Песнью Всемирной Федерации», большинство знакомо от силы со словами запева. Тангалоа невозмутимо снимал всю эту сцену упрятанной в перстень камерой.

Как только громкость пения поуменьшилась, Барнвельт уловил еще какие-то посторонние звуки, которые становились все слышней и грозили вскоре окончательно заглушить певцов, — похожий на шум прибора отдаленный гомон толпы. В конце первого куплета жрица застыла с воздетыми вверх руками. В воцарившейся тишине шум еще больше усилился, на его фоне можно было уже различить отдельные вопли, взвизгивания и лязг металла. Зрители завертели головами, на верхнем ярусе некоторые привстали, чтобы выглянуть за пределы амфитеатра. Амазонки засуетились, встревоженно переговариваясь между собой.

Барнвельт обменялся недоумевающим взглядом с Тангалоа. Шум между тем становился все громче.

И вдруг на арену сквозь входной туннель ворвался какой-то окровавленный человек, который истошно вопил:

— *Моря сунгарума!*

Тут до Барнвельта дошло, что причиной шума было нападение сунгарских пиратов.

В следующую секунду его чуть не сшиб с ног панический натиск толпы. Не без труда Барнвельту удалось выпрямиться снова. Тангалоа перед ним крепко уцепился за угол королевской ложи, чтобы не оказаться снесенным прочь.

Опять шум и гам в районе одного из входных туннелей, и сквозь него, тесня амазонок, ворвалась группа пиратов. Барнвельт видел, что несколько воительниц сразу упали под ударами нападавших, остальные же разлетелись в стороны. Вскоре пираты извергались уже изо всех проходов сразу. Барнвельт машинально потянулся за мечом, после чего вспомнил, что от него потребовали оставить оружие дома. Все кирибские мужчины были безоружны, и хотя мечи оказались у нескольких женщин, похоже, ни они сами, ни их спутники и понятия не имели, как с ними обращаться.

Какой-то пират с факелом в одной руке и листом бумаги в другой заорал на кирибском диалекте:

— Стойте! Ежели не станете убегать, все будете целы! Потребны нам лишь два человека, что находятся промежду вас!

Это заявление повторял он до тех пор, пока шум и вопли немного не попритихли.

Снаружи тоже доносились подобные обращения. Барнвельт предположил, что пираты взяли театр в кольцо, чтобы перекрыть кирибцам пути к бегству. Возникла у него и тревожная догадка относительно личностей тех двоих, что требовались налетчикам.

Королева Альванди с принцессой Зеей стояли в своей ложе, бледные, но решительные.

Основная масса зрителей все еще бурлила возле выходов. Повара, палача и большую часть жриц завертело в общей давке в центре арены; виден был только король Кай и верховная жрица.

Предводитель пиратов с факелом заорал:

— Желаем мы...

И в этот самый миг все газовые рожки разом потухли.

Неожиданно наступившая темнота вызвала короткое затишье, после чего поднявшийся ропот сразу перерос в оглушительный рев.

— Сньол! Слышишь ли меня, Сньол из Плешча? — слышался чей-то крик.

Барнвельт огляделся. В нескольких метрах от него стоял король Кай, неясно освещенный тусклым светом одной из лун. На лице короля была торжествующая улыбка, а в руках мясницкий топор.

— Да-да, ты! — подтвердил король. — Отведи королеву во дворец, а товарищ твой Таджди пусть проводит принцессу!

— А как же вы? — крикнул в ответ Барнвельт.

— Я остаюсь здесь. Ко мне, верные кирибцы! Ко мне! Изничтожим сию негодяйскую шайку!

— Я с вами! — слышался высокий голосок Заккомира, и молодой человек спрыгнул с барьера ложи с дамским мечом в руке. К нему присоединились несколько придворных похрабрее, а также остатки амазонской стражи. Возглавляемые королем, который вращал над головой топором, они врезались в брызнувшую по сторонам толпу пиратов. Вопли потонули в лязге оружия.

Оглядевшись, Барнвельт увидел, как Тангалоа влез в королевскую ложу, сграбастал Зею и поволок ее к отдельному королевскому выходу. И хотя Барнвельт предпочел бы заняться этой работенкой лично, ему ничего не оставалось, как выполнять приказ короля.

— Пойдемте, Ваша Превозвышенность, — поторопил он.

— Но ты... Он...

— Потом поговорим!

— Никуда я не пойду, покуда...

Барнвельт выхватил с пояса королевы меч, крошечный, как шампур, но, по крайней мере, с острым кончиком.

— Пошли, иначе мне придется погонять вас этой штуковиной!

Они рысью пронеслись сквозь туннель, через который уже успели удрать королевские тетки и кузины.

Столь тщательно организованная пиратами облава снаружи быстро потерпела неудачу, как только погасли светильники. Люди разбежались во все стороны, тут и там в полутьме мелькали занесенные для удара мечи и копья. Некий кирибский джентльмен ошибочно принял Барнвельта за пирата и кинулся к нему. Барнвельт парировал его первый и единственный выпад, поскольку вопль королевы просветил обмешурившегося защитника в какую-то долю секунды.

На пути у них встала другая личность с факелом.

— Стой! А-а, вот и тот, кого...

Это был уже хорошо знакомый землянам специалист Гавао ер-Гарган. Клинок Барнвельта воткнулся ему прямо в живот. Специалист переломился пополам и рухнул, выронив факел.

Но на Барнвельта тут же навалился еще один пират. Отбив первый выпад, Барнвельт почувствовал, что его ответный укол достиг цели. Но пират, и не думая падать, не отставал. Не представляя физиологии кришнитов, никогда не знаешь, поразил ты какой-то жизненный орган или нет.

— Пшел вон, поганец! — твякнула королева, очевидно, пирату.

— После поговорим, шлюха чесоточная! — огрызнулся пират, наскакивая на Дирка.

Так все и продолжалось, пока кто-то из кирибцев не треснул пирата по голове сорванной с пьедестала статуэткой. **Бац!**

Где-то в отдалении труба прогудела какую-то довольно замысловатую музыкальную фразу. Толпа уже порядком поредела, да и сунгарцы, видно, тоже куда-то разбежались. Барнвельт заметил невдалеке какую-то пару, которая бросилась вниз по колоссальной лестнице, ведущей из Рулинди в Дамованг и далее к морю. Он наступил на валявшееся у него на пути тело, а потом еще на одно, которое вроде еще шевелилось. Стоны, доносившиеся время от времени из окутанных

тьмою кустов, свидетельствовали о брошенных пиратами раненых.

У парадного подъезда дворца группа амазонок перекрыла портал двумя полукруглыми шеренгами. Стражницы в первом ряду опустили на одно колено, во втором — стояли, выставив вперед копья, словно дикобраз иглы. По приказу королевы амазонки раздвинулись, пропуская маленький отряд внутрь.

— Видела ли ты дочку мою? — спросила Альванди у командирши.

— Нет, владычица моя!

— Я вернусь и поищу ее, королева, — предложил Барнвельт.

— Ступай да кого-нибудь из этих с собою прихвати. Нам они уже не потребны, ибо разбойники отступили.

Барнвельт, возглавив с полдюжины воительниц, бросился обратно. Одна из амазонок несла маленькую лампу. По пути он споткнулся об один-другой труп и повстречал только одну живую личность, которая ускользнула, прежде чем он успел ее опознать. За спиной Барнвельта вразнобой клацало боевое снаряжение девиц. Он уже решил, что окончательно заблудился, и принялся оглядываться в поисках направления, когда на глаза ему попался какой-то помаргивающий, словно упавшая звезда, крошечный огонек.

Он устремился туда и наткнулся на тела двух заколотых им пиратов. Чуть в стороне валялся факел Гавао, который уже почти потух — только с одного бока выбивался слабенький язычок пламени.

В свете луны заметил он также и некий белый квадрат, лежавший прямо на тропе. Барнвельт подобрал листок бумаги где-то пяди в длину и столько же в ширину и перевернул его. Обратная сторона казалась темной.

— Будь добра, подай-ка сюда лампу, — попросил он, и при слабом свете масляного пламени изучил листок.

Это был отпечаток того самого снимка, на котором запечатлел их с Тангалоа старик-фотограф в Ясмуриане.

Фотографию он затолкал под куртку, размышляя, до чего же удачно вышло, что королева так и не узнала, за кем именно охотились сунгарцы, иначе наверняка бы их с Джорджем выдала.

— Джордж! — позвал он в темноту. — Таджди из Вьютра! Джордж Тангалоа!

— Ужель это господин мой Сньол? — откликнулся чей-то далекий голос, после чего послышался приближающийся топот и звон. Однако это был не Джордж Тангалоа, а Заккомир бад-Гуршмани, который основательно прихрамывал и вел за собой отряд из двух-трех амазонок.

— А где король? — спросил Барнвельт.

— Погиб в общей свалке. Таким образом, хоть и не избежал он удела, звездами ему предначертанного, конец его все ж счастливей был того, что ждал его ныне. Королева, однако, весьма разгневается!

— Почему?

— А вот почему: во-первых, сорвало сие церемонию ее. Во-вторых, усилит движение за равные права для мужчин. Ведь именно у мужчины, привратника дворцового, ума хватило перекрыть газ. А кроме того, Кай уже сам знал, чего хочет. Повергнувши оземь двоих разбойников, молвил он мне: «Ежели победим мы здесь, то следующим делом займемся сими эшунами старыми», под коими, мыслится мне, разумел он королеву со жрицею Сехри. Но вскоре клинок пиратский заставил его замолчать навсегда. Но довольно об этом — где друг ваш и где принцесса?

— Сам голову ломаю, — ответил Барнвельт и позвал снова.

Партия рассыпалась на поиски. После долгих блужданий среди кустов одна из амазонок объявила:

— Вот тут вроде лысый какой-то лежит!

Барнвельт поспешил туда и убедился, что это и впрямь был Тангалоа, который лицом вниз распластался на земле. На его бритом черепе, прямо над ухом красовалась здоровенная окровавленная шишка. К своему очевидному облегчению, Барнвельт удостоверился, что пульс у Джорджа по-прежнему имеется. Когда амазонка, зачерпнув шлемом воды из фонтана, выплеснула ее в физиономию Тангалоа, тот приоткрыл глаза и застонал. Правая рука у него тоже была в крови — клинок проткнул мышцу насквозь.

— Что случилось? — склонился к нему Барнвельт. — Где Зейя?

Заккомир эхом вторил ему.

— Не знаю. Я же говорил, что в фехтовании я полный чайник! Одному чуваку я все-таки замочил по башке, но меч подруги сломался о его шлем, а больше я ничего не помню.

— Так и надо вам, — заметил Заккомир, когда ему перевели эти слова, — кто ж применяет клинок легкий в манере столь прямолинейной? Но где же наша принцесса?

— Дайте подумать, — проговорил Тангалоа, прикладывая руку ко лбу. — Прямо перед тем, как все это случилось, один из них ее сграбастал, а другой орал чего-то насчет того, чтобы брали обоих... В общем, все вопили, как оглашенные. Это все, что я знаю.

— Достаточно и этого, — заключил Заккомир. — Из слов сих понять мы можем, что схватили они ее. Мушая, беги скорей на верхний ярус и погляди, все ли корабли пиратские отошли от причала. Ежели нет, может, поспеем мы еще...

Но Мушая крикнула сверху через пару минут, что весь сунгарский флот уже вышел в море.

Королева была вне себя.
— Труссы! — визжала она. — Следовало бы казнить мне немедленно всю вашу паршивую свору — да и вас заодно, иноземцы несчастные! — добавила она, тыча пальцем в Барнвельта и Тангалоа, у которого была забинтована рука. — Ибо что ж это за монархия без монархини — сброд бесполезный, и что это за монархиня, подданные коей кровь свою не могут пролить заради ее спасенья! Мерзавцы трусливые — вот кто подданные у меня! Всех стною! Как жить они только могут, когда дочка моя ненаглядная пропала?

— Нет-нет, — встрял астролог Квансель, — Ваша Превозвышенность, все, что случилось, давно предназначено было на своде небесном, и избежать того были мы не в силах. Взаимное расположенье Шеба и Рогира знаменовало собою...

— Заткнись, болван! Будет у тебя еще время для шарлатанства звездного, когда девочка моя вернется! Вот вы, мадам! — Королева Альванди нацелила толстый палец на одну из перезревших министерш. — Как вы оцениваете сию халатность вопиющую?

— Мадам, могу ли я молвить без страха?

— Молви, — буркнула королева, хотя свирепое выражение ее физиономии отнюдь не располагало к откровенностям.

— Тогда внимайте же мне, о величественная! То, что приключилось, и впрямь предопределено было, да только не тем, о чем толковал тут наш друг, звезды

созерцающий. Вот уж пять царствований право носить оружие в краях наших нашим лишь полом ограничивается. Так что от подданных полу мужеского нечего проку ждать в битве неожиданной, в то время как женщинам вооруженным, хоть доблести и не занимать, силы да весу недостает, дабы выдержать натиск грабителей неистовых.

Королева вспыхнула.

— Радуйся, что выговорила ты у меня неприкосновенность спервоначала, иначе, клянусь шестью грудями Варзаи, разорвала бы я тебя на части собственными руками за речи твои изменнические! Но ладно — будем считать, что ничего ты не говорила. И чтоб больше никаких рассуждений отвлеченных, основы государства нашего подрывающих! Видится мне, что Рулинди снесен с лица земли будет, а головы жителей его станут кучами на том месте громоздиться, коли позволю я погасить свет тот немеркнувший, что проливает держава наша на весь сей жалкий мир, возвышая пол достойнейший до надлежащего места. Ну что — в поход, дабы спасти ее?

— Так и следовало бы поступить, — осторожно отозвалась министерша, — да только сунгарцы, без сомненья, захватили Зею заложницею, замыслив либо в узде нас держать, либо выкуп получить богатый, и немедля жизни ее лишат, коли предпримем мы супротив них нападение.

Верховная жрица, Сехри, пробурчала что-то насчет неизбежных расходов, а начальница амазонок запротестовала:

— Хоть никакие мужчины и не сравнятся с нами в неустрашимости, Ваша Превозвышенность, Сунгар являет собою край опасный и непроходимый, по коему ни пешком не пройдешь, ни на корабле не проплывешь. Думается мне, что задача сия взывает более к хитрости, нежели к мощи оружия.

— Хитрости, говоришь? — повторила королева, уставясь той прямо в глаза. — Вроде как, скажем, посылки отряда малого в крепость сию призрачную, с целями якобы вполне невинными, а на деле ж с заданьем дочь мою вызволить?

Ее маленькие поблескивающие глазки остановились на Барнвельте.

— Ты, сэр, заявился сюда с увереньями, будто собрался на море Банжао искать камней гвамовых, что для возбужденья похоти всяких развратников служат. Приобрел ты корабль подходящий, набрал снастей охотничьих и людей нанял, а также, как шпионы мои доносят, купил курьерскую униформу подержанную. Уж она-то на что тебе сдалась? Не замыслили ли и вы оба коварство какое, дабы на Сунгар проникнуть переодетыми?

До чего же шустрая дамочка, подумал Барнвельт, одаря королеву уклончивой улыбкой.

— Разве знаешь, когда какая вещь пригодится в жизни, Ваша Превозвышенность?

— Уф! Принимаю отговорку твою за согласие. Так что, коли желаешь ты сего, ты сие и учинишь. Поручается тебе выручить принцессу из лап уголовников сунгарских!

— Эй, эй! — забеспокоился Барнвельт. — При чем тут мое желание? Я вроде как не вызывался в добровольцы!

— А кто сказал, что вызывался? Таков приказ мой и обязанность твоя святая! Прямо завтра и отправитесь.

— Да я и не подумаю никуда отправляться без Джо... моего друга Таджди то есть, а он не сможет, пока у него рука не заживет!

— Отсрочка такая фатальною оказаться может. Взамен предоставляю я тебе Заккомира.

— Буду только счастлив, — встрял Заккомир. — Сие такая честь — служить под началом великого Сньола!

Барнвельт бросил на юного кришнита сердитый взгляд, после чего вновь обратился к королеве:

— Послушайте, мадам, я ведь не гражданин Кириба. Что помешает мне отправиться по своим собственным делам, как только я окажусь за пределами страны?

— А вот что: во-первых, Сньол из Плешча известен как тот, кто свято держит данное слово, а во-вторых, сотоварищ твой останется со мною заложником, дабы покорность твою неохотную подкрепить. *Стража!* Схватить их да кликнуть палача с инструментами пытошными!

Две амазонки схватили Дирка за руки. Он попытался было вырваться, но они оказались довольно сильными, и пока он сумел перебороть земное убеждение, что пинать дам в живот некрасиво, другие стражницы облепили его так, что он вообще не мог двинуться. Остальные вцепились в Тангалоа, который даже и не пытался сопротивляться.

Вскоре появился уже известный тип с мешком на голове, который притащил с собой жаровню, где накалялись рабочие части всевозможных клещей и прочих замысловатых приспособлений.

— Ну, — провозгласила Альванди, — подчиняйтесь, иль потребны вам более болезненные доказательства воли моей?

— Да ладно, поеду! — вырвалось у Барнвельта. — Но если вы хотите, чтоб у меня что-нибудь вышло, расскажите мне про этот Сунгар. Ведь и впрямь существует какая-то связь между ним, торговлей янру и Кирибом? Вы знали пирата, с которым я тогда дрался, верно?

— Он прав, о попечительница моя превозвышенная! — вмешался Заккомир. — Вылазка предстоящая и без того опасна, чтоб сражаться с врагом вслепую по причине неведенья.

— Ладно, — согласилась королева. — Отпустите их, стража, но приглядывайте как следует. Садитесь, друзья мои.

Знайте же, что янру — не что иное, как вытяжка из тех самых водорослей, что Сунгар образуют. И с самого основания монархии нашей матриархальной, коли природа несправедливо создала пол мой меньшим по размеру, приходится нам неравновесье сие исправлять при помощи духов, что смешаны с летучей эссенцией, янру именуемой. Распространяются они, конечно, не между всеми без разбору, но любая дама, господин коей неповиновенье начинает выказывать, может получить толику духов оных в храме Матери-Богини, дабы отбившегося от рук супруга приструнить.

Основательница династии нашей, великая Деджаная, заслала в свое время отряд на Сунгар, тогда еще пустыню совершеннейшую из воды да водорослей, дабы возвести там фабрику плавучую и снадобье сие выделывать. Все шло, как задумано, да только женщины наши не выдерживали зноя, да сырости, да зловония, и дело оное все больше и больше переходило в руки каторжников, сосланных в место сие уединенное искупать вину за преступления свои. Со временем мужчины превзошли женщин числом своим втрое, чем не преминул воспользоваться один бунтовщик, преступник государственный, и стал прочих глупых мужчин к восстанью подстрекать, сказками улещивая про превосходство мужское среди дикарских народов. Так что учинили они восстанье оное и захватили фабрику, женщин низвергнув до положенья простых наложниц. (Что самое в сем ужасное — многим из них, видать, это по вкусу.) Флот наш они растрепали, а от нас вытребовали дань в обмен на жиденский ручеек янру. Пытались собирать мы терпалу, что вдоль побережья произрастает, дабы от их ненасытности отделаться, — да, как оказалось, лишь на Сунгаре трава сия должными качествами обладает.

С той самой поры Сунгар для нас что бельмо на глазу. Не только выжимает он из нас соки последние за чудесное сие вещество, но и убежищем служит недовольным нашим мужчинам. А посему население

его увеличилось заметно и, помимо выделки янру, нашло себе и другие занятия — к примеру, охоту на гвамов и пиратство обычное. В годы правленья предшественницы моей непосредственной предводитель их, по имени Авасп, дела завел с Дюром, вследствие чего Дюр стал платить ему дань в обмен на обещанье его корабли не трогать, а всем остальным же на море Банжао пакостить нещадно. Таким образом, достиг Дюр монополии полной не только на море Ваандао собственном, но и во всех водах сего полушария.

Каких только личностей невиданных не сыщешь в ужасающей сей крепости! Не только кирибцы беглые, но и обитатели хвостатые За и болот Колофтских, даже земляне и иные создания из глубочайших глубин космоса нашли здесь приют. Когда умер Авасп, предводитель на место его был избран как раз из таких — отвратительная чешуйчатая тварь с планеты, Осирисом именуемой, чудище жуткое по прозванию Шиафази, кое, как молва идет, основало там правленье железное одним лишь страшным могуществом неких чар своих умственных. И так далеко и широко Шиафази оный раскинул щупальца предприятия своего, что даже с Землею снадобьем сим торгует, богатство сколотивши, Даххага достойное...

Несмотря на все понукания королевы, не отплыли они ни завтра, ни послезавтра.

Для начала, прознав про истинные цели предстоящей экспедиции, половина экипажа попросту испарилась в неизвестном направлении, так что пришлось набирать и обучать новых людей. Один из них, бойкий молоденький малый по имени Занзир, хвостом ходил за Барнвельтом, задавая бесчисленные вопросы. Польщенный Барнвельт уделял юнцу львиную долю своего времени, пока Тангалоа не предостерег его относительно возможных последствий фаворитизма. Барнвельту в результате пришлось в равной мере распро-

странить свое покровительство и на остальных членов экипажа.

Нанял он также и нового боцмана, Часка — коренного, неулыбчивого типа, с обломанными корешками вместо зубов и поблекшими до оттенка светлого нефрита зелеными волосами. Часк сразу взялся за матросов и вскоре превратил их в настоящую команду, достаточно ловко обращающуюся с веслами и парусом. Все шло гладко, пока однажды, когда Барнвельт сидел в каюте, не послышался шум потасовки. Выскочив наружу, он увидел, что Часк у фальшборта растирает кулак, а Занзир валяется рядом, уткнувшись окровавленным носом в шпигат.

— Поди-ка сюда, — бросил он Часку. Когда тот оказался в каюте, он выдал ему по первое число: — ...и с экипажем чтоб обращаться по-человечески, ясно? На моем судне никакой жестокости не будет!

— Но капитан, этот сопляк обсуждает мои команды, болтает, будто лучше меня разбирается в том, на что я всю жизнь положил...

— Занзир — смысленый парнишка. С ним лучше действовать похвалой, а не принуждением. Ты же не боишься, что он отнимет у тебя работу, верно?

— Но сэр, изо всех соображений возможных никак не могу я вести корабль, общественному клубу подобный, где у каждого есть право голоса при маневре. И ежели те, кто кораблем командует, позволяют морякам простым на одну доску с собою становиться да каждый приказ подвергать обсуждению, недалеко и до беды...

Несмотря на некоторые сомнения в собственной правоте, Барнвельт решил проявить твердость.

— Это приказ, Часк. На судне все будет по-моему.

Часк удалился, что-то ворча себе под нос. Таким образом, жить матросам стало полегче, хотя подготовка их при этом, конечно, заметно пострадала.

Когда «Шамбор», наконец, отвалил от дамовангского причала с Барнвельтом и Заккомиром на борту — а Тангалоа, окруженный амазонками, помахал им здоровой рукой с берега — Барнвельт уже располагал всеми позициями составленного им списка специального снаряжения, которое, как он надеялся, должно было несколько облегчить предстоящую задачу. Сюда входили дымовые бомбы, сработанные местным пиротехником из споров язувара, и легкий меч с петлей посередине клинка, которая позволяла сложить его пополам и уместить в голенище курьерского сапога. Оружие это, конечно, заметно уступало обычному мечу не только размерами, но и по той причине, что петля представляла собой весьма слабое место, а на рукояти не доставало должной гарды. Барнвельт, однако, сомневался, что пираты пустят его к себе нормально вооруженным.

Запасся он также сундуком золота и всяких драгоценных побрякушек в качестве презента Шиафази от королевы Альванди и письмом, в котором запрашивались условия освобождения Зеи. Кришнитский квадрант, простой, но крепкий и довольно точный, должен был послужить дополнительным средством для определения географической широты.

Заккомир, одетый в точности, как Барнвельт, и прямо-таки неузнаваемый без своего обычного макияжа, размахивая подобным складным клинком, обратился к Барнвельту:

— Владыка мой Сньол, не научите ли меня владеть сим мечом надлежащим образом? Ибо согласно законам нашим никогда не имел я возможности школу такую пройти. То была просто случайность, что не зарезали меня тогда налетчики. Всегда лелеял мечту я несбыточную быть женщиной — то есть, не женщиной из краев ваших, что все одно, что мужчина в моих, а женщиной кирибскою — и вести себя грубо, по-женски: ругаться забористо да свысока на других поглядывать. Эх, быть бы мне высижену в вашей стране, где обычай долею такой мужчин наделяет!

По крайней мере, подумал Барнвельт, парнишка испытывал желание учиться.

Первый этап плавания оказался нетрудным, поскольку преобладали попутные западные ветра, которые легко несли «Шамбор» вдоль побережья Кирибского полуострова, где над белой каймой пены, окружавшей скалистые мысы, темнели чахлые уродливые деревца. Заккомира пару дней потопшило, после чего он расстался с морской болезнью навсегда. Они зашли в Ноджур, чтобы пополнить запасы.

Барнвельт изучал свой навигационный справочник и осваивался с управлением «Шамбором». В самом недалеком будущем ожидалось полнолуние всех трех лун сразу, что должно было вызвать действительно высокий прилив, — случалось такое лишь раз за несколько кришнитских лет.

По корпусу и рулевому управлению суденышко было вполне сравнимо с теми яхтами, с которыми Барнвельту приходилось иметь дело на Земле. Парус, однако, был совсем иным — латинского типа, асимметричный и высокий, в противовес симметричным латинским парусам в Мажбуре и прямым прямоугольным с более бурных северных морей. Видом он отличался, конечно, весьма романтичным, но использование

его по назначению являлось просто-таки мукой мученической. Сочетая в себе множество недостатков как прямого, так и косо́го парусного вооружения, он практически не вобрал в себя их преимущества.

Часк пояснил:

— Капитан, есть шесть способов поворота с латинским парусом, и все как один никуда не годные. Будь у нас оснастка из тех, коими в Мажбуре пользуются, где короткие стороны паруса одинаковы, могли бы мы увалиться, шкоты потравивши, и брас носовой отдать, а кормовой выбрать, дабы нижний угол паруса поднялся, а верхний опустился, сами меж тем через фордевинд поворачивая. Но с этой оснасткою надлежит нам либо вообще убирать парус, вооружая наново его с другой стороны мачты, либо половину матросов на галс ставить и оттягивать его к корме, дабы рею торчмя поставить и вкрут мачты обвести. И все ж таки в штилевых краях, куда направляемся мы, парус сей высокий ценен тем, что позволяет слабые ветра верховые улавливать.

Наконец, они достигли конечности полуострова, где, словно броня на спине некого доисторического чудища, в море сбегали предгорья Зоры. Здесь они взяли право на борт и в галфвинд направились к югу. Барнвельт лишь изредка посылал матросов на весла — исключительно для поддержания дисциплины, стараясь их пока не переутомлять. Их силы могли очень потребоваться в дальнейшем. К тому же волнение было чересчур сильным, чтоб от весел был особый прок.

Потом изумрудная зелень воды превратилась в сероватую голубизну, ветер стих, и они целый день двигались на веслах в тумане, из которого непрестанно сыпал теплый мелкий дождичек. Чтобы пополнить запасы питьевой воды, они растянули над палубой брезент.

Барнвельт стоял в самом носу, напряженно всматриваясь в серую пелену тумана, когда «Шамбор» не-

ожиданно содрогнулся, словно врезался в отмель. С кормы донеслись вопли матросов.

В воде у левого борта стремительно ускользало прочь какое-то продолговатое тело. Покрытое серо-стальной кожей, оно могло принадлежать киту или водяному змею. Через секунду блестящий холм, вздыбившийся у самого борта, исчез под водой.

Долетевший с кормы пронзительный визг заставил Барнвельта резко обернуться. Там прямо в воздухе, поскольку то, на чем она держалась, было скрыто туманом, возникла крокодила голова с челюстями достаточной величины, чтобы заглотить человека одним махом. Голова склонилась набок и метнулась вниз, к палубе, таща за собой колоссальных размеров шею. Хлоп! — сомкнулись челюсти, утаскивая в туман визжащего матроса.

Барнвельт поначалу настолько растерялся, что не сумел ничего предпринять, пока жертва летела в море. Затем он схватил запасное весло и бросился на корму, но опоздал. Вопли несчастного резко оборвались, когда чудовищная голова исчезла под водой.

— Навались! — рявкнул Часк, и гребцы резко зарыли весла в воду.

Расстроенный Барнвельт отдал приказ держать на палубе вооруженных копьями вахтенных на случай другого подобного нападения. Ненадолго вернувшись обратно на нос, он торопливо направился в рубку.

Он уже открывал дверь, когда шарканье ног и покашливание у него за спиной заставили его оглянуться. Это был Занзир, а с ним еще трое матросов.

— Капитан Сньюл, — начал Занзир, — мы тут с парнями подумали и решили, что лучше бы нам поворачивать назад, к дому.

— Что?! — опешил Барнвельт, уверенный, что ослышался.

— О да, так постановили мы. Разве не так, кореша? — Кореша согласно закивали. — Некоторым из

нас дурно от всей этой слякоти. У многих семьи дома остались. Лезть сквозь гибельный туман сей в царство не указанных в лоции рифов и кровожадных разбойников...

— И неведомых смертоносных чудищ, не забывай! — напомнил один из корешей.

— И неведомых смертоносных чудищ, вроде того, что сейчас уволок сотоварища нашего, — это затея, смыслу лишенная. Так что уверены мы, что будучи добрым дружкой нашим...

— Который считает, что мы ничуть не хуже его, — ввернул все тот же подсказчик.

— Который считает, что мы ничуть не хуже его, обратите вы внимание на совет наш и вернете нас по домам отчим. Верно, кореша?

Троица подтвердила, что верно.

— Будь я проклят! — пробормотал Барнвельт. — Нет, назад мы не повернем. Обо всех опасностях вас предупреждали еще до отплытия, и теперь вам придется через них пройти.

— Но кэп, старина, — удивился Занзир, кладя ладонь на руку Барнвельта, — разве нету промежду друзьями доверья взаимного, разве не могут они уважить друг друга при случае? Мы же проголосовали, и большинством голосов четыре к одному...

— Вернись на свое место и принимайся за работу! — резко сказал Барнвельт, стряхивая руку Занзира. — Командую здесь я, и клянусь задницей Кондзора, я сейчас... я сейчас...

— Это в смысле, что не станете поворачивать? — проговорил Занзир с разочарованно-изумленным видом. — Даже чтоб уважить друзей?

— Вали отсюда! Эй, Часк! Пусть они у тебя поработают как следует, а если кто начнет трепаться насчет возвращения, сразу наказывай!

Матросы удалились, бросая хмурые взгляды на Барнвельта, который, подавленный и злой, прямо-таки

ворвался в рубку и углубился в навигационные расчеты. Вот что случается, когда фамильярничаешь с подчиненными! Все просто замечательно, пока дела идут гладко, но в тяжелую минуту положиться на них можно не больше, чем на веревку из песка. Все это он, конечно, и раньше слышал, но на веру не брал, уверенный, что подобные теории служат только для оправдания аристократических и диктаторских замашек. Теперь матросы, конечно, разобидятся — и вовсе не без причины: он всегда позволял им думать, что они могут поступать по-своему, а потом столь жестоко разочаровал.

— Не по нраву мне все это, — проговорил Заккомир, опасливо всматриваясь в туман сквозь окна каюты. — Варзая его знает, на какой стороне пролива Палиндос подойдем мы к берегу, ежели и впрямь не наскочим на скалы. Были б только средства некие поточней определить положение наше между востоком и западом!

Барнвельт поднял взгляд от начерченной собственноручно карты, которую как раз сравнивал с имеющейся в справочнике, и чуть было не брякнул что-то насчет морских хронометров и радиосигналов, когда вдруг вспомнил, где находится. Вместо этого он сказал:

— До южного побережья моря Садабао по меньшей мере несколько часов ходу. Незадолго до того, как мы войдем в опасные воды, я прикажу грести потише и бросать лот.

— Будем надеяться, что сие у вас выйдет, сэр! Прахом пойдут помыслы наши выручить деву из беды, коли мчимся мы со стремительностью бесшабашной заради того лишь, чтоб конец свой найти в утробе безвестного чудища морского.

— Уж не влюблен ли ты в Зею? — поинтересовался Барнвельт подчеркнуто-небрежно, хотя сердце у него при этих словах гулко забилося.

Заккомир натянуто улыбнулся.

— О нет, только не я! Из-за долгого знакомства почитаю я ее за сестрицу и готов дарить всею привязанностью братскою. Но любовь, как промежуток между мужчиной и женщиной? Быть супругом королевы не так-то просто. Не хотелось бы мне принадлежать той, кою обычай наш понуждает нареченного своего на смерть отправлять в конце года. Маленькая фрейлина Мулая, кою видели вы во дворце, и есть суженая моя, ежели получится у меня убедить ее предложение мне сделать.

У Барнвельта подобный ответ вызвал очевидное облегчение, хотя он прекрасно представлял себе всю глупость ситуации, раз уж сам он никак не намеревался жениться на Зее. Углубившись в карты, он вдруг уловил некое пощелкивание, которое в конце концов определил как стук зубов Заккомира.

— Что, замерз? — бросил он.

— Нет, просто б-боюсь. Следовало бы мне скрывать от вас свою слабость мужскую.

Барнвельт похлопал его по спине.

— Выше нос — все мы когда-нибудь чего-нибудь боимся!

— Как, даже вам, великому и бесстрашному Сньолу, ведом страх?

— А ты как думал! Если б ты знал, как я перетрусил, когда в одиночку бился с шестью прихвостнями Ольнеги! Возьми себя в руки!

Заккомир взял себя в руки, чуть ли не со слышимым хрустом, и Барнвельт продолжил свои вычисления. Когда по его расчетам они достаточно приблизились к проливу Палиндос или примыкающим к нему берегам, он распорядился делать замеры глубины. В первый раз лот коснулся дна на четырнадцать метрах. Здесь они замедлили ход и осторожно пробирались вперед, пока глубина не уменьшилась до пяти метров и им не показалось, что в отдалении слышится слабый шум прибоя. Тут они окончательно застопорились и стояли

на якоре, пока не потянул свежий северный ветерок, который быстро разогнал клочья тумана.

— Разве не говорил я, что вы непогрешимы! — вскричал Заккомир, которому происходящее явно прибавило куражу.

Пролив Палиндос показался в прямой видимости к юго-востоку от них. Пролив этот разделялся островом Фоссандеран на два прохода, восточный, или дальний из которых использовался для судоходства. Западный был заметно уже, и пометка в лоции Барнвельта гласила, что минимальная глубина достигает здесь всего двух метров, — слишком мелко даже для «Шамбора», конечно при соответствующем уровне прилива.

Заккомир прибавил:

— Никак не уразумею я, как же вы, выходец из Ньямадзю, где нет столь обширных водных просторов, сумели добавить и искусство мореплавательское к прочим своим достижениям?

Барнвельт это замечание проигнорировал, поскольку они уже хорошим ходом шли восточным каналом, закрытые от ветра.

Указывая на Фоссандеран, Заккомир заметил:

— Говорят, что на острове сем богатырь Карар спарился как-то с самкою йеки и от союза их пошел род зверолодей с телами человечими, но головами звериными. Доносят также, что чудища оные все еще устраивают шумные гульбища свои при определенных сочетаньях астрологических, с битьем в барабаны и звоном цимбал, трепетать моряков заставляя ночами долгими.

Барнвельт припомнил йеки, которого видел в мажбурском зоопарке, — хищника размером с земного тигра, больше похожего на переросшую шестиногую норку.

— А почему там до сих пор кто-нибудь не высадился и не узнал поточней? — спросил он.

— Знаете, сэр, но мысль такая никогда не приходила мне в голову! Когда нынешняя наша задача разрешена будет, кто знает, за что мы еще возьмемся? Под вдохновенным началом вашим чувствую я отвагу достаточную, чтоб самому с самкою йеки спариться!

— Ну-ну, только если ты рассчитываешь на мою непосредственную помощь в подобном эксперименте, то ты жестоко ошибаешься.

Когда они попали в полосу затишья между западными и северо-восточными пассатами, заметно потеплело, а воздух нес еще больше влаги. Из-за штилей приходилось днями идти исключительно на веслах. Барнвельт проверил запасы продовольствия и воды и забеспокоился.

Кришнитские летучие рыбы, которые действительно летали, хлопая суставчатыми крыльями, а не просто планировали, как земные, предпочитали парить подальше от суденышка. Раз Барнвельту довелось увидеть свою условную добычу, гвама, который, раздвигая воду, словно плут, гнался за стайкой морских тварей поменьше, накалывая их на когтистые щупальца и отправлял в утробу.

Барнвельт заметил:

— После подобного зрелища сунгарцы вовсе не кажутся такими уж страшными.

Все чаще стали попадаться плавающие в воде островки терпалы, после чего на горизонте, наконец, возникла ломаная полоска громоздящихся корабельных остовов. Когда они еще больше приблизились, водоросли стали столь густыми, что меж их скоплениями пришлось лавировать, поворачивая то вправо, то влево. Где-то впереди, в туманной дымке, и скрылась цитадель сунгарских пиратов. Наверняка там была Зея, а не исключено, что и Игорь Штайн.

Сунгарцы, очевидно, проникали в свое убежище и покидали его посредством некого канала. Хотя никто из его информаторов и понятия не имел, где этот канал находится, Барнвельту представлялось, что он наверняка обнаружит его, просто обойдя плавучий континент по периметру.

Таким образом, достигнув первого судна, сидящего в плену у водорослей (это был примитивный мореходный плот с вяло трепыхавшимся на легком ветерке обрывком паруса), они взяли правей и осторожно двинулись вдоль края терпалы к западу. Слева водоросли представляли собой плотную, коричневую слизистую массу, поддерживаемую на плаву гроздьями похожих на виноградины газовых пузырьков.

Глянув поверх другого борта, Барнвельт уловил какое-то движение. Рядом с «Шамбором» плыла пятнистая, похожая на утря тварь.

— *Фондага*, — пояснил Часк. — Ядовитый укусе — смерть мгновенная, а они тут кишмя кишат.

Барнвельт заворуженно следил за грациозными движениями твари.

Где-то через полдня подобного плавания Часк крикнул в каюту:

— Сэр, впереди корабль!

Барнвельт вышел на палубу. Похоже, это была галера, длинная и многовесельная. Матросы «Шамбора» вполголоса переговаривались и в испуге тыкали в нее пальцами. Барнвельт с Заккомиром вернулись в каюту и надели курьерские костюмы — кришниту тоже раздобыли подобную форму. Заккомир сначала не хотел надевать под куртку тонкую кольчугу, отговариваясь тем, что она стесняет движения, а при падении за борт попросту его утопит. Но Барнвельт настоял на своем, добавив:

— И не забудь наши новые имена. Меня как зовут?

— Гоззан, сэр. И вот еще что, господин мой: должен признаться я, что ужаса клещи вновь горло мне

крепко перехватили. Ежели запнусь я иль дрогну, столкните меня лучше в воду, иначе замысел ваш под угрозою окажется из-за робости моей презренной!

— Ты неплохо держишься, сынок, — успокоил его Барнвельт и снова вышел на палубу.

Когда они приблизились к галере, Барнвельт увидел, что стоит она прямо у входа в тот ведущий внутрь Сунгара канал, который он намеревался отыскать. Пара толстых канатов сбегала с ее кормы в обширную массу терпалы, которая на первый взгляд казалась неотъемлемой частью Сунгара. Когда они подошли еще ближе и слышали скрежет взводимой катапульты, обнаружилось, что огромный ком терпалы, к которому была пришвартована галера, существует отдельно от всего остального. Барнвельт гадал, уж не является ли он своеобразной затычкой, перекрывающей вход в канал на случай нападения.

Палуба галеры заметно возвышалась над маленьким «Шамбором», а длиной превосходила его чуть ли не втрое — метров тридцать или сорок, по расчетам Барнвельта. Когда над фальшбортом галеры возникла какая-то физиономия и «Шамбор» окликнули, Барнвельт небрежно прислонился к мачте и отозвался:

— Курьер компании «Межроу Гурардена», с товаром и посланьем от королевы Альванди Кирибской для Шиафази, предводителя сунгарского!

— Подходи к борту! — распорядилась физиономия.

Вскоре на палубу «Шамбора» шлепнулась веревочная лестница, а за ней последовал и сам обладатель физиономии — субъект в шлеме и грязных белых шортах, на шее у которого на цепочке болтался некий знак различия. Несколько других сунгарцев перегнулись через борт галеры, наведя на палубу «Шамбора» взведенные арбалеты.

— Добрый день, — вежливо поздоровался Барнвельт. — Ежели изволите пройти вы в каюту, сэр, я покажу вам наш груз. Может, капля доброго фа-

латского вина малость преуменьшит тяжесть задачи вашей?

Инспектор подозрительно покосился на Барнвельта, но досмотр провел без придинок, принял вино, буркнув что-то в знак благодарности, и отпустил «Шамбор» с миром, посадив на него одного из своих людей в качестве лоцмана.

Они медленно поползли вверх по каналу. Гребцы между взмахами весел нервно поглядывали на скопище кораблей и прочих плавучих сооружений, которое вырисовывалось в паре хогов впереди. Из этого нагромождения то тут, то там поднимались тонкие струйки дыма, застывая в стоячем воздухе и застилая низкое красноватое солнце.

У одного из берегов канала они заметили небольшую валковую шаланду, которая служила для весьма любопытных целей. С борта шаланды сбегала цепь, прикрепленная к панцирю некоего морского создания вроде гигантской черепахи. Чудище перебирало ластами, медленно продвигалось вдоль края терпалы и поедало водоросли, шумно отхватывая своим клювом огромные куски. Экипаж шаланды направлял существо баграми. Барнвельт нацелил на него свою камеру, жалея, что нельзя остановиться и познакомиться с ним поближе.

— Так вот, оказывается, как, — сказал Заккомир, бросая взгляд через плечо, дабы удостовериться, что стоящий на руле сунгарец находится вне пределов слышимости, — негодяи сии сохраняют канал свой от зарастанья водорослями, что способны перекрыть выход! Как поступим мы, коли события пойдут не по плану? Ежели, к примеру, «Шамбору» удирать придется до окончания миссии нашей, бросив нас в руках у злодеев?

Барнвельт задумался.

— Если получится, попытаемся встретиться потом у того парусного плота, что миновали рано утром. Узнаешь, его, Часк?

— О да, сэръ! Но как, в сунгарскую ловушку угнать, добраться до одного места условленного? Не можете же вы летать, крыльев не имея.

— Не знаю. Вероятно, если получится украсть какую-нибудь лодочку, можно попробовать на шестах пробраться сквозь водоросли...

И вот, наконец, они добрались до конца канала, где перед ними раскинулся самый удивительный плавающий город, который только кто-либо из них видел, — крепость Шиафази.

«Шамбор» обогнал еще одну шаланду, нагруженную высокой копной свежескошенной терпалы. Вонь подсыхающих водорослей напомнила Барнвельту ароматы коровника в округе Чатагуа. На острой корме шаланды, покуривая, развалился какой-то тип, который без особого интереса проводил взглядом уходящий вперед «Шамбор».

Вскоре показали боевые галеры сунгарцев, пришвартованные аккуратными рядами в соответствии с классом. По соседству с ними, рассыпавшись там и сям среди опутанных водорослями корабельных островов, пристроились старые посудины без мачт, приспособленные сунгарцами под жилье. Между ними виднелись плоты и блокшивы, построенные из разномастных обломков и досок, добытых при разборке старых корпусов. Поскольку дерево при этом попадалось самого разного возраста и происхождения и сильно разнилось по оттенку, по виду эти плавучие сооружения напоминали лоскутное одеяло.

За ближайшим блокшивом, почти скрываясь за ним, громоздились плоты и баржи, назначение которых выдавали дым, вонь и шум, доносившиеся оттуда. Это и была та фабрика, где терпала перерабатывалась в наркотик под названием янру.

Все это чудовищное нагромождение кораблей живых и кораблей мертвых опутывала сложная система всевозможных мостков, переходов и лестниц. На палубах жилых посудин двигались женщины и играли

дети. На малышах были веревочные вожжи на случай, если они свалятся за борт. В неподвижном воздухе висели ароматы стряпни.

Барнвельт прошептал Заккомиру:

— Не забудь, действуем по сигналу: *«Время идет»*.

Теперь корабли сунгарцев окружали их со всех сторон. Барнвельт сразу понял, как определить те, что еще использовались для плавания: достаточно было посмотреть, заросло ли судно водорослями по самые борта или же окружено пространством чистой воды, в которую можно опустить весла. По его расчетам, у сунгарцев было двадцать с лишним боевых кораблей, не считая мелких парусников, грузовых транспортов и прочих вспомогательных плавсредств.

Сунгарец на корме подвел «Шамбор» к группе из трех самых крупных галер, какие им только пока попадались, пришвартованных борт о борт, — посудин, вполне сравнимых по размерам с мажбурским «Джунсаром». Положив право на борт, лоцман обогнул их и направил «Шамбор» к небольшому плавучему причалу, что лежал на воде у борта ближайшей квадриемы.

— Швартуйтесь тут, — распорядился лоцман.

Пока экипаж «Шамбора» выполнял это предписание, проводник прыгнул на причал и взбежал по мосткам на палубу галеры, где о чем-то переговаривал с караульным. Через некоторое время он вернулся и объявил Барнвельту:

— Дозволено вам, взявши столько людей, сколько потребно, дабы нести вон тот сундук, на палубу взойти и там ожидать милости нашей!

Барнвельт махнул рукой. Четверо матросов взялись за концы шестов, привязанных по бокам сундука, и с кряхтением подняли его. Барнвельт в сопровождении лоцмана ступил на причал. Заккомир держался позади. У входа на трап среди матросов возникла небольшая перебранка, поскольку конструкция оказалась узкова-

той, и им пришлось втиснуться по двое между концами шестов, чтобы уместиться на трапе.

Оказавшись на палубе, они опустили свою ношу и уселись на нее. Рассчитанные на четырех гребцов скамьи пустовали, а весла были уложены под продольным мостиком между ними, но впереди в рубке ощущались какие-то признаки жизни. Через некоторое время к ним подошел человек, знак на шее которого свидетельствовал о некоем довольно значительном чине.

— Давайте сюда письмо верховному адмиралу! — потребовал он.

— Был бы рад, — отвечивал Барнвельт, — да велено мне доставить все это добро только Шиафази лично. Иначе королева Альванди никакой ответ не сочтет подлинным, ибо желает знать, с кем имеет дело.

— Уж не собрался ли ты командовать мною? — угрожающим тоном буркнул чин.

— Нисколько, сэр. Я только лишь повторяю, что она мне велела. Ежели не устраивают вас сии условия — что ж, разбирайтесь с нею сами. Мое дело с краю.

— Хм. Должен узнать я мнение верховного адмирала Шиафази.

— Скажите ему еще, что королева потребовала показать мне Зею, чтоб я лично удостоверился в ее здравии.

— Не многовато ли хочешь, а? Не удивляюсь я, коли Шиафази вообще прикажет бросить тебя фундам!

— В моей работе такие возможности ничуть не исключены, — с деланным безразличием отозвался Барнвельт, хотя сердце его учащенно забилося, а колени задрожали.

Чин удалился, перебравшись по мосткам на соседнюю галеру. Барнвельт с пятью своими спутниками остался ждать. Солнце, ярко-красный шар в туманном мареве, коснулось горизонта и принялось постепенно

проваливаться за него. Барнвельт, который то и дело исподтишка включал камеру, с кинематографической точки зрения пожалел о наступлении темноты (в вечернем освещении от «Хаяши» толку было мало), хотя та значительно повышала шансы на успех в случае неожиданного бегства.

Когда солнце окончательно скрылось и Каррим, самая близкая и яркая из всех трех лун, бледно засветился над горизонтом на востоке, чин вернулся и объявил:

— Следуйте за мною!

Матросы взгромоздили свою ношу на плечи и вслед за Дирком и Заккомиром перешли по мосткам на соседнюю галеру. Там чин провел их вперед, к большой рубке между передней мачтой и форштевнем. Караульный распахнул дверь и посторонился.

Бросив на караульного взгляд, Барнвельт неожиданно вздрогнул. Этим человеком был Игорь Штайн.

Хоть полусознанно он и ждал некой встречи со Штайном, при виде босса на Барнвельта чуть не напал столбняк. Он приостановился, дурацки вытаращив глаза и ожидая какого-то знака или слова в подтверждение, что его узнали, пока остальные толпились у него за спиной.

Действительно ли Штайн присоединился к пиратам, а если так, не донесет ли на Дирка? Или то был просто способ проникнуть на Сунгар с какими-то профессиональными целями? Или Барнвельт попросту обознался?

Нет, это была определенно та самая, в сеточке морщин физиономия — кирпичная краснота ее явственно бросалась в глаза даже в полумраке, те самые пронзительно-голубые глаза, те коротко подстриженные усики цвета тронутой ржавчиной стальной мочалки. Штайн даже не пытался маскироваться под кришнита, налепив на лоб накладные антенны, хотя и был в кришнитском наряде.

Штайн, не говоря ни слова, ответил на замешательство Барнвельта недоуменным взглядом.

— Ао, господин Гоззан! — поторопил стоящий позади Заккомир. Дирк очнулся и перешагнул через высокий порог каюты.

Внутри по причине недостатка дневного света уже зажгли лампы. Посреди каюты стоял широкий штурманский стол, вокруг которого расположились три фигуры. Первая из них принадлежала долговязому кришниту, вырядившемуся в нечто вроде пончо — большой кусок ткани с дырой для головы и лабиринтным узором по краю. Другой был тоже кришнит, правда не такой высокий и в шортах.

А третий оказался ящероподобным осирийцем, очень похожим на Сишена, встреченного Барнвельтом в Ясмуриане. Правда, данный экземпляр, по-видимому, плевать хотел на все осирийские представления о нормах приличия, поскольку никакой раскраски поверх чешуи у него не наблюдалось. Барнвельт сразу догадался, что это и есть Шиафази.

Барнвельт судорожно сглотнул, дабы прочистить порядком пересохшую глотку. Его пугал даже не весь тот жуткий бедлам, который должен был вот-вот здесь начаться, а скорее вероятность упустить в суматохе что-нибудь существенное, из-за чего всем им могла грозить гибель.

Матросы уселись было на поставленный на пол сундук, но субъект в пончо приказал на каком-то диковинном диалекте:

— Моряки пусть выйдут и обождут на палубе!

Чин, который привел их в каюту, затворил и запер на засов дверь, после чего вытащил из ящика штурманского стола письменные принадлежности. Барнвельт предположил, что он являлся кем-то вроде ординарца или адъютанта, в то время как остальные трое сунгарцев действительно командовали здесь всем парадом.

— Посланье ваше! — Это был сухой шелестящий голосок осирийца, который едва можно было разобрать.

Барнвельт извлек из-под куртки письмо королевы и вручил его Шиафази, который, в свою очередь, передал его адъютанту, распорядившись:

— Зачти.

Адъютант откашлялся и зачитал:

От Альванди, милостию богини Варзай королевы кирибской — Шиафази, предводителю и прочая. Удивлены и удручены Мы, что в пору мира промежду вами и Нами люди ваши свирепый разбой учинили, ворвавшись в столицу Нашу Рулинди и граждан Наших грабя и убивая, а также лицо похитивши неприкосновенное, дочь Нашу, принцессу Зею коронованную.

Исходя из сего требуем Мы, под страхом ужасных последствий гнева Нашего, немедля принцессу освободить, и либо своими силами в пределы Наши доставить, либо доверенным подателям посланья сего деяние оное перепоручить. А помимо того, требуем Мы объяснений должных столь низкого акта хищнического, а также удовлетворенья ущерба, безвинным подданным Нашим причиненного.

Коли же, однако, пролегли между нами некие материи, в коих чувствуете вы себя обиженными, держим Мы двери Наши открытыми, дабы жалобы разумные выслушать. А с целью заверить, что даже сие деянье преступное чаши доброй воли Нашей не иссушило, с доверенными курьерами шлем Мы вам дары щедрые. Приказанья отданы им следующие: только вам в собственные руки сие посланье и дары сопутствующие вручить; только из рук ваших собственных ответ убедительный принять; и ни в коем случае в обратный путь не пускаться, своими глазами принцессу не узревши и в здравии ее лично не удостоверившись.

На несколько секунд в каюте воцарилась тишина. Барнвельт почувствовал, что королева поставила его в довольно дурацкое положение, с ходу разразившись потоком гневных требований и угроз и лишь под конец весьма невнятно намекнув, что предлагает выкуп и заплатит при необходимости еще. Хотя что было бедной старушке делать? Она пыталась сорвать банк с двойками на руках.

Он выступил вперед, отпер сундук и поднял крышку. Сунгарцы столпились вокруг него, заглядывая внутрь, перебирая монеты и поднося отдельные побрякушки к окнам и лампам, чтоб получше их рассмотреть. Барнвельт очень надеялся, что они не обратят внимания на явное несоответствие между объемом драгоценностей и размерами сундука. Хоть и по весу, и по цене дань была более чем приличная, золото все же металл тяжелый, и в земном дорожном чемодане все это добро едва закрыло бы дно.

Наконец, Шиафази оторвался от сундука со словами:

— Внимание, джентльмены. Согласны ли вы, что письмо наше, уже приготовленное, отвечает на все вопросы, поднятые сим посланием?

Кришнит в пончо согласно кивнул головой. Кришнит в шортах, однако, колебался:

— Сэры, мыслится мне все ж, что не уделили мы вниманья должного моему предложенью. Принцесса — ключ к богатствам Зоры, и проклянем мы еще тот день, когда ключ оный выскользнет из пальцев наших, задрожавших от нетерпенья...

Говорил он на кирибском диалекте.

— Довольно, Урган! — прервал его осириец. — Не секрет также, что немало ключей подобных в замках поломано было, когда, хоть и не подходили они, пытались повернуть их силою. Успеем мы еще обсудить твое предложенье, ответа от старой карги ожидаючи.

В ходе этого диалога адъютант успел достать из ящика небольшого письменного стола, стоящего у стены, другое письмо. Теперь вместе с письменными принадлежностями он вручил его Шиафази. Пиратский предводитель подписал его, после чего адъютант запечатал конверт и вручил Барнвельту.

— Вот ответ наш, — объявил Шиафази. — На случай, ежели волею судьбы утеряно оно будет прежде, чем доставить ты его успеешь, передай Альванди следующее: дочку ее отпустим мы целою и невредимою на двух условиях. Первое — если контракт наш, продажи янру касающийся, изменен будет в сторону увеличения цены, дабы возросшие наши издержки компенсировать. И второе — если выдаст она нам двух бродяг, при дворе ее ныне обретающихся, кои именуют себя Сньол из Плешча и Таджди из Вьютра. Для освобождения принцессы условие сие последнее по-вдумчивей рассмотреть следует. Подробности письмом утрясаются.

Барнвельт почувствовал, как стоящий сбоку Заккомир вздрогнул, когда до него дошел смысл этого требования. Уж не в знаменитом ли осирийском псевдогипнозе дело, соображал Барнвельт. Шиафази мог применить его на Штайне и теперь с той же целью рассчитывал наложить лапу и на них с Тангалоа, чтобы потихому покончить с их попытками исследовать Сунгар, а заодно и приспособить к делу, превратив в пиратов. Штайна, скорее всего, подвергли этой процедуре еще на Земле, чтоб был поговорчивей.

— По-моему, это все... — начал было Шиафази, но Барнвельт возразил:

— Мы так и не видели принцессу, сэр.

— Конечно, не видели! Да кто ты такой, чтоб тут условия мне ставить?!

— Погодите, — вмешался низенький кришнит, которого звали Урган. — Сие вполне резонно и ничуть нам не повредит. Ежели откажем мы, эта ведьма

решит, что скормили мы ее дочку фондагам, и переговоры на целную вечность растянутся, покуда будет истину она визнавать.

Субъект в пончо нетерпеливо сказал:

— Давайте решать скорей, обед стынет.

После короткого совещания сунгарских боссов адъютант отворил дверь и переговорил со стражником. Барнвельт услышал удаляющиеся шаги.

— Курить тут у вас можно? — поинтересовался он.

Получив разрешение, Барнвельт пустил портсигар по кругу. Все взяли по сигаре, за исключением осирийца. Чтобы скрыть охватившее его возбуждение, Барнвельт небрежно прикурил от ближайшей лампы, глубоко затягиваясь и выпуская огромные клубы вонючего дыма. Снаружи уже сгущались сумерки.

Вновь послышался топот шагов. Дверь распахнулась, и в каюту вошел Штайн, крепко держа за руку Зею. Барнвельту показалось, что сердце сейчас выпрыгнет у него из груди, кольчуги и всего прочего. На ней была все та же полупрозрачная туника, в которой она щеголяла на открытии фестиваля, хотя корона и украшения бесследно исчезли — несомненно, в казну Шиафазы.

Барнвельт услышал, как у Зеи перехватило дыхание, когда она узнала «курьеров», но, будучи прирожденной актрисой, она быстро сориентировалась и не проронила ни слова. Барнвельт с Заккомиром формально опустили на одно колено и тут же вскочили, как того и следовало ожидать от занятых порученцев, вынужденных по ходу дела выразить почтение угодившей в плен высокопоставленной особе. Адъютант коротко познакомил ее со всеми обстоятельствами.

Поскольку время действовать неумолимо приближалось, размышляя Барнвельт, присутствие Штайна все здорово усложняло. Не мог же Барнвельт попросту повернуться к Заккомиру, который стоял бок о бок от него, и вслух попросить: «Когда настанет момент,

землянина не убивай. Только оглуши, потому что он мой друг».

Он двинулся вперед, будто бы попросту размяться, чтобы оказаться между Штайном и Заккомиром.

Штайн, вглядываясь ему в лицо, когда он проходил мимо, проговорил:

— А не могли ли мы еще где встречаться с тобою, о курьер?

Когда сердце Дирка уже окончательно ушло в пятки, Штайн отвернулся, бурча:

— Обознался, должно быть. Но похож...

Барнвельт чуть было не расхохотался вслух, услышав, как его шеф изъясняется по-гозаштандски с жутким русским акцентом. В фонетике Игорь никогда силен не был.

— Передайте матери моей властительной, — молвила Зей, — что ни дух мой, ни тело, ни честь девичья посяганиям никаким не подверглись — разве что стряпня в сем городе болотном и сравнения не выдерживает с той, к коей в Рулинди я привыкла.

— Слушаем и повинuemся, о принцесса! — ответил Барнвельт.

Небрежно почесывая ляжку, он повернулся к Шифази:

— Миссия наша, как видно, завершена, господин мой, так что, ежели вы позволите нам взять на борт немного пресной водички, мы сразу и отвалим. Время идет...

Барнвельт продолжал почесываться, и в результате такого далеко не джентльменского поведения ухитрился залезть рукой под штанину шортов, посильнее затягиваясь сигарой. Рука его в сей же миг появилась оттуда, сжимая одну из дымовых бомб, пристегнутых ремешками к бедру. Быстрым движением он поднес запал к сигаре, и тот моментально вспыхнул.

Тут же, все еще сжимая бомбу в кулаке, он нанес Штайну оглушительный апперкот в челюсть.

Послышался глухой шлепок, и великий исследователь, отлетев к стене, съехал по ней до полу и остался сидеть там. Барнвельт швырнул бомбу на пол и полез в сапог, где скрывался сложенный меч. Заккомир уже успел выхватить свой.

Щелкнув запором, Барнвельт распрямил клинок в тот самый момент, когда бомба зашипела, наполняя помещение дымом, а остальные сунгарцы тревожно и угрожающе завопили, хватаясь за оружие.

Ближе всех к Барнвельту, поскольку Штайн был уже выведен из строя, оказался адъютант, вытаскивающий меч. Оружие почти уже вылетело из ножен, когда выпад Барнвельта достиг цели. Клинок угодил между ребрами и уперся в хребет. Барнвельт успел выдернуть меч как раз вовремя, чтобы встретить Игоря Штайна, который поднялся на ноги, кашляя от дыма и трясая головой, и попер вперед. Фехтовальщик из Штайна был аховый, но палашом он размахивал с такой чудовищной мощностью, что игрушечка Барнвельта в любой момент могла переломиться пополам. А кроме того, у него было то преимущество, что Барнвельт старался не убить его, в то время как Штайна в этом плане абсолютно ничего не сдерживало.

Низенький кришнит, тот самый, которого звали Урган, с похвальной сноровкой схватился за эфес, но Зезя вцепилась ему в правую руку и повисла на ней, прежде чем он успел вытащить клинок. В конце концов коротышке удалось ее стряхнуть, но острие меча Заккомира вонзилось ему точно в горло. Потом Заккомир сцепился с типом в пончо. Оба кашляли, как заведенные.

Барнвельт то и дело бросал взгляды на меч законотого Заккомиром коротышки, рассчитывая подхватить его взамен своего собственного, но возможности такой у него не было. Штайн упорно загонял его в угол. Уже в полном отчаянии Барнвельт бросился в клинч и свободной рукой врезал Штайну в челюсть, надеясь сбить его с ног. Однако челюсть у Штайна

оказалась крепче гранита. Отбиваясь от босса, Барнвельт понял, что на небольшое преимущество, которое он имел над кришнитами благодаря рождению на планете с силой тяготения на одну десятую больше, здесь рассчитывать не приходилось.

Шиафаз, который один среди мужчин в каюте не был вооружен, забежал Заккомиру за спину и схватил его за руки. Тип в пончо сделал выпад. Заккомир, несмотря на захват, ухитрился отразить первый удар. Повторный укол угодил в цель, но кольчуга Заккомира выдержала — клинок даже согнулся в дугу. Шиафаз крепче вцепился юноше в руки. Тип в пончо занес руку и нацелился на открытое горло Заккомира...

Однако Зей, которая успела к тому моменту подхватить легкий стул, стоявший в углу, как следует огрела им Пончо по башке. Голова у того упала на грудь, будто увядшая лилия. Второй удар повалил его на четвереньки, а третий распластал по полу. Заккомир отчаянно вырывался из захвата Шиафаза.

Барнвельту, не выходя из клинча, удалось вывести Штайна из равновесия, толкнув его плечом. Когда тот пошатнулся, Барнвельт обхватил его левой рукой вокруг туловища и высвободил клинок. Блям! — звякнул серебряный шлем, по которому пришелся удар абордажной сабли Штайна. Барнвельт пустил в ход правый кулак, в котором был все еще зажат меч. После серии мощных тычков в ребра, челюсть, шею и заключительного удара набалдашником эфеса по макушке Штайн, наконец, вырубился всерьез и надолго.

Барнвельт вихрем крутнулся на месте и бросился на выручку Заккомиру. Зей с противоположной стороны успела уже и осирийца приложить по ребрам все тем же стулом. Когда Барнвельт обегал вокруг штурманского стола, Шиафаз попытался загородиться Заккомиром, как щитом. Но Барнвельт отстранил своего спутника и с ходу воткнул клинок в чешуйчатую кожу. Неглубоко — на сантиметр-другой. Когда Ши-

афази с жутким шипением попятился, Барнвельт последовал за ним, приговаривая:

— Веди себя прилично, червяк, иначе и тебя мигом прикончу!

— Как бы не так! — огрызнулся Шиафази. — Ты уже под влиянием моим. Ты засыпаешь. Ты должен бросить меч. Я твой господин. Ты будешь повиноваться моим приказаньям...

Несмотря на впечатляющую убедительность всех этих заклинаний, Барнвельт обнаружил, что не испытывает ровно никакого желания повиноваться приказаньям осирийца. Заккомир тоже без тени сомнения ткнул острием клинка в кожу Шиафази, и вдвоем они оттеснили его к стене. Вся потасовка заняла не более минуты.

— Все дело в шлемах, — объяснил Барнвельт, припомнив рассказ Тангалоа об осирийском псевдогипнозе. — Нечего нам этого петуха оципанного бояться. Зей, приоткрой-ка дверь и потихоньку позови матросов.

Когда за дверью послышалось шарканье матросов, тип в пончо застонал и пошевелился.

— Добей его, Зей, — распорядился Барнвельт, несколько удивленный собственной безжалостностью. — Да не того — вон этого.

— Как?

— Возьми у него меч, приставь к шее и нажми посильней.

— Но...

— Делай, что сказано! Ты что, хочешь, чтоб нас всех тут поубивали? Вот и молодец!

Зей с содроганием выдернула обратно окровавленный клинок.

— А теперь, — продолжал Барнвельт, — свяжи и заткни кляпом вон того, который тебя привел. Потом объясню, зачем.

Через высокий порог каюты перешагнули четверо матросов и тут же застыли, как только глаза у них

немного привыкли к задымленному полумраку и до них дошел смысл разыгравшейся сцены.

— Парни, — приказал Барнвельт, — в темпе закрывайте дверь и вываливайте все эти побрякушки из сундука. Да не по одной! И не давайте этому чудищу смотреть вам прямо в глаза, если жить хотите.

Сундук повалили на бок, и драгоценности со звоном и стуком рассыпались по полу.

— Помогите принцессе связать этого малого, — продолжал Барнвельт. — Вы чего-нибудь слышали?

— О да, сэр, — отозвался кто-то из матросов, — слышали мы, как кричали здесь громко, но решили, что вмешательство наше пока не нужно.

— Уж не задумал ли ты в сундук меня посадить? — догадалась Зея.

— Угу, — отозвался Барнвельт. — Только вот... Погоди, дай подумать.

Конечно, изначально совсем не планировалось забирать с собой и Зею, и Штайна, но попробовать было можно. Морякам он сказал:

— Засовывайте землянина в сундук. Вот так, пи-хайте как можно глубже. А теперь посмотрим, Зея, влезешь ли ты поверх него...

— Какая близость вульгарная с иноземцем, да еще и поведенья столь разнузданного! — вздохнула Зея, но, тем не менее, послушно полезла в сундук.

С двоими, однако, крышка не закрывалась.

Заккомир предложил:

— Ежели нужен вам так сей землянин, оставим его в сундуке, а принцесса пускай идет с нами, будто мы ее уже выкупили. А чудище сие поведем под конвоем, клинки держа наготове — так всех троих с собою и захватим.

— Годится, — одобрил Барнвельт. — Адмирал, пойдете с нами. До самого судна мы будем держаться по бокам, и при первом же неверном движении зароботае по первое число.

— А где вы меня отпустите?

— А кто-то разве говорил, что мы вас отпустим? Вам придется совершить небольшую прогулку на частной яхте. Готовы?

Матросы подхватили сундук со Штайном внутри. Барнвельт с Заккомиром взяли Шиафази под руки, прикрывая локтями обнаженные мечи, острия которых покалывали чешуйчатую кожу осирийца. За ними пристроилась Зейя с матросами.

В таком порядке процессия двинулась на корму, где был перекинут мостик на соседнюю галеру. Они благополучно преодолели его и пересекли палубу галеры, направляясь к трапу, который был опущен на плавучий причал.

Однако в этот самый момент над бортом галеры показались сначала головы, а потом и плечи каких-то людей, поднимавшихся по трапу с причала. Сначала Барнвельт решил, что это его собственные матросы. Однако света было достаточно, чтобы разглядеть совершенно чужие лица. Бросив взгляд поверх борта квадриремы, он заметил мачту еще одного суденышка, пришвартованного по соседству с «Шамбором».

«Тихо!» — прошептал Барнвельт и покрепче вдавил острие меча в кожу Шиафази. Чтобы пропустить встречную группу, он оттащил осирийца в сторону.

Тот, кто двигался впереди, при виде Шиафази сделал было некий жест вроде отдания чести — и вдруг замер, уставившись на Барнвельта.

— Ты?! — слышался дребезжащий голос.

Это был, как оказалось, некто иной, как его старый знакомый Визгаш бад-Мурани, экс-приказчик, о башку которого он разбил в Ясмуриане глиняную кружку.

Не дав себе труда разобраться в ситуации, Визгаш выхватил меч и набросился на Барнвельта. Тот инстинктивно парировал, но в результате ослабил хватку, и Шиафази сразу вырвался. Заккомир все-таки успел

ткнуть рептилию мечом, оставив в мясистом боку небольшую рану.

Спутники Визгаша кинулись на помощь. Первый с ходу нанес удар одному из матросов «Шамбора». Клинок обрушился тому на шею, чуть не снеся голову с плеч, и матрос свалился замертво. Остальные трое уронили сундук, который с треском повалился набок. Крышка откинулась, и на палубу выкатился Штайн.

Барнвельт отразил удар Визгаша и ответным выпадом поразил его в бедро.

— Бежим! — завопил Заккомир.

Когда раненый Визгаш рухнул, Барнвельт торопливо огляделся по сторонам. Заккомир уже волок Зею прочь. Шиафазы приплясывал вне пределов досягаемости и шипел какие-то распоряжения сунгарцам, которые тут же ринулись на захватчиков. Трое уцелевших матросов ударились в бегство, один из них суматошно прыгнул за борт. В полумраке поблескивали неприятельские клинки.

Барнвельт помчался вслед за Заккомиром и Зеей, которые уже запрыгнули на мостки, ведущие на большую галеру, где они вели переговоры с пиратскими главарями. Троица пуль пронеслась по мосткам, по палубе, а потом по другим мосткам на третью большую галеру. Сзади грохотали шаги преследователей.

— погоди минутку! — выкрикнул Барнвельт, когда они спрыгнули на палубу третьей галеры. — Помоги...

Он торопливо перерезал веревки, крепившие конец мостков к палубе корабля. Потом они с Заккомиром подсунули пальцы под доски. Двое сунгарцев уже вскочили на мостки с другого конца. Поднатужившись, беглецы оторвали конец мостков от палубы и швырнули в воду. Доски с шумом и плеском плюхнулись у борта, а вместе с ними, вереща от ужаса, свалились в заросли тины и оба преследователя.

Свистнула пущенная из самострела короткая стрела. Барнвельт со своими спутниками бросился к противо-

положному борту. С него спускалась лестница на какую-то шаланду, от которой в обе стороны расходились вереницы плотов, теряющиеся где-то среди нагромождений жилых плашкоутов и прочих разномастных посудин.

— Куда? — спросил Барнвельт, когда они оказались на палубе шаланды и остановились перевести дух.

Заккомир вытянул руку:

— Сии плоты уходят на север. Вы с Зеей идите туда и схоронитесь за бортом, а когда появятся они, уведу я их в противоположную сторону. Потом пытайтесь вы с ней пробиться к месту встречи условленному.

— А как же ты? — опешил Барнвельт, который ощутил определенную неловкость. Не то чтобы ему так уж хотелось отпускать Заккомира с Зеей, а роль подсадной утки играть самому, но предложенная молодым человеком жертва была чересчур уж серьезной.

— Я-то? За меня не волнуйтесь! Я скроюсь от них во тьме, а под вдохновенным началом вашим обрел уж я храбрость, самого Карара достойную! Прячьтесь скорей, ибо слышу я, что они приближаются.

Он подтолкнул их, все еще пребывающих в нерешительности, к борту. Барнвельт с Зеей прыгнули на плот и скорчились под нависающим носом шаланды.

Звуки погони стали слышней, свидетельствуя о том, что сунгарцам удалось раздобыть другую доску взамен сброшенной в воду. Дробно застучали шаги Заккомира, а вопли: «Вот он где!» и «За ним, болваны!» — окончательно довершили картину происходящего.

Когда шум стих вдали, Барнвельт отважился выглянуть из-за борта шаланды. Вдали вроде двигались какие-то тени, но стемнело уже так, что разобрать подробностей не удалось. Схватив Зею за руку, он увлек ее в противоположную сторону.

После того, как они вдоволь напрыгались с плота на плот и с шаланды на шаланду, плавучая дорога вывела их на палубу одного из жилых судов.

— Не следует ли нам и тут мостки в воду скинуть? — предложила Зея.

— Нет. Остановит это их ненадолго, зато покажет, где мы шли.

— Народу тут у них сегодня, похоже, немного.

— Обеденное время, — предположил Барнвельт.

Они продолжали безостановочно переходить с одного плавучего дома на другой. Раз на беглецов чуть было не наткнулся какой-то кришнитский подросток, который кинул на них лишь мимолетный взгляд и исчез за ближайшей дверью, откуда доносились звуки семейной свары.

Так они и продвигались, по палубам и мосткам, по карабкающимся вверх и ныряющим вниз лестницам, пока не наткнулись на огромный крытый блокшив без признаков жизни на борту. Когда-то, видно, он служил торговым транспортом на море Ваандао, но теперь больше походил на Ноев ковчег, каким его принято изображать на картинках.

Они сделали круг по палубе, не обнаружив каких-либо иных переходов с этого судна на другие. Видно, оно и впрямь представляло собой самую северную точку сунгарского поселения, поскольку за ним беспорядочно громоздились только полуразвалившиеся ос-

товы, не имевшие отношения к собственно «городу». Барнвельт посмотрел на север и, несмотря на сумерки, углядел на горизонте потрепанный парус плота, возле которого они договаривались встретиться. Почти на одной линии с ним темной пирамидой на фоне мрачноватого северного небосклона высился нос какой-то здоровенной заброшенной галоши, глубоко осевшей кормой в водоросли.

— Похоже, дальше ехать некуда, — заметил он. — Интересно, что это за посудина?

Огромное, похожее на амбар сооружение, возведенное на палубе, было без окон, зато с тремя дверями — двумя маленькими с боков и одной здоровенной, словно ворота, с торца. Все три были заперты массивными висячими замками.

Барнвельт решил заняться дверью на северо-восточной стороне, где его не было бы видно из поселения. Замок оказался крепким, а сделать подходящую отмычку было не из чего, даже если бы он и представлял, как открывают замки отмычкой. Железные полосы, на которых висел замок, были попросту прибиты к двери и косякам толстенными гвоздями, а не привинчены шурупами, которые можно было бы открутить ножом. С достаточно крепким инструментом вроде фомки их, конечно, удалось бы оторвать, но попытка проделать то же самое при помощи ножа или меча, как он прекрасно понимал, завершилась бы попросту поломкой клинка.

Однако, проведя по двери рукой, он нащупал на петле, приделанной к косяку, заметные неровности. Внимательно осмотрев ее и поковыряв ногтями, он удостоверился, что петля насквозь проржавела, — проржавела настолько, что кое-где крошилась на кусочки прямо под пальцами.

Таким образом, можно было особо не мудрствовать. Он навалился на петлю и отогнул ее наружу настолько, чтобы между ней и дверью можно было просунуть

пальцы обеих рук. Затем, покрепче вцепившись в петлю, уперся ногой в дверь и поднатужился. На руках его бутрами вздулись мышцы.

С негромким хрустом ржавая петля подалась. Барнвельт пошатнулся и чуть было не опрокинулся на спину, если б не Зея, которая, испуганно вскрикнув, успела удержать его за руку.

Через минуту они уже были внутри. Тьма там царила кромешная, и, за исключением трех полос лунного света, расплзавшихся из открытой двери, другого источника света здесь не было, так что было совершенно непонятно, куда они попали. Барнвельт споткнулся обо что-то твердое и вполголоса выругался. Надо было догадаться прихватить свечу или что-нибудь в этом роде, да разве все предусмотритишь...

Это навело его на мысль. Он ощупью продвинулся вдоль стены, время от времени натываясь на какие-то предметы, и очень скоро нашарил железный крюк, на котором висела небольшая масляная лампа. Изрядно повозившись с карманной зажигалкой, он запалил фитиль и торопливо прикрыл дверь, чтобы свет не выдал их местонахождения.

Оказалось, что посудина была задействована под склад, где в строгом порядке хранились всякие припасы: бочонки со смолой, гвоздями и прочей мелочью, доски и брусья, разнокалиберные канаты и веревки, уложенные в аккуратные бухты, рангоутные рей, парусина и весла. Посреди помещения лежала на полу откинута крышка широкого люка, и, наклонившись, Барнвельт убедился, что и нижняя палуба плотно уставлена бочками, поленницами дров, стопками мешков и прочим имуществом.

— Очень интересно, — пробормотал он. — Хотя я пока не вижу, какой нам от всего этого толк.

— По крайней мере, — заметила Зея, — есть нам где спрятаться.

— Далеко в этом не уверен. Если Заккомир удрал, они все поселение обыщут. А даже если это у него и вышло, все равно они знают, что должны быть еще двое. Вообще-то говоря, по пути сюда нас кое-кто видел. Часку я сказал, чтоб ждал нас на границе Сунгара...

— А кто такой Часк?

— Мой боцман. Очень надеюсь, что ему все-таки удалось выбраться вместе с судном, когда поднялся весь этот переполох. А даже если он и впрямь завтра появится, не стоит рассчитывать, что ему дадут долго торчать там после рассвета.

— Так ты не знаешь, выбрался он или нет?

— Нет. Если б только удалось незаметно стибрить какую-нибудь лодчонку...

— По пути ни одной мне не повстречалось, и говорят, что на лодке никак сквозь тину сию не пробиться.

— Может, и так, — буркнул Барнвельт. — Только ты просто не представляешь, какие невозможные вещи вытворяют люди, когда им деваться некуда. Пойду посмотрю.

Он выскользнул за дверь и еще раз обошел вокруг палубы, всматриваясь в лунный полусвет в поисках лодки или маленького парусника. Но не высмотрел он ничего — ничего, кроме гнилых остовов, обросших со всех сторон водорослями. Покончив с этим делом, он внимательно оглядел надстройку, дабы убедиться, что наружу не просачивается свет. Свет действительно едва заметно пробивался сквозь щель под юго-западной дверью.

Вернувшись внутрь, он отмотал с бухты кусок каната и тщательно заткнул им щель. При этом он поведал Зее о своей неудаче.

— Разве не можешь ты плот выстроить, всеми этими припасами располагая? — предложила Зей.

— Десятиночий за шесть, да и то, если набор инструментов найдется. Слушай, а что это имели в виду пираты, когда один там — забыл, как его звать — толковал, будто ты ключ к богатствам Зоры?

— Очевидно, случилось сие еще до моего появления.

— Так оно и было. У этого малого, судя по всему, было какое-то альтернативное предложение, которое он предлагал обсудить, да Шиафази быстро его пригнул. Боялся, видно, чтоб я не прознал их планы.

— Должно быть, архипират то кирибский, зовут коего (или, верней, звали) Урган, не так давно уважаемый торговец из Рулинди. Дурною сочтя манеру, с коей супруга деньги его тратила — что она, согласно уложению нашему, имела полное право делать, — бежал он на Сунгар. Истинная направленность замысла его мне не известна, хоть по намекам отдельным, кои роняли они в моем присутствии, могу заключить я, что был он в том, чтобы Шиафази увещеваньями мысленными меня покорил, а после захватил бы Кириб, меня истинною правительницей объявил и понудил бы пред публикой выступать эдакой марионеткою, дабы замыслы их коварные упрятать. Не вмешайся вы с Заккомиром, и впрямь учинили бы они подлость подобную, ибо многие сунгарцы из Кириба происходят и мечтают делишкам своим придать оттенок законности. Но как вы с Заккомиром попали сюда?

Баривельт поставил ее в известность о последних событиях в Рулинди, опустив разве что то обстоятельство, что подвигнуть его на эту благородную акцию удалось лишь под угрозой раскаленных клещей. Он чувствовал, что такая подробность грозит снять с ее восхищения этаким романтический налет.

— ...И таким образом, — заключил он, — мы пробрались сюда под видом курьеров «Межроу Гурардена». Теперь меня зовут Сн... Гоззан.

Черт, он так и знал, что обязательно перепутает два эти прозвища.

— А что это за землянин, коего собирался ты вынести в сундуке? По мне так обычный пират он, и не стоит такой суматохи.

— Долго рассказывать. Как-нибудь потом объясню, если выберемся отсюда живыми.

— Живыми там, или мертвыми, но о подвиге сем еще долго молва идти будет, — заметила она. — Барду нашему придворному следовало бы в поэме его эпической описать, гептаметром героическим. Разносторонняя личность, видать, ты, господин Сньол. С гор ньямских пришел ты на моря, от снегов полярных в сии тропики жаркие. Лыжи сменил ты на паруса...

— Ох-ха! А это мысль!

Барнвельт вскочил и принялся исследовать штабеля леса. Через некоторое время он наткнулся на доски, ширина и толщина которых показались ему подходящими, и вытащил из штабеля несколько штук.

— Длину надо делать метра два, — бормотал он себе под нос. — Жалко, что длинноваты.

Он огляделся в поисках верстака с инструментами, но такие работы, видно, выполнялись где-то в поселении. В конце концов он взялся обстругивать доску ножом.

— Чем занят ты? — удивилась Зея. — Лыжи строишь, дабы шагать по болоту из терпалы? Вот уж поистине ум скорый, как молния! Только не провалимся ли мы в промоину какую средь водорослей, устроивши банкет чудищам морским?

— Дай-ка сюда ногу. Черт бы побрал эти сандалеты — в руках разваливаются...

Час проходил за часом, а Барнвельт все трудился. Когда он вновь открыл северо-восточную дверь, свет ни одной из трех лун уже не проникал в дверной проем, поскольку сияющая гроздь успела переместиться на западную половину усыпанного звездами неба.

Далее Баривельт действовал по тщательно разработанному плану. Первым делом он еще раз обошел палубу, приглядываясь и прислушиваясь, не видно ли и не слышно ли погони. Не обнаружив ничего подозрительного, он посмотрел туда, где к северу от них расстиралась залитая лунным светом пустыня из водорослей. Бледный лоскут на горизонте, который, по его мнению, и являлся парусом искомого плота, было уже не разглядеть, но торчащий нос полузатонувшей посуды перед ним вырисовывался достаточно отчетливо.

Потом он стукнул в дверь и тихо сказал:

— Туши лампы и выходи.

Зея повиновалась. Вдвоем они вытащили на палубу четыре лыжи, два весла, которым предстояло служить в качестве балансировочных шестов, и пару мотков веревки. Один конец более толстого каната он обмотал вокруг кнехта на палубе, а другой перекинул через борт в воду.

Затем он сбросил кольчужный жилет, который не дал бы в случае чего выплыть, вооружился веревкой потоньше и занялся изготовлением лыжных креплений. На боковых кромках лыж он заранее вырезал глубокие зарубки для постромок, поскольку для простоты дела решил пропустить их прямо понизу. С его собственными лыжами особых проблем не возникло. Хоть ему раньше и не приходилось делать лыжных креплений, в узлах, благодаря земному опыту яхтсмена, он разбирался неплохо, а курьерские сапоги прекрасно защищали ноги.

С Зеей, однако, все оказалось гораздо сложнее. Хоть он и вырезал заранее два куска парусины, которыми обмотал ей ноги, чтобы в них не врезались веревки, но опасался, что она их все равно сотрет. Однако делать было нечего...

— Сунгарцы приближаются! — произнесла она громким шепотом.

Он прислушался. Кроме обычных отдаленных шумов ночной жизни Сунгара, до них теперь доносились и куда более определенные звуки: топот шагов, лязганье стали и гул голосов.

Он лихорадочно затянул последние узлы и заспешил к борту, хлопая привязанными к ногам досками по палубе.

— Я пойду первым, — объявил он и перегнулся через фальшборт, хватаясь за толстый канат.

Скользнув вниз, он услышал, как лыжи хлопнули по воде, и сразу почувствовал, что ноги обволокло холодом. На мгновение ему показалось, что водоросли не выдержат его вес, что если он отпустит канат, то неминуемо провалится по шее.

Шум, который производили приближающиеся люди, быстро становился все громче и громче. Барнвельт теперь мог уже различить отдельные голоса, хотя слов разобрать было нельзя.

— Поспеши! — донесся сверху голос Зеи.

Барнвельт едва сдержался, чтобы не рывкнуть на нее — а что еще, интересно, он делает? — и с опаской опустил пониже. Натяжение каната внезапно ослабло, и он понял, что стоит на толстом слое водорослей, а вода не доходит ему даже до середины икр. Он сделал осторожный шаг, потом другой, все еще держась за канат, и обнаружил, что дальше от борта водоросли представляют собой куда более надежную опору. Также он выяснил, что если двигаться без остановок, можно оставаться сравнительно сухим, а стояние на месте влекло за собой погружение в воду где-то по колено, поскольку под весом человека терпала незамедлительно проседала.

— Поддай мне весло! — негромко попросил он. Когда Зея выполнила эту просьбу, он опробовал его и нашел, что лыжная палка из него вышла хоть куда.

Судя по звукам, поисковая партия уже двигалась по мосткам прямоком на борт блокшива. У противоположного борта уже загремели шаги, и Барнвельт

уловил обрывки разговоров: «...одним богам известно, мы ведь все уже обыскали...», «...ежели тут их нету, должно быть, утопили они...», «обойди-ка кругом палубу, не то...»

Ззя достигла уровня воды, сделала один неверный шаг, воткнула обструганный нос лыжи в терпалу и чуть было не рухнула на ведущего.

— Осторожней! — неистово прошипел Барнвельт. — Вот тут терпала вроде как поплотней. Держи весло. А теперь живей вперед.

Со свистом разрезая воду лыжами, они двинулись к северу. Барнвельт бросил короткий взгляд назад, на блокшив. Хотя ближний к ним борт скрывался в тени, на палубе что-то неясно мелькнуло. Послышался скрип открываемой двери и крик: «Они вломились сюда! Бегом за лампой!»

Может, понадеялся Барнвельт, сунгарцы слишком увлекутся обыском блокшива и не заметят беглецов прямо у себя перед носом: не додумаются посмотреть на водоросли за бортом, не рассчитывая увидеть людей, бредущих по воде, аки посуху.

Куда там.

«А что тут веревка делает? — слышался чей-то голос. — Ох-ха, вот куда они девались!»

«Куда?»

«Вон туда, в терпалу!»

«Да это же невозможно!»

«И все ж таки они...»

«Колдовство!»

«Самострел! Самострел сюда! У кого там самострел?»

«Ни у кого, сэр, ибо приказали вы...»

«Мало ли что я приказал, болван! Живо беги и принеси...»

«Сумеешь ли ты добросить...»

— Скорей! — поторопил Барнвельт, удлиняя шаг. Голоса у него за спиной слились в беспорядочный гомон.

— Осторожно, тут промоина, — предостерег он Зею.

Расстояние росло угнетающе медленно. Сзади щелкнула спущенная тетива, и рядом с ними что-то резко и коротко свистнуло.

— Они в нас стреляют! — плачущим голосом простонала Зейя.

— Все нормально. На таком расстоянии в темноте им в нас в жизни не попасть.

Сам Барнвельт столь твердой уверенности далеко не испытывал. Сомнения его еще больше увеличились, когда в следующий раз свистнуло так близко, что он мог поклясться, будто ощутил толчок воздуха. Что же делать, если в кого-нибудь из них все-таки попадут?

Фиты! Фиты! Да уж, в кольчуге было бы явно уютней, даже несмотря на вес.

Мало-помалу расстояние увеличилось, и невидимые снаряды перестали посвистывать прямо над ухом.

— Теперь мы в безопасности, — объявил он. — Приостановись-ка и лови веревку. Обвяжись вокруг пояса. Это на случай, если кто-то из нас провалится в промоину — другой сможет его вытащить. Слава великому богу Бакху, что ты не заморыш какой-нибудь! А теперь пошли, и помни — не останавливаться.

Они заплюхали по воде к носу стоящей торчмя заброшенной посуды.

Зейя заметила:

— До чего ж непривычно узреть все три луны полными одновременно! Старый Квансель уверяет, будто явление сие сулит некий великий подъем в жизни светской нашего государства, хотя мать моя к нему не прислушивается, настаивая на том, что все в руках у Варзай, а все рассужденья астрологические старика — не более чем суеверья нечестивые.

— «...и рифмы лирики унылой пророчат то, что не понять умом». Что ж он тогда до сих пор сидит на зарплате, коли ее не устраивают плоды его труда?

— О, достался в наследство он нам еще от властительной бабки моей, и мать моя, коя суровой и черствой представляется тем, кто не знает ее поближе, не в состоянии все же выбросить на улицу верного слугу, что прослужил столь долгий срок. А помимо того, будь ученье его звездное истиной или же заблуждением, человек он весьма просвещенный и... буль!

Веревка неожиданно резко натянулась, и Барнвельт едва удержался на ногах. Зей все-таки свалилась в промоину. Все бы болтать этим бабам! Не без облегчения Барнвельт увидел, что голова ее сразу показалась над водой со свисавшей поверх одного глаза прядкой терпалы.

— Ну что ж, вылезай теперь, госпожа Зей! — ядовито молвил он, переминаясь на лыжах, чтоб не давать веревке ослабнуть. — Давай-давай, на животе, вот так!

Беспомощно путаясь в своих лыжах, она все-таки выкарабкалась на плотный слой водорослей.

— Разворачивай лыжи. Да не обе сразу, по очереди! — командовал он. — Подбирай весло и вставай. В следующий раз смотри под ноги!

— Господин Сньол! — послышался обиженный голос. — Хотя и спас ты меня от опасностей ужасающих, разрешенья не давалось тебе обращаться ко мне, будто к простой кухарке!

— Еще почище стану обращаться, если не будешь слушаться! Пошли!

Она погрузилась в молчание. Барнвельт несколько устыдился своей вспышки, хотя и не настолько, чтоб приносить извинения. В конце концов, твердил он себе, этих привыкших командовать кирибских дамочек надо сразу обламывать, иначе потом они просто на голову сядут.

А потом, наверняка впервые за всю жизнь Зеи простой мужчина разговаривал с ней так грубо. Она,

наверное, просто от такого обалдела, подумал он не без некоторого злорадства. Размышляя о происхождении этого самого злорадства, он вдруг осознал, что и сам никогда так с женщинами не разговаривал. Должно быть, дело было в некоем подсознательном удовлетворении его мужского начала, наконец-то сумевшего противопоставить себя женскому полу. Однако он дал себе обещание впредь вести себя посдержанней и не превращать Зею в мишень для своей нарождающейся агрессивности, поскольку бедняжка никак не была причастна к некоторым особенностям его воспитания.

Он бросил взгляд на девушку, которая старательно шлепала вслед за ним. В своей насквозь промокшей полупрозрачной тунике в свете трех лун выглядела она так, будто одежды на ней вообще не было. В голове у него замелькали метафорические образы богинь, поднявшихся из морских глубин...

С восточной стороны, метрах в ста от них, поверхность водорослей неожиданно вздыбилась. Что-то темное и лоснящееся — голова, плавник? — на миг показалось в лунном свете и тут же с громким плеском исчезло.

— По-моему, — нарушил он молчание, — нам обоим лучше все-таки не падать в промоины... Интересно, выкрутился ли Заккомир? Мне этот малый по душе, и я никак не возьму в толк, чего он так старается, чтоб его поскорей прикончили.

— А ты сам разве нет?

Барнвельт помедлил, прежде чем ответить:

— В определенном смысле... Только вот... А между вами существует... гм... определенное взаимопонимание?

(Он уже задавал подобный вопрос Заккомиру, но желательно было бы получить дополнительное подтверждение.)

— Нисколючко, — отозвалась она. — Будучи верным подданным и лицом, приближенным к трону, дол-

жен быть только счастлив он жизнь положить во благо короны.

Ну что ж, подумал Барнвельт, в монархических государствах такие взгляды, наверное, и впрямь должны считаться нормой, хотя ему, уроженцу планеты, где стандартной формой государственного устройства давно является демократическая республика, и представить такое трудно.

Через некоторое время они дотащились до торчащего из воды носа полузатопленной посуды и, хватаясь за поручень фальшборта, влезли по вздыбленной палубе до открытого люка, где уселись передохнуть.

Барнвельт посмотрел на север, но по-прежнему не сумел с полной уверенностью определить, где находится парус вождественного плота. Однако общее направление было известно, и Барнвельт рассчитывал достаточно точно выйти на него, почаще оглядываясь назад. Поселение сунгарцев сливалось отсюда в темную неровную линию над южной стороной горизонта, но Барнвельт засек в качестве ориентира плавучий склад, который вырисовывался еще достаточно отчетливо.

— Как ноги? — поинтересовался он.

— Хоть тут и не паркет в зале танцевальной, пока что терпимо.

— Ладно, тогда пошли.

Они вновь устремились сквозь водоросли. Гроздь лун повисла уже совсем низко, и Барнвельту показалось, что он видит на востоке какое-то неясное свечение, широким клином выбивавшееся из-за горизонта. Через некоторое время оно угасло — должно быть, это и был тот самый излюбленный поэтами «призрак утра неверный». Он продолжал то и дело оглядываться на полузатопленный корпус и далекий блокшив.

Луны опустили еще ниже, а небо на востоке, похоже, на сей раз по-настоящему порозовело. Когда пропали из виду самые маленькие звездочки незнако-

мых созвездий, в отдалении четко прорисовался потрепанный парус плота.

Поскольку цель была уже совсем близка, Барнвельт прибавил шаг, страстно желая поскорей забраться на плот и скинуть с ног надоевшие доски. При этом он вырвался вперед, и Зей, которую он поволок за собой, взмолилась:

— Не *так* быстро, заклинаю!

Барнвельт повернул было голову, чтобы ответить, и в этот самый момент лыжи уехали из-под него куда-то вперед. Нахлынувшая вода с плеском и бульканьем накрыла его с головой.

Прежде чем он успел вынырнуть на поверхность, что-то резко стукнулось ему в спину, и он запутался в чьих-то конечностях. Он сразу понял, что произошло: оказавшись у него за спиной, а не сбоку, Зей не сумела противостоять натягу веревки и, когда он свалился в промоину, была увлечена туда вслед за ним.

Наконец он сумел поднять голову над водой, сорвал с шеи обернувшуюся вокруг нее на манер мехового воротника длинную прядь терпалы и принялся вылезать. Это оказалось посложнее, чем он думал, поскольку лыжи постоянно цеплялись за водоросли и сковывали движения. Когда в конце концов ему удалось подобрать под себя ноги и ухватиться за весло, он боком выполз из промоины и помог Зее, натягивая веревку.

Когда она выплонула изо рта половину моря Банжао и отдышалась, то заметила:

— Надеюсь, господин мой, что не сочтешь ты излишней назойливостью напоминанье, что и тебе иногда полезно под ноги смотреть!

Он стыдливо ухмыльнулся:

— Не хвались, на рать идучи, как выражаются у нас в Ньямадзю. Слава богам, мы почти на месте.

Когда стало посветлее, он понял, почему провалился. Они уже приблизились почти к самому краю сун-

гарского материка, где в слое водорослей зияли многочисленные прорехи. А впереди, за плотом, они вообще не представляли собой единое целое, а плавали отдельными желтовато-коричневыми лоскутьями самого разного размера.

В конце концов они влезли на плот и с одновременными вздохами облегчения уселись на сбитые между собой бревна. Барнвельт отвязал лыжи и занялся креплениями своей спутницы. При первом же прикосновении она дернулась, а когда он снял веревки и куски парусины, то увидел, что ноги у нее в нескольких местах стерты до крови.

— Великий Кондюр! — испугался он. — Это же, наверное, жутко больно! Что же ты ничего не сказала?

— А зачем? Все равно не смог бы ты нести меня на себе по сей зыбкой дороге из тины плавучей, а жалобы мои лишь зазря отвлекали бы тебя от задачи твоей нелегкой.

— А ты, видать, не плакса, — заметил он, стаскивая сапоги и выжимая носки.

— Спасибо уж. — Вдруг она расхохоталась. — Ой, посмотрите-ка на ноги свои!

В усиливающемся утреннем свете он увидел, что те покрыты затейливыми синими разводами от полинявшей курьерской униформы.

Потянувший предрассветный ветерок заставил Барнвельта застучать зубами.

— Бр-р! — поежилась Зейя. — А я-то почти высохла после первого купанья! А ну-ка скидывай одежду свою промокшую и позволь мне отжать ее как следует. Иначе в сырости такой вовек ей не высохнуть.

Подкрепляя слово делом, она мигом выскользнула из своего эфемерного наряда и отжала его за бортом плота. Прошлое Барнвельта, прочно гнездящееся в округе Чатагуа, решительно заявило о себе, залив ему щеки ярким закатным румянцем, в то время как Зейя вела себя с непосредственностью годовалого младенца.

Деловито завесив свои причиндалы на уцелевших ряях плота, она обратилась к Барнвельту:

— Что же удерживает господина моего от действий? Иль уродства какого стыдишься ты в членах своих?

Барнвельт молчаливо повиновался.

Когда он снимал куртку, из-под нее выпало письмо Шиафази. Он скомкал его и швырнул за борт. Теперь оно все равно было ни к чему и могло лишь вызвать ненужные сложности, пробудив любопытство королевы Альванди относительно того, с чего это вдруг сунгарцам так понадобились ее друзья из Ньямадзю.

— Если к этим твоим волдырям добавится еще и солнечный ожог, ты и шагу ступить не сможешь, — заметил он. — Может, сорвем этот старый парус и укроемся... Хотя нет, лучше его пока оставить, иначе Часк нас не найдет.

— А ежели корабль твой не появится?

— Чего-нибудь придумаем. Может, у меня получится сходить ночью обратно в поселение — стащу чего-нибудь поесть и снасти, чтоб вооружить этот плот или построить новый. Хотя, по-моему, это не совсем жизненная идея.

— О, столь расторопный герой, как ты, с любыми обстоятельствами управится! А между тем неплохо было бы и подкрепиться, ибо разгулялся у меня чудовищный аппетит.

— Да где же я тебе возьму тут еду?

— Но при выдающихся способностях твоих наверняка выдумаешь ты некий способ хитроумный...

— Спасибо за комплимент, милочка, но даже я не всесилен. И нечего смотреть на меня таким голодным взглядом! Это напоминает мне о зверских обычаях твоей родины.

— Да прекрати ж, наконец, усмешки свои и оставь в покое сию тему! Вовсе не я оный обычай выдумала! И не волнуйся, пожалуйста, что в отношении тебя

строю я планы людоедские, ибо, подобно шомалу скаковому, одни в тебе жилы да кости!

Он зевнул.

— Пока мы тут ждем, стоит чуток поспать. Давай заваливайся, а я подежурю.

— Но разве не следует ли тебе отдохнуть первому? На долю твою выпала самая тяжелая...

— Спать! — гаркнул Барнвельт, ощущая очередной приступ мужского превосходства.

— Хорошо-хорошо, господин благородный, — пробормотала она, кидая на него воинственный взгляд.

Он уселся на палубе, спиной к мачте, обводя глазами горизонт. При этом ему то и дело приходилось отвешивать себе чувствительные щипки и шлепки, чтобы не задремать ненароком. Высохнув, морская вода оставила на коже множество крохотных крупинок соли, отчего та жутко зудела. Почесывая бритую голову, он обнаружил, что на ней проклюнулась основательная щетина. Надо было в темпе придумывать, чем ее сбрить, иначе его некришнитское происхождение очень скоро стало бы совсем очевидным.

— О Сньол! — возвала Зея жалобным голоском. — Слишком замерзла я, чтобы заснуть!

— Ну иди сюда, я тебя погрею, — не подумав, ляпнул Барнвельт и тут же об этом пожалел. Быстрым кошачьим движением Зея поднырнула ему под правую руку и пристроила голову у него на груди. Она действительно вся дрожала от холода.

— Так-то лучше, — удовлетворенно пробормотала она, улыбнувшись ему.

Да неужели, — подумалось Барнвельту, в душе которого две стороны его натуры — осторожный, расчетливый делец и здоровое молодое животное — тут же сцепились в смертельной схватке. Кровь гулко застучала у него в висках.

На сей раз делец одолел.

— Извини, — буркнул Барнвельт, решительно поворачиваясь к Зее спиной и протягивая руку к своей одежде, которая свисала с вант.

Она была еще влажной, чего и следовало ожидать при столь близком соседстве с водной поверхностью. Тем не менее, он напялил на себя непросохший костюм, бросив через плечо:

— На веревке наши шмотки в жизни не высохнут. А если их надеть, тепло тела их со временем высушит. Тебе, пожалуй, тоже лучше одеться.

— Уф! — вздохнула она, вертя в руках порядком потрепанную тунику. — Ну ладно, как скажешь, господин мой.

Она через голову влезла в свое полупрозрачное одеяние.

— А теперь изволь-ка опять согреть меня, ибо зубы мои начинают стучать, будто кастаньеты танцора балхиского!

Они опять устроились у основания мачты. Луны зависли уже у самого горизонта — в самом скором времени должно было показаться солнце. Зее довольно вздохнула и улыбнулась Барнвельту. И прежде чем он осознал, что такое творит, он склонился над ней и поцеловал.

Она ни оттолкнула его, ни ответила на поцелуй. Вместо этого на лице ее было написано неподдельное изумление и растерянность. Наконец, она выговорила:

— Ужель сие и есть тот земной обычай, «поцелуем» именуемый, о коем знаю я только из слухов?

— Ну да. А он что, еще не дошел до Кириба?

— Говорят, что повесы отдельные в наших краях уж вовсю его практикуют, хоть никто из круга нашего придворного пока мне его не показывал. Верно ли, что средь землян это нечто вроде приветствия, что свидетельствует о любви и почтении?

— Так меня, по крайней мере, уверяли.

— Чудесно! Можно и должно, чтоб подданные верные любили особ династии царствующей! Так что, дражайший Сньол, яви доброту свою еще разок, дабы доказать свою преданность трону!

В голове у Барнвельта мелькнула мысль, что у слова «любить» довольно много значений, но уступил просьбе. Зея, как он обнаружил, демонстрировала исключительные способности совершенствоваться с практикой.

В висках у него опять застучало. Барнвельт-Здоровое животное, сбитый было с ног, опять поднялся и вцепился в Барнвельта-Дельца. Последний взмолился: ради всех богов, Дирк, опомнись! Если ты будешь продолжать в том же духе, а она не станет противиться — что просто однозначно, — это может стоить тебе головы! погоди, вот уладишь все дела и проблемы, связанные с нынешним предприятием...

Барнвельт-Животное никаких аргументов не выдвигал, да это было ему и ни к чему. Пользуясь явным превосходством в грубой силе, он повалил Барнвельта-Дельца на ковер. Ко всему прочему он выяснил, что частичное прикрытие прелестей Зеи ничуть не уменьшило его желаний, а скорее, еще больше их стимулировало.

Он поменял положение, поскольку придавленная Зеей правая рука у него начала затекать. В этот момент показавшееся вдали светлое пятнышко заставило его резко выпрямиться.

— В чем дело, дражайший мой друг? — забеспокоилась Зея.

Барнвельт неохотно высвободился из ее объятий и указал на крошечный белый треугольник, который поднимался на фоне светлеющего неба над западной стороной горизонта.

— Если не ошибаюсь, это парус «Шамбора»!

Он обвел Зею долгим, медлительным взглядом. Однако Барнвельт-Делец к тому моменту сумел вновь оказаться у руля. Барнвельт мрачно занялся утренней

зарядкой. Трухлявые доски древнего плота только поскрипывали под его отжиманиями и приседаниями.

— Чем это занят ты? — изумилась Зее. — Уж не ежеутренним ли поклонением утрюмым богам ньямским?

— Понимай, как знаешь. Просто слегка упражняюсь, чтобы... гм... усилить кровообращение. Хочешь, сама попробуй.

Наконец он остановился, тяжело отдуваясь.

— Слушай, мне тут пришло в голову, что, может, это вообще не наш корабль. Так что давай-ка лучше заяжем за мачтой, чтоб зря не светиться.

— А ежели это неприятели наши?

— Слезем в воду и будем молиться, чтоб фундаги нам чего-нибудь не отгрызли.

Под напором рассветного бриза парус стремительно рос. Когда он приблизился настолько, чтобы из их укрытия можно было разглядеть корпус, Барнвельт удостоверился, что это действительно «Шамбор». Однако он выждал еще немного, пока не углядел на руле Часка, после чего вскочил, издавая вопли и размахивая руками.

Через несколько минут суденышко врезалось носом в водоросли и уткнулось в плот. Барнвельт помог Зее перелезть через фальшборт и вскарабкался следом.

Он мрачно уверял себя, что только редкостная удача позволила ему избежать вступления с принцессой в интимную связь, которая бог знает чем могла закончиться. Но в то же самое время еще одна, наименее практичная сторона его натуры — Романтичный Мечтатель Барнвельт — тихонько шептала: ах, но ты же все равно ее любишь, и вовсе не как верный подданный царственную особу, вовсе нет! И когда-нибудь, наверное, вы все равно с ней как-нибудь, где-нибудь соединитесь. Когда-нибудь. Когда-нибудь...

Когда Барнвельт с Зеей перелезли через фальш-борт, Часк позвал на руль кого-то из матросов и прошел вперед, восклицая:

— Да это же сама властительница Зея! Морские боги и впрямь благоволили предприятию нашему!

Перед принцессой он опустился на колено, а Барнвельту крепко пожал большой палец, сам в этот момент очень похожий на какого-то коренастого морского божка.

Барнвельт приветствовал остальной экипаж взмахом руки и ухмылкой:

— Здорово, ребята!

Матросы, которые сидели на веслах и стояли у шкотов, молчаливо отвели глаза. Один или двое нерешительно улыбнулись, остальные же, похоже, были настроены более хмуро. Барнвельт с неприятным холодком в животе вспомнил, что так и не успел наладить с ними прежних отношений, с тех пор как отверг их требование свернуть экспедицию.

— Угодно ли вам, — подал голос Часк, — чтоб направились мы к проливу Палиндос со всею возможной быстротою, капитан?

— Именно так!

— Есть, сэр! Табань!

Вскоре они окончательно выбрались из водорослей.

— С правого борта впереди гребите... Теперь все разом — навались! Шкоты набивай... Руль на ветер... А теперь гребите во всю мочь свою, покуда галеры

сунгарские нас не заметили! Курс на северо-запад. Круче к ветру держать!

Он опять повернулся к Барнвельту.

— Что приключилось с вами, сэр, и где тот юный чудак, что сопровождал вас?

— Пошли с нами в каюту, — предложил Барнвельт.

Пока Барнвельт, распотрошив шкаф с медикаментами, смазывал бальзамом и бинтовал ноги Зее, Часк собрал им перекусить и выложил свою историю.

— В общем, стояли мы у причала спокойно, покуда к нам не пришвартовалась другая посудина, с коей высадился отряд пиратов и взошел по трану на большую галеру. А потом вдруг узрели мы, как один из наших матросов прыгает с оной галеры прямо в воду и к нам на борт лезет, с криками, что все пропало и надобно нам удирать немедленно. Покуда медлили мы, не желая отваливать, пока хоть какая-то надежда оставалась, появились сунгарцы с клинками обнаженными, выкликая, что задержать нас potrebno.

Так что отпихнулись мы от причала, задержавшись чуток лишь для того, чтоб швартовы пиратской посудине обрезать и преследованию помешать. А потом погребли со всей мочи, побольше шуму по дороге устраивая, дабы помочь беглецам ускользнуть под покровом ночи. После схоронились за какой-то галошей огромной у самого края терпалы и слушали, как галеры шарят поблизости, нас разыскивая. С рассветом выбрались мы из сей норы и, кораблей сунгарских поблизости не узревши, двинулись к месту условленному во исполнение прощальных приказаний шкипера нашего.

— Хорошо, — похвалил Барнвельт. — Но почему вы не убрали парус, когда достаточно рассвело? Так и напрашивались, чтоб сунгарцы вылезли и прижали вам хвост!

— Того молодцы наши потребовали, не желая корабль продвигать одними лишь собственными силами. Насилу я угрозами да уговорами заставил их крюк этот сделать, дабы вас подобрать. — Часк направил

на Барнвельта обвиняющий взгляд, в котором ясно читалось: *«Именно вы развалили дисциплину на борту, так что я тут не при чем»*. — А теперь, капитан, все же поведайте, что приключилось с вами.

Барнвельт в разумных пределах изложил события прошедшей ночи.

— Когда, уже в каюте, мы обсуждали условия освобождения принцессы, я бросил дымовую бомбу. В возникшей неразберихе мы с Заккомиром закололи двоих пиратов. Главаря-осирийца мы загнали в угол и заставили пойти с нами и принцессой, приставив ему к ребрам мечи. Но судьба распорядилась так, что я наткнулся на одного человека, с которым уже встречался раньше, далеко от Сунгара. Узнав меня и прекрасно зная, что никакой я не курьер, он поднял тревогу. В результате нам пришлось спешно удирать. Заккомир отвлек внимание преследователей, чтобы мы с Зеей могли скрыться в другом направлении, и в итоге мы добрались до плота прямо по водорослям, привязав к ногам доски.

— А у юного щеголя оказалось побольше отваги, чем я думал. Что же случилось с ним в конце концов?

— Не знаю. А теперь скажи, почему матросы такие мрачные? Я-то думал, они будут рады нас видеть.

— На то целых две есть причины. Во-первых, ежели извините вы мою прямооту, не по душе им сей вояж, поскольку стоил он уж жизни четверем — пяти, коли считать Заккомира. Понимаете, сэр, многие храбры как йеки, в родном порту плаванья задумывая отчаянные, да настоящим опасностям в лицо заглядывая, тише воды, ниже травы делаются — точно Кур-храбрец в песне матросской. И хоть считаю я, что главнейшая наша опасность уже позади, побаиваются они все же, что опустится им на плечи тяжелая рука Сунгара, прежде чем окажутся они в безопасности.

И второе: средь нас — сей юный Занзир, который ненавидит вас смертельно за то, что опозорили его пред товарищами, коим хвастался он отношениями с вами приятельскими. К тому же, родом он из Катай-

Ягурая, где ни званий нету, ни титулов и где впитал он мысли вредоносные о равенстве всех людей. Так что вбил он в башку себе, будто жизнь повелительницы моей Зеи — сам я ничего такого не имею в виду, госпожа — будто жизнь ее весит не больше на весах богов в мире загробном, чем жизнь моряка простого, и что выкупать ее за четыре иль пять их собственных — не более чем убийство и притеснение. А посему экипаж, им подстрекаемый...

— Что?! — вскричала Зея с набитым ртом.

— Не подумайте обо мне дурно, владычица моя...

Прожевав, она сумела проговорить:

— Ни единого огреха не вменяю я тебе в вину, любезный Часк, просто изумлена я до глубины души воззрениями подобными. Сие либо вдохновенные помыслы гения, либо бред безумца!

— Как бы там ни было, законом они почитают в Катай-Ягурае...

— А почему ты ничего не предпринял в отношении этого малого? — спросил Барнвельт, прерывая то, что грозило вылиться в семинар по обществоведению. — Всем известно, что на морском корабле нечего разводить демократию!

Про себя Барнвельт признал, что несколько покривил душой. Он и сам начинал с установки, что такая демократия как раз возможна, и по-прежнему считал, что и в точке зрения Занзира есть рациональное зерно. Погибших уже не воскресишь, а потом, всех честно обо всем предупреждали и в плавание они пустились по собственной воле.

— Возьму на себя смелость, сэр, — заметил Часк, — напомнить вам собственные ваши указания, отданные при отплытии: никакой «жестокости», вы сказали. Так что время для действий решительных, коими язва сия могла быть вскрыта, уже минуло, тем более что Занзир старательно держится от меня подальше с наиболее фанатичными приверженцами своими...

— Сэры! — завопил вдруг матрос, засовывая голову в дверь каюты. — У нас на хвосте галера!

Они поспешили на палубу. Утреннее солнце действительно высвечивало на горизонте парус, между ними и уже едва различимым Сунгаром. Барнвельт вскарабкался на мачту. С высоты бейфута под парусом можно было различить и корпус, нос которого был нацелен прямо на них, и ряды весел, что вздымались и опадали у бортов. Со своего наблюдательного пункта обнаружил он и еще один, более удаленный парус.

Он слез вниз и обвел взглядом палубу. Юный Занзир, который в этот момент сжимал руками первое от носа весло с левого борта, не без вызова посмотрел на него в ответ, словно чего-то ожидая.

Барнвельт позвал боцмана и Зею в каюту, отомкнул шкаф с оружием и вытащил себе с Часком по мечу, а Зее длинный кинжал.

— Теперь понял, что я говорил насчет паруса? Кстати, я далеко не готов поручиться, что наш юный идеалист не попытается на нас напасть, когда сунгарские корабли подойдут поближе, чтобы сдать потом в обмен на собственную свободу.

— Сие вполне вероятно, — согласился Часк, — хотя честные моряки смертельно боятся сунгарцев, почитая их не за людей, но за механизмы бездушные, оживленные злодейским волшебством того чудища, что сим болотом правит.

— Ну что ж, если кто сделает хоть одно неверное движение, закалывай безо всяких разговоров и выкидывай за борт, — решил Барнвельт. — Теперь можешь

опираться на *собственные* взгляды в вопросах дисциплины.

Часк наделил Барнвельта некоторым подобием улыбки, хоть от открытого ликования и воздержался.

— А теперь, — объявил Барнвельт, — я займусь курсом, если ты мне поможешь.

Он повернулся к Зее.

— Лучше бы тебе переодеться во что-нибудь более... гм... морское. Эта твоя тюлевая драпировочка уже по швам расплзается.

Отперев рундук, он достал оттуда кришнитский вариант свободных матросских штанов из грубой негнушейся парусины, после чего разложил на столе карты и углубился в работу. Катившая с севера крупная зыб валяла «Шамбор» достаточно прилично, чтобы превратить навигационные расчеты в довольно неприятное занятие. Когда Барнвельт закончил, Часк заметил:

— Ежели вскорости не поменяем мы галса, окажутся сунгарцы в такой позиции, что от пролива нас отрежут.

— Тогда давай делать поворот, — отозвался Барнвельт. Опасаясь обжечь на солнце свой голый скальп, он напялил уже изрядно помятый серебряный шлем и вновь вышел на палубу.

Свежеющий с каждой минутой северный ветер косо сносил вдоль палубы срывающиеся с носа пенные брызги. Вода то и дело захлестывала в весельные порты. На такой высокой волне гребцам уже не удавалось сохранять размеренный ритм, приходилось постоянно делать паузы между гребками, подняв весла повыше и ожидая в подходящий момент команды загребного: «Навались!»

Барнвельт еще раз поднялся на мачту, крепко цепляясь за перекладыны вант, чтобы не слететь при внезапном рывке. В снастях гудел ветер, потрескивали тросы, а парус крепко и упруго надулся на рее. Преследующая галера за кормой хоть и приблизилась, но испытывала, похоже, те же трудности. Время от вре-

мени Барнвельт видел, как у носа ее вскипает пена, когда она зарывалась в волну. Будучи крупнее, зарывалась она сильнее «Шамбора», который отыгрывался, как поплавок. Галера, как теперь он сумел разглядеть, была двухмачтовая, с большим гротом впереди и маленькой бизанью на корме.

Как только Барнвельт спустился вниз, Часк скомандовал:

— По местам стоять!

Боцману пришлось снять несколько человек с весел, иначе народу было маловато, чтобы справиться с парусом при таком ветре.

— Руль на подветер! Травить брас и шкот! Отдать ванты!

Наблюдая за этим запутанным маневром, Барнвельт опасался, что внезапный шквал может порвать парус, который теперь развевался впереди корабля, оглушительно хлопая и треща, словно огромный треугольный флаг, или что мачта, лишенная вант, свалится за борт. И в том, в и другом случае игра была бы окончательно проиграна. С довольно приличной скоростью их сносило вниз по ветру, несмотря на то, что гребцы изо всех сил табанили.

Палуба грохотала под ногами матросов, суетливо борющихся с парусом. Наконец, им удалось поставить рею вертикально и с воплями, кряхтением, всем весом повисая на концах замысловатых талей, перевалить ее на другую сторону мачты.

— Руль на ветер! Добирай шкот! Круче к ветру!

Рей опустилась в свое нормальное наклонное положение, но с обратной стороны мачты. Отданные мачты вновь натянули, и парус с гудением и потрескиванием наполнился ветром на новом галсе. Матросы вернулись на весла. Насколько все это было бы проще, подумал Барнвельт, с обыкновенным бермудским вооружением, когда все, что надо сделать, — это положить руль на борт и не забыть пригнуть голову, когда гик перелетает над палубой. Да и идти можно куда

круче по ветру. Он сомневался, что им удавалось держаться круче шести с половиной румбов. Даже земные парусники с прямым вооружением (если, конечно, такие еще остались) могли с равным успехом делать то же самое, да еще и поворачивали значительно быстрее.

Зея, которая стояла рядом с ним на юте, встревожилась:

— О Сньол, на что нам была сия эволюция? Не перережет ли путь нам корабль сунгарский?

— Под парусами нет. Ему придется лечь на тот же галс, что и нам, а от одних весел в такую болтанку толку мало. — Он хмуро оглядел небо, море и таке-лаж. — Если и впрямь здорово раздует, ему придется сматывать до дому, но и нам несладко придется. В шторм с таким вооружением поворот уже не сделать, и чтоб остаться на плаву, останется только спускаться по ветру, в результате чего нас вынесет напрямик обратно на Сунгар.

— А что если ветер окончательно стихнет?

— Тогда они нас тоже достанут. У них там человек сто на веслах, а у нас только четырнадцать.

Интересно, размышлял он, если они продержаться впереди галеры до вечера, удастся ли тогда ускользнуть в темноте? Наверняка нет, если все три луны будут сиять одновременно. Другое дело, дождь или туман, но при нынешней погоде не приходилось особо рассчитывать ни на то, ни на другое. А потом, с мачты «Шамбора» можно было по-прежнему различить парус второй галеры.

— Прошу прощенья, — выдавила Зея, — но чувствую я себя дурно и вынуждена удалиться... ул!

— Только с подветренного борта! — переполошился Барнвельт, указывая рукой.

Когда Зея уже спустилась вниз, чтобы прилечь, появился Часк.

— Капитан, есть еще один вопрос, который потребно бы обсудить нам с вами. Не взявши на борт воды

пресной в Сунгаре, рискуем мы в самом скором времени окончательно истощить наши запасы. А, понимаете ли, гребцам при эдакой гонке без воды никак, ибо быстро выходит она из них вместе с потом.

— Воду отпускай строго по норме, — распорядился Барнвельт, наблюдая за галерой, которая тоже быстро меняла курс, как только «Шамбор» пошел ей наперерез.

Матросы, словно муравьи по соломинкам, уже ползли по реям на обеих мачтах галеры, притягивая паруса сезнями. Хотя и обладая некоторым опытом работы с парусами на высоте, Барнвельт был все же рад, что не болтается сейчас над морем вместе с ними, оседлав рею, словно объездчик дикого скакуна, и отчаянно вцепившись в парусину.

Мало-помалу паруса съезжились, притянутые к реям. Потом реи опустились на палубу. Галера пересекла кильватер «Шамбора» и продолжала тянуть на север. Барнвельт решил, что преследователи пытаются набрать высоту и уменьшить отрыв до того, как вновь поднимать паруса, поскольку трудности осуществления поворота с латинским вооружением растут прямо пропорционально размерам паруса и для галеры могут оказаться даже более обременительными, чем для маленького «Шамбора».

Обреченный выкручиваться исключительно при помощи парусов, Барнвельт в этот момент много бы отдал за компактную газовую турбинку «Эллис-Чамберс» или «Майбах», установленную в корме, с которой они со свистом долетели бы до пролива Палиндос, не обращая внимания ни на ветер, ни на погоду.

Долгий кришнитский день тянулся невыносимо медленно. Барнвельт спустился в каюту, поспал и побрил голову морской водой, иначе бронзоватый цвет волос и бороды очень скоро выдал бы его происхождение. Матросы ворчали насчет недостатка воды, но сразу затыкались, когда Барнвельт проходил мимо с рукой

на рукояти меча и весьма решительным выражением на лице.

Потом к ним занесло какое-то летучее существо — очевидно, сбитое ветром с курса, которое опустилось на один из тросов такелажа. Походило оно на небольшую безволосую обезьянку с крыльями летучей мыши. Чтобы хоть как-то убить время, Барнвельт сманил его с этого насеста, и к концу дня оно уже кормилось у него с руки.

Наступил вечер. Зеленоватое небо оставалось чистым. На западе, позади галеры, успевшей еще приблизиться и тяжело пахавшей воду под вновь поставленными парусами, садился ярко-красный Рогир. Паруса галеры маячили на его фоне черными силуэтами. Высыпали звезды, сверкая с небывалой для этих туманных широт яркостью и блеском. Барнвельт отыскал среди незнакомых созвездий Солнце — на звездной карте Региона Восемь, в котором располагались цети-ческие планеты, находилось оно почти на одной линии с Арктуром. Над горизонтом поднялась гроздь из трех лун: самой большой под названием Каррим, средней Голназ и маленькой Шеб — словно три медведя, подумал Барнвельт, где сам он в роли Лютика.

Ветер слегка закис. Глядя на север, Барнвельт отчетливо представил себе раскинувшуюся там, над морем Садабао, зону высокого давления, из которой к югу, в сторону Сунгара, растекаются плотные потоки холодного воздуха.

— Сколько может продержаться такой ветродуй? — спросил он у Часка.

Боцман воздел руки, что у кришнитов заменяло пожатие плечами.

— Может, день, а может, четыре-пять. Стихнет он в одночасье, оставив море сие зловонное в спокойствии на долгое время. Радоваться надо, если дотянем мы хотя бы до той полосы, где западные ветра преобладают.

Гребцы выбивались из сил, даже несмотря на то, что матросов на «Шамборе» хватало на две полные вахты. Однако галера не приближалась: должно быть, и там гребцы порядком вымотались.

— Как бы там ни было, — сказал Часк, — вряд ли попытаются они напасть на нас в темноте. Суденышко вроде нашего гораздо шустрее крутиться да уворачиваться способно. А пулять из катапульта да самострелов в ночи, даже при свете лунном — только снаряды попусту тратить. Не пойти ли вздремнуть вам чуток, капитан?

Барнвельт уже размышлял, не стоит ли ему самому присоединиться к гребцам, хоть и сознавал, что Часк этого не одобрит. Вдобавок он не был уверен, поднимет или опустит его такой шаг в глазах экипажа. Предыдущая попытка стать с ними на одну доску, похоже, ничем хорошим не закончилась.

К тому же он сомневался, что его мускулы послужат таким уж серьезным подспорьем к гребной мощи «Шамбора». Хоть он и был тут самым высокорослым и довольно сильным по местным представлениям, поскольку родился на Земле с ее несколько большей силой тяготения, но никак не мог похвалиться налитыми плечами и мозолистыми ручищами профессионала. В конце концов он последовал совету Часка и отправился спать, чтобы через некоторое время сменить боцмана на палубе.

Всю ночь галера, темный расплывчатый силуэт, обведенный снизу призрачным свечением воды под форштевнем и ударами весел, висела у них за кормой. Света ни на одном судне не зажигали.

В конце своей второй вахты, когда долгая ночь начала понемногу сдавать свои позиции, Барнвельт разбудил Часка и сказал:

— Я тут вот что подумал: будь у нас другой тип парусного вооружения, мы бы запросто сделали этих ребят.

— Что за вооруженье, капитан? Имеете вы в виду нечто, в полярных краях порожденное? Менять оснастку в разгар погони столь лютой, даже коли задумка ваша некое преимущество нам сулит, — чистейшей воды безумство по разуменью моему, ежели простите вы мне прямоту столь откровенную. Да к тому времени, как оснастка ваша новая завершена будет...

— Знаю, но взгляни. — Барнвельт указал туда, где под лучами рассветного солнца розово отсвечивали паруса галеры. — Они нас настигают, а по моим расчетам, к проливу мы подойдем не раньше полудня. При таком раскладе нам однозначно не уйти.

— Уверены ли вы в сем, капитан?

— Да. Вообще-то говоря, мы здорово залезли на запад, так что придется еще раз скрутить поворот. В результате мы пройдем у них перед носом на таком расстоянии, что доплюнуть будет можно.

— Положенье и впрямь не из легких, сэр. Что же делать?

— Сейчас покажу. Если мы заранее тщательно спланируем эту замену, а потом все вместе навалимся, то успеем перевооружиться как раз к тому моменту, когда они будут готовы нас сцапать. И лучше заняться этим прямо сейчас, пока совсем не раздуло и эти ребята не подобралась совсем близко.

— Из положенья отчаянного и выходы отчаянные, как присловье гласит нехавендское! Что следует учинить нам?

— Отбери пару ребят, которым можно доверять, и приведи в каюту.

Через полчаса замысел Барнвельта начал воплощаться в жизнь. Сам он был далеко не так убежден в его непогрешимости, насколько пытался убедить остальных, но всяк это было лучше, чем бессильно наблюдать за галерой, которая подкрадывалась к ним с неотвратимостью морского прилива.

А задумал он не больше не меньше, как преобразовать существующее латинское вооружение в бермудское, иначе еще называемое «Маркони».

Первым делом один из матросов прошелся вдоль нижней шкаторины паруса, проделывая в ней через равные промежутки небольшие отверстия. Другой тем временем нарезал бухту тонкого троса на короткие шкертики такой длины, чтобы ими можно было в один виток обернуть толстое дерево рей, которой предстояло теперь служить в качестве мачты. Когда все было готово, Часк переложил руль и нацелил нос «Шамбора» на ветер. Парус заполоскал, и гребцы, которые сразу почувствовали, что помощи от него нет, посильней навалились на весла.

Галера, где заметили этот маневр, тоже привелась, полоща парусами. Барнвельт с холодком в спине осознал, что теперь она может двинуться по гипотенузе равнобедренного треугольника им наперерез, поскольку от ветра уже ничего не зависело.

— Парус долой! — завопил Часк, и огромная рея полетела вниз, вытянувшись во всю длину «Шамбора».

Матросы злобно заозирались на Барнвельта, и он заметил, как один из них покрутил пальцем у виска. Но боцман не дал им времени поворчать. Повинуясь сыплющимся друг за другом командам, они бросились отдавать ванты и выбивать клинья, которые раскрепляли мачту. Пока одни удерживали ванты на носу, в корме и по бортам, другие выдернули мачту из степса и поставили ее шпором на палубу сбоку от пяртнерса. Летучая тварь, с которой Барнвельт уже почти успел сдружиться, крутами носилась между ними и возбужденно побрякивала.

Тем временем матрос, который проделывал отверстия на нижней шкаторине, занялся тем же самым на задней, а его напарник спешно перерезал стропы, крепившие парус к рее. Потом все скопом, за исключением гребцов, навалились на рею, чтобы установить ее на место мачты. Повиснув на фале, они вздернули ее до топа старой мачты, которая временно использовалась в качестве подъемной стрелы, и завели толстым концом в пяртнерс. Высоченная рея, она же мачта,

угрожающе пошатнулась, матросы на вантах заорали, но толстенный комель в конце концов встал на место с громким стуком, потрясшим все суденышко, и был незамедлительно раскреплен клиньями. Затем, перекрепив ванты на рею и понемногу отдавая фал, они опустили бывшую мачту на палубу.

Галера, треща растравленными парусами, подползала все ближе и ближе. Барнвельт услышал едва различимый оклик, долетевший против ветра.

Когда новая, более высокая мачта оказалась на месте, они привязали короткую шкаторину паруса к бывшей мачте, пропуская трос через отверстия и спирально обматывая вокруг нее, теперь призванной играть роль гика. Потом принялись крепить к бывшей рее, ныне мачте, среднюю по длине шкаторину заранее заготовленными короткими шкертками, обхватывая ими рангоутное дерево и завязывая рифовыми узлами, так что получалось что-то вроде ряда веревочных колец. Когда все кольца были увязаны, матросы навалились на фал, поднимая парус.

— Живей, мошенники! — орал Часк. — Шевелись, шевелись!

С галеры донесся уже более громкий оклик. Оставалось только прикрепить так называемые «усы» — вилку, которая недавно соединяла мачту с реей, а теперь должна была заменить шарнир гика. Привязать ее надо было так, чтобы мачта, ныне гик, могла свободно поворачиваться, но в то же время не болталась.

На галере хлопнула катапульта. Черная точка стремительно выросла в свинцовое ядро, которое дугой пронеслось над водой и плюхнулось в воду в паре длин весел от «Шамбора».

— Иди-ка в каюту, принцесса, — сказал Барнвельт Зее.

— Я не трусиха. Место мое...

— В каюту, кому сказано!!! — Когда он удостоверился, что она послушалась, то повернулся к Часку: — Как думаешь, пойдет такое крепление?

— Думаю, выдержит, капитан.

Рядом что-то резко свистнуло, будто кто-то взмахнул кнутом. Барнвельт даже инстинктивно зажмурился. На носу галеры он увидел какого-то типа, вздымающего тяжелый самострел. Вторая стрела прожужжала еще ближе.

Однако казавшаяся нескончаемой работа по перевооружению «Шамбора» похоже, была завершена.

— Крепи фал! — крикнул Часк.

Парус безвольно повис, лениво похлопывая. Сейчас и должно было решиться, имел ли замысел Барнвельта право на жизнь. Ему совсем не понравилась чрезмерная гибкость новой мачты, но отступить было уже поздно. Он взлетел по ступенькам на ют и выхватил румпель из рук рулевого.

Вновь глухо щелкнула катапульта. Снаряд пронесся мимо Барнвельта, чиркнул по палубе и с треском оторвал кусок левого фальшборта. Гребцы пригнулись, вразнобой задирая весла, когда он прогремел у них над головами. Нос галеры, облепленный людьми, маячил уже совсем близко.

Барнвельт резко положил длинный румпель на правый борт. «Шамбор» послушно отозвался, нос его покатился влево. Ветер разом разгладил складки на парусе и наполнил его. Как только парус забрал, «Шамбор» резко накренился, принимая воду в левые весельные порты и вновь сбивая с ритма гребцов, но тут же выпрямился, как только Барнвельт слегка отработал рулем назад.

Жужжание арбалетных стрел время от времени перемежалось упругими хлопками, когда они насквозь пробивали туго натянутый парус. Со своего места Барнвельт углядел в нем уже две небольшие дырочки. *«Только б они не начали рваться! — подумал он. — Парус и так непонятно на чем держится со всеми этими нашими дырками без люверсов!»*

Часк, расставив по местам матросов, поднялся на ют и встал рядом. Вскоре он заметил:

— Чудится мне, что отрываемся мы, сэр!

Барнвельт оторвал взгляд от паруса, чтобы торопливо оглянуться на галеру. Да, она и впрямь чуть-чуть уменьшилась... или он просто принимал желаемое за действительное?

Вновь послышался звук сработавшей катапульты. Барнвельт краем глаза заметил пролетающее совсем рядом ядро. Устремилось оно напрямик в мачту. Не хватало еще, чтобы все пошло насмарку из-за одного удачного выстрела!

Снаряд почти слился с мачтой... и миновал ее в каком-то волосе, с треском стукнувшись в крышу каюты и отскочив в море. За ним опять последовал посвист арбалетных стрел, одна из которых вонзилась в дерево совсем рядом с рулевым и осталась торчать под острым углом.

— Перешли они к навесной стрельбе, ибо прямой наводкою в нас уже не попасть, — заметил Часк. — Еще мгновение, и ускользнем мы от обстрела окончательно.

Следующий выпущенный из катапульты снаряд плюхнулся уже за кормой «Шамбора». Мало-помалу они вырывались вперед. Барнвельт, все еще натянутый, как струна, бросил взгляд назад. На галере, сочтя одну греблю недостаточной, опять возились с парусами.

Однако с каждой минутой становилось все более очевидным, что «Шамбор» под управлением Барнвельта, рука которого не отрывалась от румпеля, а взгляд — от паруса, дабы выжать из новой оснастки все возможные градусы крутизны, идет по меньшей мере на румб ближе к ветру, чем его преследователи. Таким образом, суда оказались на расходящихся курсах. Через некоторое время галера оказалась на траверзе «Шамбора», но слишком далеко вниз по ветру, чтобы представлять какую-то опасность.

Барнвельт дождался, пока галера не показала свой профиль целиком, после чего резко переложил руль. Ни секунды не медля, «Шамбор» перевалил на другой

галс. Галера стала быстро уменьшаться в размерах, поскольку теперь они с ней вообще шли в разные стороны. Барнвельт видел лихорадочную суету на палубе галеры, но к тому времени, как латинские паруса удалось перестроить на другой галс, она была уже слишком далеко, чтобы разглядеть подробности.

Когда солнце поднялось повыше, галера отстала настолько, что провалилась за горизонт по самые весла. Однако кто предполагал, что преследователи в бессильном гневе уберутся домой, тот был весьма разочарован. Неспособная поспеть за быстрыми и короткими поворотами Барнвельта, галера продолжала упорно брести за ними на веслах.

На «Шамборе» тоже не бросили гребли, хотя Барнвельт передал распоряжение сократить число гребцов до восьми, чтобы те отдохнули. Ему показалось, что события последнего часа вновь несколько подняли его в глазах экипажа.

Только теперь он почувствовал, что здорово проголодался. За эти сумасшедшие сутки он практически ничего не ел, и его животное «я» начало заявлять по этому поводу бурные протесты. Он передал румпель Часку и направился в носовую каюту, рассчитывая перекусить в компании Зеи.

— О капитан! — слышался вдруг чей-то голос, и перед ним выросли трое матросов, в числе которых, естественно, находился и неутомонный Занзир.

— Да?

— Когда дадут нам воду, сэр? — спросил Занзир. — Мы умираем от жажды!

— Следующую порцию получите в полдень.

— Но мы хотим сейчас, капитан. Иначе мы не можем грести. Вы ведь не откажете нам, верно?

— Я уже сказал, — рассердился Барнвельт, повышая голос, — что воду вы получите только в полдень. И когда вам в следующий раз вздумается ко мне обратиться, попросите сначала разрешения у Часка.

— Но, капитан...

— Хватит! — зарычал Барнвельт, бешенство которого еще больше подогревалось осознанием того факта, что развал дисциплины частично был вызван его собственными просчетами. Он устремился дальше, слыша позади бормотание, из которого уловил лишь отдельные слова: «...ишь, император какой выискался...»

— Что печалит капитана моего? — поинтересовалась Зейя. — Вид у тебя кислый, как у Карара, когда надул его король Ишка!

— Сейчас все будет в порядке, — заверил Барнвельт, плюхаясь на рундук. — Не соберешь ли чего пожрать, подруга? — (Это, конечно, была далеко не лучшая форма обращения к коронованной особе, но он слишком устал и вымотался, чтобы такие мелочи его особо заботили.) — То есть если ты, конечно, чего-то соображаешь в стряпне.

— А почему бы и нет? — отозвалась она, роясь в шкафу.

— Уау! — зевнул он. — Ну, ты ведь у нас принцесса, знатная особа и все такое прочее...

— Умеешь хранить тайны трона?

— Угу.

— Так вот, матушка моя властительная, напутанная революциями, кои уже, к прискорбию всеобщему, нарушили порядок законный в Замбе и еще кое-где, заставила меня с прилежаньем изучить искусство ведения домашнего хозяйства, дабы я, на случай происшествия подобного, не пребывала в растерянности относительно того, как накормить себя да одеть. Любишь ли ты фрукты сушеные? Кажется мне, что черви не успели еще расположиться в них на постой.

— Класс. Дай-ка еще вон ту буханку бадра и ножик.

— Иерархия небесная! — воскликнула она, когда увидела, в какой кусище он впился зубами. — Да уж, и впрямь деянья героические с героическим же аппетитом идут рядом! Всю жизнь мою читала я легенды про Карара да присных его и, не зная никого, помимо слабосильных щеголей наших местных, к мысли при-

ходила — пока с тобою не повстречалась, — что люди такие крепкие лишь в сказаньях да песнях существуют!

Барнвельт стрельнул в Зею подозрительным взглядом. Хотя из всех знакомых кришнитов она нравилась ему больше всех, от влезания в более серьезные области отношений он все же предпочитал воздерживаться.

— Тогда, — заметил он, — тебе, наверное, не очень-то улыбается стать королевой, раз в год берущей в мужья эдакого свежепокрашенного кирибца?

— Тут верно ты подметил. Но даже и недолюбливая сей обычай, видно, то ли силою, то ли коварством не располагаю я должными, дабы вспять повернуть ход событий устоявшийся. Одно дело толковать, подобно героине «Конспираторов» Хариана, о забвеньи удобств да преимуществ титула ради любви, и совсем другое — на деле так поступить. И все же завидую иногда я простым девицам в краях варварских, что выходят за головорезов вроде тебя, кои помыкают ими, как мать моя своими консортами. Ибо, хоть владычество женское и есть закон и обычай кирибский, боюсь, что по натуре своей совсем я не владычица.

Барнвельт представил себе было революцию в Кирибе, с Зеей в роли «Большевистской императрицы» Шоу, но усталость окончательно взяла свое.

— Ао, — позвал он, — теперь положенную мне порцию воды, и хорош.

— Но ты же капитан, и...

— Только положенную порцию!

— Экая скрупулезность! Можно подумать, родился ты средь республиканцев Катай-Ягурая!

— Не совсем так, хотя я сочувствую их идеям.

Он прикрыл ладонью зевок и вытянулся на рундуке, пока она убирала со стола.

Следующим его осознанным ощущением было, что Часк изо всех сил трясет его за плечо.

— Сэр, — твердил боцман, — ветер стихает, и галера опять настигает нас!

Барнвельт, моргая глазами, сел. Только сейчас он заметил, что качка и впрямь стала поменьше, а шум ветра и волн — потише.

Он вышел на палубу. С севера по-прежнему катила зыбь, в которую они то и дело глубоко зарывались носом, но волны были пологие и гладкие, не подернутые даже рябью. Ветра хватало только на то, чтобы парус сохранял свою форму. Часк уже вновь усадил на весла полную вахту гребцов.

Галера позади маячила приблизительно на том же расстоянии, что и тогда, когда Барнвельт уходил в каюту. Вне всякого сомнения, «Шамбор» после этого должен был оторваться еще сильнее и успел потерять отрыв, когда стих ветер. Больше того — вдали опять показалась вторая галера, которую они видели днем ранее. Пока, правда, можно было разглядеть в основном мачты, если только «Шамбор» не подбрасывало повыше волной.

В безветрие галеры должны были достать их через самое короткое время. Впереди не имелось ни единого признака северных берегов моря Банжао. Солнце, однако, стояло еще высоко — должно быть, недавно перевалило за полдень.

— Прикажи им еще навалиться, — распорядился Барнвельт.

— Гребцы делают все, что могут, — возразил Часк, — но недостаток воды лишил жилы их обычной силы.

Результаты определения координат показали, что, хотя пролив Палиндос на виду еще не показывался, вход в него должен лежать не так уж далеко за горизонтом. Согласно тщательным расчетам, они могли успеть проскочить в пролив прямо перед носом у преследователей.

Часк при этом заметил:

— Да, мы и впрямь попадем в море Садабао раньше, но что в том проку? Сии головорезы не отстанут от нас до самого причала дамовангского!

— Верно, — согласился Барнвельт, хмуро разглядывая карту. — А что если ткнуться в берег и удрать в лес?

— Тогда они тоже пристанут к берегу, дабы охоту на нас устроить, и, поскольку тьма народу у них, чтоб лес прочесать планомерно, нет сомнений у меня, в чью пользу охота сия завершится. Что бы еще предпринять нам?

— Хорошо, а если крутануться за какой-нибудь мыс и спрятаться в бухточке, пока нас не будет видно?

— Взгляните сюда, сэр, — Часк ткнул своим козявым пальцем в карту. — Побережье восточное моря Садабао — вот оно — сплошь усеяно скалами, и трудно подойти к нему, пробоину не получивши. На западном тоже скалы, голые открытые берега и очень мало мест, где спрятаться возможно. На северной оконечности Фоссандерана, может, и впрямь бухточки такие отыщутся, да только в жизни не заставите вы моряка простого на остров сей проклятый высадиться.

— Да брось ты! Они что, так боятся этих мифических зверюдей?

— Сие не миф, капитан. По крайней мере, сам я не раз слышивал звуки, кои, говорят, барабаны демонов сих производят. Миф то или нет, люди все равно не подчинятся.

Барнвельт вновь вышел из каюты, чтобы услышать хор хриплых воплей: «Воды! Воды, капитан! Воды, заклинаем! Мы требуем воды!»

Галера между тем подкралась еще ближе. Ветер теперь стих окончательно, за исключением отдельных легких дуновений. Парус безвольно похлопывал, напоминая Барнвельту предсказание Часка относительно долгого затишья.

Он распорядился выдать матросам полуденную порцию воды, которая, как он надеялся, должна была их слегка успокоить. Однако они заворчали еще пуще, жалуясь на ее скудость.

Галера теперь была видна целиком. Весла ее вздымались и опадали с размеренностью автомата, поскольку море было относительно спокойным. Вторая галера тоже приблизилась.

— Земля! — выкрикнул впередсмотрящий.

Он не ошибся — над горизонтом действительно поднимались поросшие лесом вершины холмов Фоссандерана. Крылатый дружок Барнвельта тоже их углядел и тут же улетел на север.

Барнвельт спустился обратно в каюту, чтобы внести поправки в координаты, и проложил курс к восточному проходу. Зея наблюдала за ним огромными темными глазищами, не проронив ни слова.

Он еще раз торопливо пробежал свои расчеты. На сей раз выходило, что галера должна опередить их у самого входа в восточный канал пролива. Чего тогда стараться? Только, разве что, в обычной надежде на чудо. Вдруг на галере в последний момент откроется течь или вспыхнет мятеж...

Какая жалость, что западный проход был недостаточно глубок для «Шамбора», иначе удалось бы заманить галерею на мель!

Ну-ка, ну-ка, а так ли это? При полнолунии всех трех лун сразу на Кришне должны быть рекордные приливы. А поскольку обычно приливы на здешних

морях невелики, по причине ограниченных размеров самих морей и сложной зависимости от взаимного положения Рогира и всех трех лун, в данном случае приливные волны должны попасть в одну фазу и вызвать прилив вполне земных масштабов.

Барнвельт торопливо вытащил справочник, который купил в Новоресифи. При виде его ему сразу вспомнился Визгаш бад-Мурани, кришнитский приказчик, который продал ему эту книгу. Тот самый Визгаш, который пытался на пикнике отдать его в лапы банды то ли похитителей, то ли убийц, который потом, в обличье джентльмена в маске, затеял скандал в ясмурианской таверне и который, наконец, обернулся сунгарским пиратом и камня на камне не оставил от тщательно разработанного Барнвельтом плана бежать с Зеей и Штайном.

У Барнвельта теперь не было никаких сомнений, что все эти события связаны между собой. Он был уверен, что сунгарцы взяли его под колпак с того самого момента, как он сошел с трапа «Амазонки» в Новоресифи. Он ухмыльнулся при мысли, что та самая книга, которую продал ему Визгаш, и могла оказаться средством, способным расстроить все хитроумные планы не в меру шустрого кришнитского мафиози.

Книга вместе с остальным снаряжением Барнвельта изрядно промокла, когда он провалился в промоину в ходе пробега сквозь терпалу. Разлеплять страницы — вернее, длинную цельную полосу бумаги, сложенную зигзагом — пришлось осторожно, чтобы они не расползлись под пальцами. Однако, будучи все же раскрытой, книга оказалась источником просто-таки бесценной информации. Содержала она не только таблицы для расчетов эволюций всех трех лун, но и отдельную диаграмму, которая показывала, насколько приливные волны, вызываемые каждым из светил, опережают или запаздывают относительно его перемещения в различных местах.

Мажбур, Ясмуриан, Сотаспи, Дюр... Ага, вот и прилив Палиндос. Барнвельт даже присвистнул, когда выяснил, что прилив, вызываемый Карримом, отстает от самой луны на какой-то кришнитский час, а приливы Голназа и Шеба — и того меньше.

— Часк! — завопил он.

Хотя Часка явно одолевали сомнения, он не мог не признать, что им ничего не оставалось, кроме как попытаться счастья в западном проходе, особенно если получится попасть туда незадолго после полудня. Именно тогда, а еще сразу после полуночи, должно было наступить время самого высокого прилива.

«Шамбор» взял левей и пополз к западному проходу, а галеры потащились следом за ним. Чем дальше они продвигались по зеркально-гладкой воде, тем выше поднималась из-за горизонта земля. Вначале казалось, будто остров является частью материка, но потом, когда они еще больше приблизились, открылся и искомый проход.

Галеры по-прежнему неумолимо сокращали дистанцию. Барнвельт с содроганием обернулся. Неужели опять придется уворачиваться от тучи стрел и ядер?

Послышался голос кого-то из гребцов!

— Без толку сие, капитан! Мы уж окончательно вымотались!

К пораженческому хору присоединялось все больше матросов:

— Зацапают они нас много раньше, чем достигнем мы убежища...

— Давайте лучше сдадимся на условии...

— А ну-ка заткнитесь, вы там! — прикрикнул Барнвельт. — Я вырублю любого, кто...

В этот момент один из матросов — не Занзир, а какой-то малый постарше и покрупнее — обратился к экипажу с открытой речью:

— Сей капитан надменный плевать на всех на нас хотел — заботит его лишь шлюшка эта коронованная! Давайте-ка бросим их рыбам, и...

Барнвельт в самом начале этого спича вытащил меч и направился к оратору. Тот, заслышав его приближение, развернулся на каблуках и схватился за нож. Кое-кто из экипажа последовал его примеру.

Барнвельт преодолел два оставшихся шага бегом и, прежде чем бунтовщик успел замахнуться, огрел его по голове плоской стороной меча. Матрос отлетел вбок и через дыру в фальшборте, оставленную неприятельским снарядом, свалился за борт. Бултых!

Барнвельт вовсе не намеревался убивать зачинщика, собираясь только оглушить его. Но ему пришлось все же проявить твердость: остановиться, чтобы подобрать его, они все равно не могли, а сомневающиеся теперь будут знать, что он не бросает слов на ветер. Единственно он сожалел, что это был не Занзир, который наверняка и заварил всю эту кашу за спинами товарищей.

— Есть еще желающие? — поинтересовался он.

Никто не ответил. Он прошелся взад-вперед по проходу между скамейками, приглядываясь к гребцам. Одного, который, на его взгляд, сачковал, он шлепнул по голой шее плоской стороной меча.

— А ну навались!

Я и капитан Благ, подумал он про себя.

Гроза, похоже, миновала.

— Часк, становись на руль, — скомандовал Барнвельт. — Поставь двоих на нос бросать лот. Я полез наверх... Ох-хо-хо!

— Что такое, сэр?

— Да у нашей новой оснастки нет выбленок. Дай-ка мне молоток, несколько костылей и моток веревки.

Через некоторое время Барнвельт, за спиной которого побрякивало все это хозяйство, уже карабкался на мачту. Дело это оказалось нелегким, поскольку зацепиться можно было разве что за веревочные кольца, крепившие переднюю шкаторину к мачте, а опору они представляли собой крайне ненадежную. Преодолев где-то две трети мачты, он вбил в нее пару костылей и перекинул через них взятый с собой трос,

который завязал простейшим беседочным узлом. Пусть с некоторым риском и неудобствами, но теперь он, по крайней мере, мог оценить глубину впереди по изменению оттенка воды. Сзади доносились постукивание и плеск весел галеры.

— Возьми левей! — крикнул он вниз. — А теперь чуть вправо. Так держать...

В любой момент суденышко могло коснуться дна, в результате чего он рисковал слететь вниз. Он без устали высматривал на густой зелени воды более светлые пятна. Легкое приливное течение, потянувшее через пролив к северу, подталкивало «Шамбор» вперед.

Обнаружив достаточно глубокий проход, он кинул взгляд за корму. Галера все приближалась, следуя точно в кильватере, а в паре хогов позади нее двигался однотипный корабль. Крики матросов, бросавших лот с носа галеры, долетали до «Шамбора» эхом донесений его собственных лотовых — разве что цифры назывались разные.

Барнвельт сосредоточился на сомнительном участке, где бледно-зеленые разводья, казалось, совершенно перекрыли им дорогу.

Внезапно до слуха его донесся настоящий взрыв ликования:

— Они на мели! Пиратский корабль застрял!

Ха, подумал он, его план и впрямь сработал! Но все же он не отваживался пока оторвать взгляд от воды впереди. Вот по-дурацки бы вышло, если он заманил пирата на мель только затем, чтоб через минуту сесть самому!

Толчок мачты возвестил, что они тоже коснулись грунта.

— Навались! — заорал он. — На волос вправо!

Весла глубоко зарылись в воду, и «Шамбор» выскочил на свободу. Впереди раскинулась такая густозеленая вода, какую можно было только пожелать.

Барнвельт испустил продолжительный вздох облегчения и снова обернулся назад. На галере лихорадочно табанили, вспенивая воду вдоль бортов. За нею вторая

галера, повинувшись флажным сигналам, взяла правей и показалась в профиль, направляясь к востоку.

Барнвельт предположил, что второй корабль получил приказ идти в обход восточным каналом и пытаться перехватить «Шамбор» в море Садабао. Так что можно было не рассчитывать безмятежно плыть до самого Кириба, будто все заботы остались позади. Стоит второй галере засечь их в открытом море, как они окажутся в той же переделке, что и раньше, причем ни на мелководный пролив, ни на спасительный северный ветер рассчитывать уже не придется.

В чем «Шамбор» сейчас действительно нуждался, так это в каком-нибудь неприметном местечке, где можно было бы пополнить запасы пресной воды. Матросы не преувеличивали своей усталости. Собственная глотка Барнвельта больше напоминала нечто выкопанное из египетской гробницы. И если его экипаж по суеверным соображениям боится высаживаться на Фоссандеране, то наверняка стоит ждать того же и от пиратов.

Часку он сказал:

— Право на борт, и давай ищи какую-нибудь бухточку на северной оконечности Фоссандерана, куда может впадать ручей или речка.

— Но, капитан...

— Рули куда сказано!

Часк, покачивая головой, развернул суденышко к востоку. Когда они оказались в водах моря Садабао, севшая на мель галера уже скрылась за мысами Фоссандерана. Ветерок опять слегка посвежел. Идя в полветра, они ходко покатали вдоль скалистых, поросших деревьями берегов.

Где-то через кришнитский час Барнвельт сказал:

— Вот там, по-моему, подходящее место — в такой ложбине наверняка должен быть ручей.

— Только не говорите потом, что не предостерегал я вас, сэр, — вздохнул Часк, поворачивая суденышко к берегу.

И сразу же матросы, которые заметно попритихли с того момента, как бунтовщик оказался за бортом, разразились бурными протестами:

— Еще чего, на острове!

— Капитан наш безумный тащит нас в самое прибежище демонов!

— Мы пропали!

— Он, видать, и сам демон!

— Куда угодно, только не сюда!

— Охотней без воды мы обойдемся!

Барнвельт вновь решительно повернулся к ним, но особого действия это не возымело — гребцы едва обмакивали весла в воду. Впрочем, большой роли это уже не играло, поскольку ветер и так ходко увлекал их к берегу.

— Первый же, кому вздумается табанить без приказа, — пригрозил Барнвельт, — будет уже на том свете табанить. Зей ! Выходи. Мы высаживаемся на берег. Захвати ведра.

«Шамбор» потихоньку втянулся в крошечный заливчик, и вскоре ветки прибрежных деревьев заскребли по палубе и зашуршали в снастях. Часк распорядился опустить парус и бросить якорь, после чего торопливо устремился на нос. Барнвельт прыгнул с бака прямо в воду — ее было от силы по колено — и подхватил Зею, когда она перелезла через фальшборт.

— Свежая вода! — заорал он, указывая туда, где среди камней игриво струился жиденький ручеек, широко разливаясь по плоскому песчаному пляжу.

Матросы столпились на носу, один за другим прыгали в воду, пили и наполняли ведра для судовой цистерны, которые передавали по цепочке на палубу. Хоть он не меньше остальных страдал от жажды, из-за всей этой суматохи Барнвельт сумел напиться последним. Он с ухмылкой повернулся к Зее.

— Надо будет сказать старому Кванселю, что его любимые луны действительно спасли нам шкуры — только не всякими там оккультными астрологическими силами, а старой доброй силой тяготения!

Часк сошел на берег последним. Помахивая топориком, он подошел к Барнвельту и сказал:

— Не по нраву мне все это, капитан. Следовало бы высаживаться нам при оружии на случай появления зверочеловеков. Хотя при нынешнем настрое матросиков наших ошибкою было бы оружие им выдать. Но увы — испытываем мы еще и дров недостаток, и мыслится мне...

— Ну ладно-ладно, не занудничай, — перебил его Барнвельт. — Лично я пока не вижу оснований... Эй, что там происходит?

Словно сговорившись, все матросы кинулись обратно к «Шамбору» и суматошно полезли на борт. Прежде чем Барнвельт с Часком успели добежать до суденьшка, они разобрали весла и принялись неистово табанить, выбирая якорный конец. «Шамбор» пришел в движение.

Барнвельт с Часком успели ухватиться за якорь, прежде чем тот успел перевалиться через планшир и потянули его к себе, будто вдвоем можно было одолеть четырнадцать матросов, бешено навалившихся на весла. Внезапно натяжение конца ослабло, и Барнвельт с Часком шумно плюхнулись в воду. Кто-то додумался его перерезать.

Пока Барнвельт с довольно дурацким видом сидел в мелкой воде, «Шамбор» быстро удалялся под хихиканье матросов:

— Прощай навсегда, капитан!

— Целуйся таперича со своими демонами!

И Занзир, громче всех:

— Спасибочки за отличный корабль, капитан! Уж мы-то сыщем ему применение подходящее!

Бросаться за «Шамбором» вплавь смысла не было — он уже вышел задним ходом из бухты, поднял парус и нацелился носом на северо-восток, сильно подобрав шкоты. Вскоре он окончательно скрылся с глаз, бросив Барнвельта, Зею и Часка на сомнительном берегу острова Фоссандеран.

Надо было вырубить этого поганца, когда он еще в первый раз высунулся! — горевал Барнвельт.

Его очень беспокоило, что теперь станется с «Шамбором», вооруженным новой оснасткой, которую он намеревался еще до прихода в Дамованг переоборудовать обратно в старую, дабы избежать неприятностей со службой межпланетных перевозок за внесение на Кришну земного изобретения.

— И вдвоем не следовало на берег сходить, — добавил Часк. — Последнее было только моею оплошностью!

— Вместо того, чтоб рассуждать, кто тут виноват больше, — вмешалась Зейя, — нельзя ли чем-нибудь более полезным заняться, дабы дальнейшие наши шаги продумать?

— Принцесса — воистину кладезь мудрости! — воскликнул Часк. — Чем раньше мы сей остров проклятый покинем, тем раньше домой доберемся. По милости богов остался у нас сей топор и кусок конца якорного. Предлагаю, капитан, соорудить плот, стволы сих деревьев используя и веревку, дабы увязать стволы оные между собою. Тогда сумеем доплыть мы до западного материка, а оттуда к дороге пробраться, что из Шафа в Малайер ведет и не так уж далеко к западу отсюда пролегает.

— Этим обрывком мы свяжем от силы два бревна, — заметил Барнвельт. — Придется плыть верхом, как на айе.

Часк выбрал подходящее дерево и срубил его. Он еще отсекал от ствола глянцевиные ветви и сучья, когда из обступивших их со всех сторон деревьев донеслись жуткие крики и вопли.

Из-под прикрытия ветвей вырвался целый рой каких-то созданий, которые вприпрыжку понеслись к троице путешественников. Размерами и обликом они напоминали людей, если б не хвосты, головы, словно позаимствованные у земных обезьян-бабуинов, и густая шерсть вместо одежды. Они всю размахивали каменными топорами, дубинами и копьями.

— Бежим! — взвизгнул Часк.

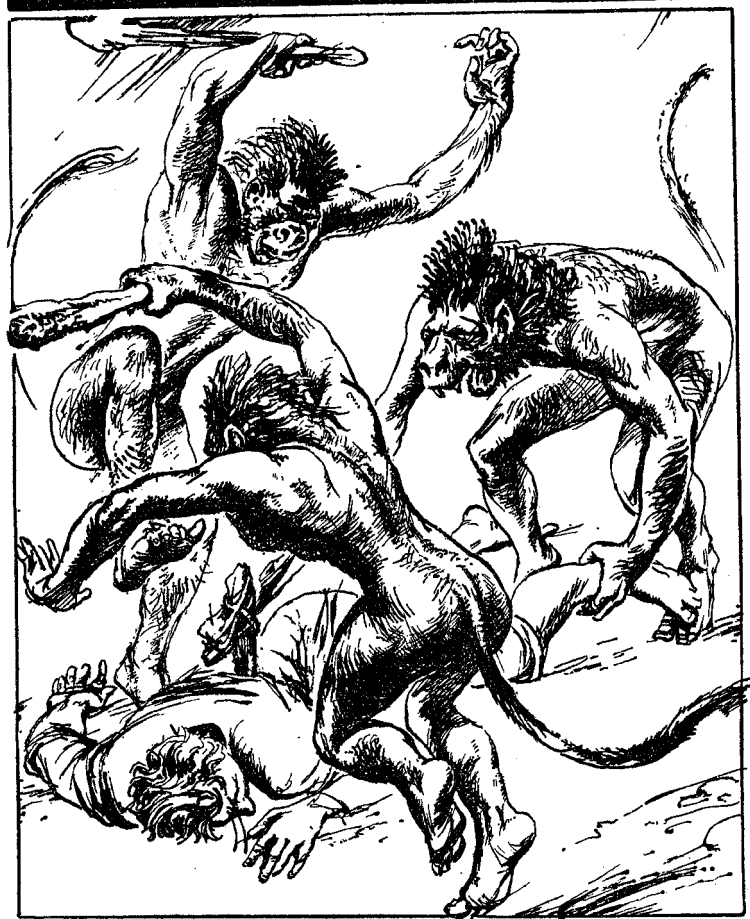
Все трое бросились к устью ручейка и повернули к западу вдоль берега. Берег здесь представлял собой изгибающийся полумесяцем пляж, который переходил в каменистую косу. Барнвельт с Зеей, будучи повыше Часка, вырвались вперед, пока они мчались по песку, преследуемые рычащими зверолоудьми. Барнвельт слышал, что их настигают.

Внезапно шум позади как-то странно прервался, что заставило Барнвельта бросить взгляд через плечо. То, что он увидел, наполнило его ужасом. Часк споткнулся о камень и упал. Прежде чем он успел подняться, зверочеловеки окружили его и заработали здоровенными ручищами. Барнвельт приостановился было и схватился за меч, когда вдруг понял, что Часк наверняка уже мертв под таким градом ударов дубин и копий, и возвращаться — только попусту рисковать жизнью.

Он побежал дальше. Оказавшись на косе, они долго прыгали с валуна на валун, пока перед ними не открылась еще одна короткая полоска песка.

— Ао, Зея! — позвал он. — Сюда!

В самом начале нового пляжика волны вымыли песок из-под огромного старого дерева, голые корни которого теперь нависали над водой, а ствол угрожающе накренился. Один хороший шторм, и дерево должно было неминуемо рухнуть в море, но пока пустота

под корнями представляла собой что-то вроде крошечного грота.

Беглецы с ходу ввинтились в этот грот, сразу приняв душ из грязного песка и огромного количества каких-то отвратительных ползучих многоножек. Одна из них провалилась Барнвельту за куртку и скреблась там, пока он лихорадочно хлопывал себя по бокам. В предсмертных судорогах тварь ухитрилась отщипнуть от живота Барнвельта довольно порядочный кусочек, отчего он неистово зашипел, стараясь не заорать в голос.

Когда они забились в самую глубь, то обнаружили, что берега оттуда уже не видно, поскольку корни плотным занавесом свисали с крыши их убежища, словно ус в пасти кита.

«Ладно, — подумал Барнвельт, — если мы ничего не видим, значит, и нас не видно. Только вот как там следы?» Между краем воды и собственно берегом, частью которого и было их дерево, пролежала только совсем узкая, не больше метра шириной, полоска мягкого сухого песка, и оставалось надеяться, что они на ней особо не наследили. Они съежились в своей норе, затаив дыхание и опасаясь даже пошевелиться, хотя тишина под корнями и так царила гробовая.

Шум, которым сопровождалось избивание Часка, понемногу утих. Мимо по мокрому песку — топ-топ, топ-топ — прошлепали босые пятки. Зверолоды перекликались между собой на каком-то непонятном наречии. Единственное объяснение, которое Барнвельт сумел придумать этой переключке, — это что они готовят нападение на пещеру. В любой момент он был готов снести с плеч первую же отвратительную бабуинскую башку, которая сунется в их убежище. Можно успеть задать им хорошего перцу, прежде чем...

Вскоре все звуки утихли вдали, не считая шипения прибоя и тихого посвистывания ветерка. Тем не менее беглецы продолжали сидеть неподвижно.

Барнвельт прошептал:

— Не хватало еще, чтоб они уселись снаружи в ожидании, пока мы сами вылезем!

Когда пробивающийся из-за корней свет заметно потускнел, свидетельствуя о наступлении вечера, Барнвельт углом рта пробормотал:

— Оставайся здесь. Я пойду на разведку.

— Будь осторожен!

— Нечего так вопить. Конечно, буду. Если к утру не вернусь, попробуй добраться до материка вплавь.

Он осторожно начал выбираться наружу, сантиметр за сантиметром, словно некий робкий моллюск, выползающий из своей раковины. Однако неприятелей не было ни слуху, ни духу.

Наступил отлив, и вода, которая чуть ли не заплескивала в их убежище, когда они в нем укрылись, теперь ушла на несколько метров. Барнвельт осторожно прокрался на место падения Часка. Песок там был весь изрыт и заляпан коричневой кришнитской кровью, которая широкой полосой стекла в воду, но тела видно не было.

Барнвельт прошел по многочисленным следам человекообразных до самого устья ручейка. В нескольких метрах вверх по течению, где лежало поваленное Часком дерево, он наткнулся на топорик боцмана, который лежал на дне, омываемый прозрачной водой. Он подобрал его.

Барнвельт двинулся вверх по течению, высматривая следы зверолоудей. Несколько раз ему попадались сломанные ветки и кровь, капавшая с их ноши, но травянистый дерн не хранил отпечатков ног, так что вскоре он окончательно сбился со следа. Как жаль, подумал он, что ему никогда не приходилось болтаться по джунглям на пару с опытным проводником-следопытом!

Покуда он пребывал в нерешительности, до слуха его донесся какой-то странный звук — некий разме-

ренный грохот, слишком резкий и звонкий для обычного барабана, но при этом и слишком гулкий для простого стука по бревну. Поначалу казалось, что доносится он со всех сторон одновременно. Но основательно покрутив во все стороны головой, словно антенной радара, он вроде уловил направление и полез по склону холма на юго-восток.

Где-то через час стало ясно, что источник звука находится совсем близко. Он вытащил меч, перехватил его поудобней и придержал рукой ножны, чтобы они невзначай не звякнули. Опустившись на четвереньки, он осторожно пролез в ложбину между сходящимися склонами и выглянул вниз, где и происходила некая таинственная деятельность.

На плоском пространстве, расчищенном от деревьев, вокруг костра плясали зверочеловеки, а один из них размеренно бил в барабан, сделанный из выдолбленного бревна. Вернее, как сумел разглядеть Барнвельт, это были действительно те, кого они приняли за зверочеловеков, обернувшиеся теперь обычными хвостатыми кришнитами — *Кришнантропус колофтус*, — такими же, как на Колофтских болотах или острове За. В момент нападения на них были резные звериные маски, которые они теперь сняли и развесили на сучьях вокруг поляны. И хотя жителей За можно было считать даже полудивилизованными, а уроженцы Колофта, по крайней мере, подчинялись микардандским властям, фоссандеранские представители этой породы сумели сохранить свои местные традиции во всей их первобытной дикости.

Над костром Барнвельт с упавшим сердцем, хотя и без особого удивления, узрел различные части своего бывшего боцмана, шипящие на вертелах. И хотя Барнвельт не сумел с уверенностью опознать некоторые органы — внутри кришниты куда меньше похожи на людей, чем снаружи, — сомнений относительно избегнутой ими участи у него не возникало.

Барнвельт с трудом проглотил вставший в горле комок и поспешно ретировался.

Вернувшись в убежище, Барнвельт сообщил:

— Я его все-таки нашел. Его уже едят.

— Какой ужас! — перепугалась Зея. — Такой достойный был человек! Что за скотский, отвратительный обычай!

— Обычай не из лучших, только разве он чем-то отличается от того, что у вас принято в Кирибе?

— Еще как! Не ждала от тебя я эдакой софистики богохульственной! Ибо одно дело церемония торжественная, высшими силами осененная, а совсем другое — грубое удовлетворенье аппетита плотского.

— Ну, это как посмотреть. Ладно, не будем спорить — надо поскорей выбираться отсюда. Вплавь это довольно далеко, и потом, что-то не хочется оставлять тут одежду и оружие...

— А почему бы тогда не докончить плот, что убитый друг наш и соратник начал?

— Потому что на стук топора они моментом сюда сбегутся. — Он втянул ноздрями ветерок. — Ветер поворачивает на северо-запад, а мы как раз на северо-западном берегу острова. Лес тут вроде сухой, а зажигалка должна работать.

— Ужель собираешься ты разжечь костер, дабы отвлечь хвостатых сих тварей от их занятия вдумчивого?

— Честно говоря, я собираюсь устроить самый обалденный лесной пожар, какой ты когда-либо видела. Подсоби-ка, подруга.

Еще с час они опасливо проштатались по берегу, собирая в кучи хворост и сухие сучья, пока цепь этих куч на добрую хогу не протянулась вдоль побережья, огибая устье ручейка. Там они оставили место, чтобы закончить плот.

Когда с этим делом было покончено, Барнвельт направился на восточный конец этой цепи и запалил крайнюю кучу зажигалкой. Когда она разгорелась, они с Зеей выхватили из нее по пылающему суку и побежали вдоль берега, поджигая одну кучу за другой. К тому времени, как они бросили сучья в последнюю, весь склон, что спускался к воде, превратился в ревущий ад. Пламя проворно перескакивало с дерева на дерево.

Барнвельт с красной от жара физиономией поспешно занялся плотом. Сделать оставалось не так уж много: разрубить поваленный ствол пополам, столкнуть полученные бревна в воду и связать их отрезком якорного конца. Потом он срубил молоденькое деревце и вытесал из его мягкого ствола пару грубых весел. Лопасты, конечно, вышли узковатыми, но на что-то получше не хватило бы и долгого кришнитского дня.

— Поехали! — крикнул он, перекрывая рев пламени, и воткнул топор в одно из бревен. Зея уселась на них спереди, опустив ноги в воду. Обувь они повесили на шею и погребли прочь от берега. Жар от пылающего склона нестерпимо жег им спины. Весь Фоссандеран казался либо ярко-красным от пламени, либо черным от дыма.

Толстые рукояти импровизированных весел оказались жутко неудобными. Барнвельт даже подумал, не лучше ли грести просто голыми руками. Как только они отошли от берега, каждая волна стала обдавать их с головы до ног, а когда выгребли достаточно далеко, чтобы повернуть к западу в сторону материка, плот стало угрожающе валять с боку на бок. Барнвельт опасался, что в любую секунду он окончательно перевернется и окунет их с головой в воду.

Метр за метром продвигались они вперед под заходящим солнцем. Когда они вползли в западный проход пролива Палиндос, высыпали первые звезды. Это было только кстати, подумал Барнвельт, поскольку с

того места, где они пересекали канал, сидящая на мели галера видна была просто как на ладони.

Застрявший корабль был со всех сторон увешан зажженными фонарями. Из-за отлива он перекосялся на один борт, выставив успевшее высохнуть пузатое днище. За ним темно-красным силуэтом в отблесках пожара на Фоссандеране маячила вторая галера. Между кораблями пучками протянулись слегка провисшие толстые канаты; ряды весел недвижимо покоились на воде.

Очевидно, предположил Барнвельт, вторая галера успела смотаться на море Садабао и либо перехватила «Шамбор», либо решила отказаться от преследования и вернулась, дабы снять свою незадачливую сестрицу с мели. Но исполнению этого замысла помешал отлив, и теперь они ожидали полуночи, чтобы попробовать еще раз.

Барнвельт со своей спутницей пересекли канал без всяких приключений. Когда все три луны поднялись над горизонтом — теперь уже не так кучно, как прошлой ночью, — плот с путешественниками мягко ткнулся в песчаную отмель, которая сбегала с материка в сторону пылающего острова.

Порядком закоченевший Барнвельт неловко слез с плота и подал руку Зее. Вытащив плот на берег и натянув сапоги, он принялся возиться с узлами, которые стягивали бревна.

— Что делаешь ты, о герой души моей? — изумилась Зейя.

— Трос снимаю.

— На что сдались тебе два обрывка старой веревки?

— А на то, дорогая моя Зейя, что в сложившейся ситуации нам пригодится все, на что только можно наложить руки. И мало что способно так понадобиться на природе, как самая обычная веревка.

Поддевая узлы ножом, Барнвельт в конце концов с ними справился. Таким образом, в руках у него оказались два куска троса где-то с большой палец толщиной и метра по два в длину. Прочее снаряжение включало в себя меч, кинжал, перочинный нож и зажигалку для сигар. Упрятанную в перстень камеру «Хаяши» он не считал, поскольку, с точки зрения выживания в безлюдной местности, никакой ценности она собой не представляла.

Сейчас он много бы отдал за компас или, по крайней мере, за примитивные кришнитские часы с единственной стрелкой, которые при нужде вполне сошли бы вместо компаса. В самом начале путешествия такие часы действительно лежали у него в кармане, но после купания в промоине посреди терпалы они безнадежно испортились, и он оставил их на «Шамборе».

Одну веревку Барнвельт обмотал вокруг пояса себе, а вторую Зее.

— Надеюсь, я правильно понял Часка, — сказал он, указывая на запад, — что если достаточно долго идти вон в ту сторону, то в конце концов выйдешь к дороге между Шафом и Малайером.

— Именно так — хотя ни дороги, ни даже тропки малой не наблюдая, не представляю я, как продеремся мы сквозь лес сей угрожающий.

— Ну что ж, можно для начала несколько хогов пройти по берегу полуострова, прежде чем углубляться на материк.

Сказать это, как оказалось, было куда проще, чем сделать. Берег был довольно каменистым и лишь кое-где перемежался крошечными песчаными пляжиками, которые уже заливал прилив. Лезть сквозь нагромождения камней и скал было делом настолько утомительным, что путники вскоре бросили эту затею и направились в глубь материка.

Здесь условия оказались ничуть не лучше. Деревья вдоль границы, до которой поднималась вода во время прилива, росли так густо, что продрасться сквозь чащу

можно было разве что верхом на биштаре. Чуть по-дальше от побережья листва у самой земли была пореже, и идти стало чуть легче. Однако наверху она оставалась настолько плотной, что практически не пропускала лунного света, в результате чего путешественники, пробираясь почти в полной тьме, то и дело спотыкались об упавшие стволы и проваливались в какие-то ямы.

Вокруг со всех сторон стрекотали, попискивали, шуршали и жужжали всякие мелкие ночные твари. Время от времени Барнвельт чувствовал на щеках прикосновения чьих-то крошечных крыльев. То и дело в отдалении от них с треском удирали сквозь кусты невидимые животные покрупнее.

Где-то после часа такой, с позволения сказать, ходьбы Барнвельт уловил журчание воды.

— А вот и ручей, — пропыхтел он вскоре. — Что... что скажешь, если устроим тут привал?

— Я... я только и ждала, когда передохнуть ты предложишь! Так уж устала я, что едва ноги волоку.

— Ты просто молодчина!

Для начала они напились. Потом, все исцарапанные, в синяках и укусах, рухнули на землю под большим деревом. Когда голова Зеи опустилась ему на плечо, Барнвельт собирался что-то сказать. Прежде чем он успел это сделать, оказалось, что она уже крепко спит

Ближе к утру Барнвельт проснулся, весь затекший, скукоженный, дрожащий от холода. Свежий ветерок шуршал листьями у них над головой. Все три луны уже завалились к западу, так что их косые лучи еще меньше проникали за полог леса. Зоя тоже пошевелилась, пролепетав:

— Я замерзла!

— Сейчас я этим займусь, — пообещал Барнвельт. — Пошли отыщем местечко поудобней, и я разведу костер.

— А не углядят ли его сунгарцы?

— Не думаю. Тут ведь полуостров, так что вряд ли им видна эта часть берега, откуда они смотрят. Прошу!

Спустившись вдоль ручейка в кустарник, окаймлявший побережье, он наткнулся на место, где некий трухлявый лесной великан, падая, снес несколько деревьев поменьше, отчего образовалась крошечная полянка. Здесь было уже достаточно света для его привыкших к темноте глаз, чтобы разобрать, где что. Собрав несколько веток, он наломал их на куски, сложил в кучку и вытащил зажигалку.

Зажигалка была очень похожа на земные, только куда более громоздкая и грубая, явно не промышленной выделки. Из-под колесика, которое он крутнул большим пальцем, вылетел сноп искр. Фитиль было занялся, но тут же мигнул и погас.

Барнвельт попытался еще и еще, но пламя так и не появилось.

— Вот черт! — произнес он с чувством. — Либо горючка кончилась, либо она подмокла, пока мы выгребали с острова. Посмотрим, нельзя ли поджечь щепки одними искрами.

После нескольких попыток он оставил эту затею и убрал зажигалку подальше, после чего сел, подпер подбородок руками и задумался. Через некоторое время он встал и принялся ощупывать и простукивать упавшие и еще живые деревья поблизости.

— Что делаешь ты, благородный господин мой? — поинтересовалась Зея.

— Собираюсь кое-что попробовать, только не знаю, что из этого выйдет. Дай мне, пожалуйста, ремешок от сандалий.

Время шло, а Барнвельт все рубил, строгал и складывал так и эдак какие-то непонятные деревяшки. Наконец ему удалось произвести на свет божий нечто вроде лучковой дрели и весьма грубую доску с ямкой на конце.

— Теперь поищи какую-нибудь гнилушку для трута — только посуше, хорошо?

Через некоторое время он уже водил своим луком взад-вперед, нажимая куском дерева с довольно грубо выдолбленным углублением на продетый в тетиву стержень. Все водил и водил, но ничего не происходило.

— А что... — начала было Зея.

— Волшебство, — проскрипел Барнвельт, — никогда не получится, если в радиусе десяти хогов от него болтает женщина!

Он продолжал водить луком взад и вперед. Небо на востоке понемногу светлело.

В конце концов, когда с неба одна за другой пропали звезды, дрель начала дымиться. Нижний конец стержня красновато засветился. Барнвельт осторожно подсунул туда трут, потихоньку подул и еще попилил луком. С едва слышным «поп!» над трутом проклюнулся крошечный язычок пламени, заворачивающе приплясывая над кучкой лесного мусора.

Барнвельт подсунул в него несколько щепочек, опасливо отодвинул в сторону свои приспособления, и вскоре уже вовсю потрескивал настоящий костер. Он с явным облегчением вздохнул и заметил:

— Слава богам, что когда-то я был бойскаутом!

— Кем-кем ты был?

— Да так, не обращай внимания. Черт, я волдыри натер. Я... А это еще что?

Откуда-то из темных глубин леса донесся продолжительный звериный рык, словно кто-то неумело провел смычком по самой толстой струне виолончели.

Зея отпрянула от огня.

— Охотящийся йеки!

— Это в смысле такой длинный бурый... — Барнвельт вытащил меч из ножен, напряженно всматриваясь в мрак между деревьями.

— Нужен костер посильнее, — объявил он наконец, подбрасывая дров.

Пламя ярко вспыхнуло. Но, хотя бдительности они не теряли и время от времени оглядывались по сторонам, тишину больше не нарушил ни один посторонний звук, за исключением плеска волн и шелеста листвы.

— А что это вообще за местность? — поинтересовался Барнвельт.

Зея задумалась.

— Пытаюсь припомнить я географию, кою изучала во младенчестве. Мыслится мне, что земли сии относятся к полуострову, Рахским именуемому.

— А что насчет местной фауны? На нас тут не наступит какой-нибудь дикий биштар?

— О нет, не думаю. Это в краях, более удаленных от западных берегов обжитых Тройственных морей — скажем, в Заманаке южном или Аурусе восточном, — целые стада сих огромных созданий бродят. Но, тем не менее, обитатели лесов побережья рахского тоже довольно опасны — вроде того, чей рык недавно ус-

лыхать мы сподобились, — она содрогнулась. — Будем надеяться, что удадь твоя сохранит меня от участи, коей весьма я страшусь, — быть сожранною йеки!

— Ну ладно, ладно. — Барнвельт приобнял ее, похлопал по спине и поцеловал. — Похоже, он убрался. А потом, знаешь, как говаривал сэр Дансени? «Не пристало бродягам отчаянным волноваться, кто сглохнет их кости!»

— Да кто это еще, во имя всего святого, за сэр Танзени такой? Бард какой-нибудь ньямский?

— Да что ты, это... Ой, ну конечно, это величайший из поэтов Ньямадзю. — Барнвельт внимательно огляделся. — Интересно, в этом проклятом лесу есть что-нибудь съедобное? Я сейчас бы целого айю съел вместе с седоком!

— Я тоже!

— Ладно-ладно, только не надо так на меня смотреть! Мне это слишком напоминает те взгляды, которыми твоя маманя одаривала беднягу Кая, когда его чуть не разделали и не подали к столу. На вот, держи мой меч — на случай, если появится какая-нибудь зверюга. Спускаюсь вниз, посмотрю, что нам может предложить море Садабао.

Продравшись сквозь кусты к воде, он забрел на мелководье и принялся шарить по усыпанному мелкими камешками песчаному дну. Через некоторое время он вернулся с двумя пригоршнями неких спиральных ракушек, очень похожих на земных улиток. Существа же внутри раковин, однако, перемещались на множестве коротких ножек, а не ползали на животе, как улитки.

— Как они по-местному называются? — поинтересовался он.

— Именуем мы их *сафга*. Говорят, в Сурусканде их едят, хоть у нас в Кирибе на них и вниманья никто не обращает.

— Хм. Знаешь первое правило употребления в пищу всякой незнакомой дряни? Съешь сначала немножко и жди, что произойдет.

— Ежели в Сурусканде их едят, должно быть, и впрямь они съедобны.

— Лучше не будем торопиться. Они могут быть другого вида или являться съедобными только в месяцы, начинающиеся на букву «х».

Одну из раковин он расколол рукояткой кинжала, отрезал от сидящего внутри резиноподобного существа кусочек и на заостренной палочке сунул в костер. В конце концов он отправил подрумянившийся, шипящий кусочек в рот.

— Хм, неплохо, если только ты в состоянии разжевать кусок старой автомобильной камеры!

— О каких таких камерах молвишь ты, мой добрый владыка?

— Пардон. Это такая ньямская шутка — непереваемая игра слов.

— А когда же и я заполучу свой кусочек? Ибо ароматы стряпни пробудили во мне аппетит чудовищный.

— Тебе придется ненадолго придержать свой чудовищный аппетит, пока не станет ясно, какой эта штукавина производит эффект. Если я начну кататься по земле, исходить пеной и посинею, на будущее имей в виду, что местный подвид сафги решительно возражает, чтоб его ели.

— Тогда, дабы быстрее пролетело время, желаю развлечься я рассказами о похождениях твоих. Поведай мне, к примеру, как удалось разбить тебе войско Ольнеги.

Не имея ни малейшего представления о вооруженных конфликтах между Ньямадзю и Ольнегой, Барнвельт предпочел обойти этот деликатный момент.

— Ой, это слишком долгая и довольно скучная история. Просто одна куча народу по уши в снегу отрывала головы другой куче народа, не в силах до-

думаться, что вся эта заморочка на потребу лишь личным прихотям предводителей. Лично я считаю свое посещение Новоресифи и путешествие оттуда в Кириб куда более захватывающими.

— Приходилось ли сталкиваться тебе с землянами лицом к лицу?

— Разумеется! Я даже довольно близко подружился с Куштаньозо — это главный земной полицейский. Там-то я и разжился этой проклятой птицей, которую потом презентовал твоей мамаше.

— Как же попало существо сие в Новоресифи, так далеко от планеты родной?

— Понимаешь, есть такой космотеистский миссионер, Мирза Фатах, который болтается между Цети-ческими планетами и везде проповедует свою веру... Кстати, ты не космотеистка, часом?

— Спаси меня Варзая, нет! Особам звания моего лишь почитанье Матери-Богини приличествует. Так как, говоришь, землянин твой прозывался?

— Мирза Фатах. А ты что, с ним знакома?

— Имя сие некие струны затрагивает в памяти моей... Но нет, знать я его не знаю. Заклинаю, продолжай!

— Так вот, этот Мирза, конечно, порядочный жулик, но и он получил свою долю неприятностей. При налете на поезд между Мажбуром и Ясмурианом у него убили жену с ребенком. Во всяком случае, недавно он опять прибыл сюда с этой сварливой птицей в клетке. Но медицинские власти в Новоресифи не разрешили ему взять ее с собой и потребовали оставить у них, чтобы убедиться, что она ничем не больна. Мирза ждать не мог, поэтому отдал ее одному из тамошних землян, и в конце концов я получил ее от Куштаньозо.

— Так ты не находишь землян жестокими, лживыми, надменными, вероломными и трусливыми негодяями?

Барнвельт поднял брови, а вместе с ними и приклеенные антенны.

— Нисколько. Земляне очень похожи на кришнитов. Среди них есть и хорошие, и плохие, и никакие, а в большинстве намешано и то, и другое, и третье. А что, так считают в Кирибе?

— Да, большею частью. Правда, лишь немногие осмелились бы руку поднять на землянина истинного, страшась могущества смертоносного, кое, согласно поверью, существа оные в глубинах космоса черпают и с великим коварством и злобою в ход пускают. Ежели приобретешь ты в Рулинди известность землянолюба, детишки станут камнями в тебя швыряться на улице.

Но, как бы там ни было, сама я воззрения подобные не исповедую и, хоть знакома с уроженцами земными лишь шапочно, вполне допускаю, что мнение, кое только что высказал ты, совсем недалеко от истины. Но придержала я колеса повествованья твоего, сударь, так что бери-ка вожжи и подстегни как следует упряжку айя размышлений своих!

Барнвельт рассказал о путешествии, которое они с Тангалоа — вернее, Тадджи из Вьютра, другим ньямцем — проделали вниз по реке Пичиде до шумного Мажбура, откуда на биштарном поезде доехали до Ясмуриана. Поведал о происшествии в ясмурианской гостинице, где его загадочный противник Визгаш, тот самый, который пытался подстроить ему ловушку в Новоресифи, затеял свару с соседом Барнвельта Сисшеном, ящероподобным уроженцем планеты Осирис — насколько мог судить Барнвельт, совершенно безобидным туристом.

Рассказал он и о попытке устроить на них засаду по дороге в Рулинди. Говорил он не торопясь, чтобы ненароком не выболтать какую-нибудь подробность, из которой стало бы ясно, что никакой он не Сньол из Плешча, а Дирк Барнвельт. Естественно, он и словом не обмолвился ни о своей жизни на Земле, ни о работе

преподавателем английской литературы до поступления на службу в «Игорь Штайн Лимитед»; никак не упомянул, что ввязался в эту экспедицию частично ради того, чтобы сбежать от чрезмерной материнской опеки.

— Живот не болит, — объявил он наконец. — Пожалуй, эти штуковины вполне безвредны. Держи свою порцию.

Слегка подкрепившись не слишком питательными дарами моря, они весь день пробирались на запад. Хотя Барнвельт постоянно высматривал что-нибудь пригодное в пищу, такового в рахских лесах, как видно, было не густо. В порядке эксперимента он съел несколько ягод, но попробовать какие-то мерзкие на вид, но наверняка съедобные ноздреватые наросты вроде грибов так и не отважился. Весьма соблазнительного вида оранжевый фрукт на поверку оказался набитым сухими семечками без единого признака какой-либо мякоти. Однако из его твердой, гладкой скорлупы получились две очень удачные посуды для питья.

К вечеру побережье полуострова стало так заметно уклоняться к северу, что Барнвельт сказал:

— Завтра, по-моему, надо уже окончательно углубляться на материк, если мы рассчитываем когда-нибудь добраться до дороги.

— Как же думаешь ты направлять стопы свои, когда удалимся мы от путеводного побережья? Ведь нету у нас стрелы мореходской.

— Сориентируемся по солнцу. С утра будем держать его точно за спиной, а к вечеру — впереди.

— А что же делать в полдень, когда Рогир животворный встает прямо над головой?

— Отведем это время для отдыха и поисков съестного. Никогда не думал, что дикарям так тяжело живется: вечно ищи, чего бы пожрать.

— Верно, любезный мой собеседник. Хотя будь мы истинными уроженцами лесов сих диких, наверняка знали бы множество съедобных вещей, кои в городском невежестве своем из виду упускаем.

— Вроде вон того, — кивнул Барнвельт на некую многоногую тварь, которая тут же юркнула под камень.

Он давно уже высматривал какой-нибудь ручей. Вскоре они действительно набрали на родник, который стекал в море Садабао у основания небольшого песчаного мыска.

— Остановимся здесь, — решил он. — Если на нас кто полезет, мы, по крайней мере, сможем рассмотреть, с кем имеем дело.

Они совершили еще одну скудную трапезу. Еще в самом начале перехода через Рахский полуостров Барнвельт поклялся держать свои руки подальше от Зеи. Любовные утехи на мягкой лесной подстилке могли закончиться так же, как у Аталанты с Меланионом: конечно, они не превратились бы во львов стараниями какого-нибудь оскорбленного до глубины души божества, но при столь долгом переходе последствия могли оказаться не менее фатальными. Не без некоторого облегчения он отметил, что благодаря усталости и жуткому чувству голода добровольное воздержание переносилось куда легче, чем он опасался.

Барнвельт отыскал дерево, которое усохло еще в юности, повалил и нарубил на поленья, и вскоре его лучковая дрель вновь вгрызлась в дерево. После некоторой тренировки добывание огня пошло более успешно, хотя он очень надеялся, что сухая погода продержится до той поры, когда они доберутся до дороги. В том, что у него получится добыть огонь трением друг о друга мокрых деревяшек, он весьма и весьма сомневался.

— По-моему, лучше спать по очереди, — сказал он. — Какие мы были дураки, что сразу до этого не додумались!

От холода и голода Барнвельт проснулся еще до начала своей вахты. Подняв взгляд, он обнаружил, что Зезя преспокойно спит, свернувшись калачиком под большим валуном. Он тактично ничего не сказал, а просто подбросил в костер дров и заступил на часы.

Ему не давала покоя одна логическая задача. Заключалась она в следующем: если тратить время на поиски пропитания в необходимом количестве, практически не останется времени на переходы. А если же питаться одними ягодами и сафгой, которые можно набрать часа за два поисков, с каждым днем они будут все больше и больше чахнуть. Таким образом, продвигаться к дороге они станут все медленней и медленней, пока окончательно не свалятся от истощения где-нибудь в лесу — не исключено, что и в каком-то полете стрелы от цели.

Если получится ухлопать какого-нибудь зверя покрупнее, еды должно хватить до самого конца. Но как? По пути они то и дело вспугивали всяких мелких животных, поедавших листву и корешки. Но таких животных можно было разве что подстрелить, скажем, из арбалета. Барнвельт очень сомневался, что они подпустят его на такое расстояние, чтобы можно было пустить в ход меч. Даже если сделать копье, привязав кинжал к длинной палке, все равно этого будет недостаточно. Что же до лука, то Барнвельт даже не представлял, с какого бока к нему стрелу приставляют.

Медленно тянулись часы; мерцающими роями по небу ползли звезды. Три луны, которые успели уже заметно отдалиться друг от друга, опускались за лес. Как только первые рассветные лучи розово окрасили небо на востоке, Зезя проснулась.

— Почему, вероломный ты тип, не разбудил ты меня в должный час? — возмутилась она, позевывая. — Верно, впала я в дремоту во время вахты своей

и за халатность сию строжайшего взысканья заслуживаю. В чем заключаться оно будет?

— Если ты... — начал было Барнвельт, чуть не ляпнув, чего ему действительно хочется, но вовремя прикусил язык. — Уп! Один маленький поцелуй, и будем считать, что мы квиты.

Пока она выполняла это пожелание, он даже руки сцепил, чтоб ненароком ее не сграбастать. Вдруг какой-то странный звук заставил его резко обернуться. Зея тихонько взвизгнула:

— Йеки!

Барнвельт суматошно вскочил на ноги, чуть не столкнув Зею в костер. У основания песчаного мыска, на котором они расположились на ночлег, притаился какой-то огромный зверь. Хоть было еще темновато, чтобы разглядеть его в подробностях, Барнвельт уже видел йеки в мажбурском зоопарке и прекрасно представлял, как он выглядит: хищник, ростом и весом не уступающий земному тигру, но раза в полтора длиннее, на шести относительно коротких ногах. Башка и лапы у него были, как у земного медведя или, только в куда более крупном масштабе, как у норки. Зверь был сплошь покрыт бурой лоснящейся короткой шерстью.

Йеки, подогнув все шесть своих коротких лап и почти касаясь брюхом земли, скользнул вперед, словно кот, охотящийся за канарейкой. Барнвельт выхватил из костра пылающую головню и швырнул в него. В йеки он не попал, но зверь отскочил вбок, цапнул в воздухе лапой и рыкнул, когда крутящаяся головня пролетала над ним. Потом он опять стал подкрадываться. Лихорадочно соображая, что бы такое предпринять, Барнвельт швырнул в него еще одним поленом.

— Они умеют лазать по деревьям? — пропыхтел он.

— Нет... Разве что детеныши, но только не взрослые йеки!

— Кидайся в него головнями и подбрось еще дров в костер!

Барнвельт поспешно подхватил верхушку молодого деревца, срубленного вечером. Остаток ствола вместе с ветвями оказался чуть повыше его самого.

— По-моему, вот-вот он бросится, Сньол! — тревожно проговорила Зея.

— Кидай, не останавливайся!

Барнвельт зажал верхушку деревца в левой руке и принялся торопливо обрубать ветки мечом — по одному быстрому, с оттяжкой удару на каждую.

Через несколько секунд он получил длинный прямой шест, который оканчивался похожим на оленьи рога ершом из сучьев, обрубленных в футе-другом от ствола и довольно острых.

— А теперь, — бросил он, — видишь вон то большое дерево? Ну где сучья почти у земли?

— О да!

— Сейчас мы на него залезем.

— Но как, ежели зверь сей ужасный отрезал нам путь к нему?

— Сейчас увидишь. Бери топор и не высовывайся у меня из-за спины.

Держа в левой руке горящую головню, а в правой импровизированную рогатину, он осторожно двинулся навстречу йеки. Зверь, который никак не ожидал от своей добычи подобного поведения, отпрянул на шаг и встал на дыбки, оставшись на двух задних парах лап. При этом он весьма злобно рычал и ворчал.

Барнвельт, напряженный, как тетива, ткнул ему в морду рогатиной и замахнулся факелом. Зверь хрипло заорал, исходя пеной, и цапнул пучок сучьев передней лапой.

— Проваливай! Кыш! — завопил Барнвельт, вновь тыча его рогатиной.

Зверь по-рачьи отодвинулся вбок, пытаясь обойти торчащие сучки. Барнвельт старался этого не допустить, поворачиваясь вслед за ним и выставив факел. Йеки угрожающе рыкнул и подобрался для прыжка, но Барнвельт скакнул вперед и ткнул его прямо в глаза. Зверь отпрянул, содрогаясь всем телом и оглашая лес хриплым визгом.

Дюйм за дюймом он теснил хищника вбок. Каждый раз, когда тот готовился к прыжку, Барнвельт опере-

жал его и заставлял отступить. Наконец, ему удалось оказаться между йеки и спасительным деревом. Зeya держалась у него за спиной. Он прекратил орать на зверя, чтобы гаркнуть девушке:

— Лезь на дерево! Быстро!

Она повиновалась. Пятясь спиной вперед, он вслед за ней отступил к стволу и швырнул пылающую головню йеки в башку. Ветка стукнула зверя по носу, отчего тот бешено подскочил и вздыбился, хватая воздух передними лапами.

Барнвельт полез на дерево, цепляясь за ветки одной рукой, а другой сжимая рогатину. Преодолев первые несколько сучьев, он бросил свое деревянное оружие и полез уже быстрее.

Йеки неистово взревел, подскочил к дереву и, встав на задние лапы, во всю длину вытянулся вдоль ствола. Барнвельт успел отдернуть ногу как раз в тот момент, когда жуткие челюсти щелкнули в каком-то дюйме от каблука.

— Мамочки! — выдохнул он, пристраиваясь на суку рядом с Зеей. — В жизни так не пугался!

— О мой герой! — вскричала Зeya, удушая его поцелуями. — Да как же храбрец такой и говорить может о страхе!

— Если б ты знала, что происходит внутри героев, дорогая, даже когда они спасают девиц прекрасных от чудищ ужасных! Интересно, скоро ли наш друг внизу устанет нас поджидать? — Он ткнул пальцем в йеки, который все еще сидел под деревом и поглядывал вверх с весьма обнадеженным выражением на морде.

— Покуда не ослабнем мы от голода и жажды или не уснем, свалившись прямо в пасть его ненасытную.

— Тогда он просчитался. Отмотай с пояса веревку и привяжись вон к той ветке. Я же говорил, что она пригодится!

Надежно привязавшись веревками к дереву, они расположились на суку в надежде пересидеть хищника. Правда, йеки, похоже, никуда не спешил.

Зея сказала:

— Как посетила тебя мысль светлая простой рогаатиною чудище кровожадное отвратить?

Барнвельт хихикнул.

— В моих краях так дрессируют зверей для представлений перед публикой. Когда укротитель йеки находится в клетке со своими зверями, то всегда держит под рукой легкий стул, чтобы держать их подальше, если они вдруг забудут, кто тут главный, и полезут на него. Мимо ножек им никак не пробраться, а просто отнять стул, видно, ума не хватает. Так вот, когда эта холера навалилась на нас, я зациклился на том, что нужен стул. А поскольку никакой мебели под рукой не оказалось, пришлось искать замену.

Зея вздохнула.

— Сказки, кои рассказывают о доблести генерала Сньола, видать и впрямь былью являются. Скажи, а есть ли у тебя гарем из ньямских девиц сладострастных, как, говорят, полагается человеку заметному в далеких твоих краях?

— Да что ты, и одной-то не успел обзавестись. Слишком много приходится ездить.

Барнвельт пристальным взглядом посмотрел на принцессу. В голове его неотвязно вертелся все тот же образ субъекта в капюшоне с дырками для глаз, который таскает с собой мясницкий топор и после года неземной любви по кирибскому образцу начинает проявлять повышенный интерес к одному из возлюбленных.

Она удивленно подняла брови вместе с антеннами.

— И все же, насколько могу судить я, не находишь ты женщин породю непривлекательной!

— Смотря каких женщин. Если б у нас в Ньямадзю были такие, как ты, я бы давно обзавелся гаремом почище, чем у Соломона.

— Чем у кого?

— Да так, у одного допотопного царя — не обращай внимания. — Он поглядел вниз на йеки, который явно не собирался оставлять свой пост. — Я вот ду-

маю, не соорудить ли в конце концов копье из палки и кинжала и не проткнуть ли этого гада сверху... Пожалуй, не стоит — потеряем кинжал и еще больше его раззадорим.

Несколько часов просидели они на своем насесте, тупо таращась на йеки, который не менее тупо таращился на них. Барнвельт задремывал, просыпался, потом снова задремывал. Снились ему при этом, в основном, бифштексы. Потом ноздрей его коснулся какой-то новый запах.

— Вот что заставит монстра сего убраться отсюда подобру-поздорову! — объявила Зея, показывая куда-то рукой.

— Ого-го! — воскликнул Барнвельт, посмотрев в ту сторону.

Одна из брошенных ими горящих веток устроила в траве самый настоящий пожар. Снизу поднимались тонкие струйки дыма, под которыми с пощелкиванием и потрескиванием плясали крохотные язычки пламени.

— Заставит-то оно заставит, только мы тоже поджаримся, — заметил Барнвельт.

При виде разгорающегося пожара йеки тоже забеспокоился. Огромная бурая башка отвернулась от сидящей на дереве парочки и ненадолго уставилась на огонь. Зверь неохотно пошевелился, еще разок опершись лапами о дерево, словно чтобы убедиться, что добычу действительно никак не достать.

А пожар и в самом деле разгорался. С неожиданным «пумп!» и столбом огня занялся кустарник. Горящие листья стремительно взмывали вверх, кружились и опадали обратно на дымящийся дерн.

Йеки обошел вокруг дерева, поглядывая на огонь и тревожно принюхиваясь к дыму. Наконец, рывкнув от отвращения, зверь затрусил прочь.

— Выждем еще минутку, — сказал Барнвельт, отвязывая страховочную веревку.

— Но пожар сей...

— Знаю, дорогая. Но будет совсем ни к чему, если этот красавец прискачет обратно и сцапает нас, как только мы слезем на землю.

Он выглянул из-за плотной листвы. Все было тихо, за исключением вздохов прибоя и нарастающего гула пламени.

— Порядок, приступаем к тушению. Ты заливай из чашек, а я буду затапывать.

— На что тушить ты задумал пламя сие чудотворное? Думается мне, что оно лишь на пользу, ибо отведит любого зверя недружелюбного, что шатается поблизости.

— А на то, что если начнется настоящий лесной пожар... И думать забудь!

— Но на Фоссандеране...

— Ради всех богов прекрати болтовню и отправляйся за водой! Потом объясню. Если подует с востока, мы просто сгорим к бесу!

Вооружившись толстой палкой, он принялся забивать ею пламя и затапывать ногами. То количество воды, которое за один раз могла принести Зея из моря, плескавшегося поблизости, казалось смехотворно ничтожным. Но мало-помалу они одерживали верх.

Где-то через час, весь в копоти и саже, Барнвельт объявил, что пожар побежден. После купания в море Садабао и завтрака из ракушек они вновь устремились на запад, удаляясь от побережья и ориентируясь по солнцу.

Н а третий день, вскоре после полудня, Барнвельт с Зеей вышли из рахского леса на дорогу между Шафом и Малайером. Оба были исхудалые, грязные, оборванные и исцарапанные. Зея несла копье, которое Барнвельт соорудил из подходящего сука, привязав к нему кинжал, на случай новой встречи с йеки. Однако пустить это оружие в ход случая так и не представилось.

Барнвельт вздохнул.

— Вообще-то следовало бы теперь шагать дальше на север, но давай-ка лучше сядем посидим — может, поймает какой транспорт.

Он воткнул топор в землю и тяжело опустился под деревом, прислонившись спиной к стволу. Зея плюхнулась по соседству и тут же положила ему голову на плечо. Он лениво пробормотал:

— У нас вроде еще ягоды остались?

Она положила на колени свою матросскую шапочку, которую они использовали в качестве мешка. Барнвельт принялся выуживать из нее ягоды, которые по очереди отправлял в рот то себе, то ей.

Одну он внимательно осмотрел и выбросил, заметив:

— От таких у нас уже живот болел. Представляешь, какой мы закатим пир, когда доберемся до города?

— О, еще как представляю! Сперва чудесный печеный унга, обложенный табидом, с тунистом во рту, да полная плошка соуса бетунного...

— И грозdochка этих желтеньких как-их-там-зовут на десерт, и большой кувшин фалатского вина...

— Только не мишдахского фалата — он слишком жидкий, а ходжурского, особенно урожая года Йеки...

— Вот про йеки не надо! Все, что мне от них было надо, я уже получил. Потом буханочку бадра, чтоб вымакать соус...

Она подняла голову.

— Ну и молодец! Сидит, можно сказать, с коронованною девицей считай что в руках и не может думать ни о чем, кроме утробы своей ненасытной!

— А сама-то что?

— Что это в виду ты имеешь?

— Нет лучшего блюстителя для добродетели, нежели воздержание от пищи. Будь у меня силы, недолго бы ты оставалась девицей!

— Хвастун! Даже тут вопрос пропитанья ввернуть ухитрился! Я-то помню, сколько яств ты тогда проглотил на «Шамборе», и гляжу, что сказанья о прожорливости народа вашего просто-таки бледнеют пред действительностью!

— Между прочим, у нас очень холодно, — заметил Барнвельт.

— Но сейчас-то тебе не холодно?

— И потом мы, по крайней мере, питаемся нормальной здоровой пищей, а не отработанными мужьями.

— Кашью не трапеза, балда, а торжественная церемония...

— Я это уже слышал, но по-прежнему считаю, что это ставит вас на одну доску с хвостатыми обитателями Фоссандерана.

— Наглый придира! — вскричала она, отведывая ему шлепок — потихоньку, чтобы показать, что это не всерьез.

— А потом, — продолжал он, — что-то я не пойму, каким образом вы ухитряетесь сохранять династию, если всякий раз, когда консорт замечает смотрящую

на него королеву, ему не ясно, то ли страсть горит у нее в глазах, то ли она просто высматривает кусочек посмачнее. Такая семейная обстановка лишит присутствия духа даже сексуального гиганта!

— Наверное, мужчин наших не так легко мужских достоинств их лишить, нежели тех, что в выстуженной местности вашей обитают! Кирибец истинный и при смерти кавалером остается галантным, а ньямца поддержишь на ягодах с ракушками каких-то три дня...

— Четыре!

— Ну четыре дня, и слепцом становится он бесчувственным ко всему, помимо еды.

— Да ладно! Ты сама ничуть не меньше меня мечтаешь о еде — вон сколько всего нафантазировала!

— А вот и нет! Тем более, что твое пиршество воображаемое превысило мое, как Зора гору Сабуши превышает!

— И как ты думаешь это доказать?

— Принцессе коронованной нет нужды утверждения свои доказывать! Одного лишь слова ее вполне довольно!

— Да ну? Тогда тебе, пожалуй, следует изучить несколько новых обычаев.

— Вроде того земного, именуемого «поцелуй», ко-
ему обучил ты меня? Пожалуй, потребно мне еще в забаве сей поупражняться...

Через некоторое время Барнвельт заметил:

— Боюсь, что я не настолько близок к истощению, как думал.

— Вот как? И не думай нарушить древние обычаи кирибские, иначе познакомишься с приемами потасовочными, коим воительниц наших обучают в палестрах!.. Часом не таскаешь ли ты камень гвамовый в кармане?

Барнвельт переменил положение.

— Нет, обычно я полагаюсь исключительно на свое природное обаяние. Во всяком случае, я сомневаюсь, что такой камень дает мужчине власть над женщинами,

как янру делает это наоборот. По-моему, желаемое просто выдается за действительное.

— И все ж поощряешь ты сие суеверие, охотясь за монстром морским ради камней его.

— А кто я такой, чтобы опрокидывать веками сложившиеся представления? У меня и так было вполне достаточно заморочек дома, в Ньямадзю, когда я пытался просветить людей относительно некоторых совершенно ясных и очевидных вещей. А что касается твоих воительниц, по-моему, у тебя уже есть опыт, который убедительно подтверждает: комплектовать армию женщинами — пусть даже весьма мужественными, если такое вообще возможно — попросту непрактично.

— По какой это такой причине? — поинтересовалась она.

— Хотя бы по такой, что мужчины крупнее. Если бы тут была планета, где женщины в десять раз здоровей мужчин, было бы совсем другое дело.

— Не очень-то справедливо было то со стороны Варзаи — несоответствие такое учинить.

— Конечно, если ты во всем привыкла винить богов.

— А если не богов, то кого?

— Все зависит от того, во что ты в таких случаях веришь.

— Ужель не воспринимаешь ты богов серьезно?

— Не-а. Я считаю, что какие-то вещи просто случаются, и все тут.

— Неудивительно, что кангадиты возжелали умертвить тебя за ересь!

— Конечно неудивительно. Удивительно то, что Кириб до сих пор не схавал какой-нибудь могущественный сосед, при таком-то раскладе!

— Королевы наши испокон веку предотвращали войны дипломатией искусной и интригами коварными, природные богатства наши используя, дабы одного врага на другого натравливать.

— Все это замечательно, но как-нибудь придет к тебе крепкий парень и скажет: «Дерись или сдавайся!» — и больше выбирать тебе будет не из чего.

— Ежели поставишь ты меня пред выбором столь мрачным, о нигилист надменный, можешь не сомневаться — буду я драться!

— Ну уж нет. Чтобы добиться своего, я лучше пушу в ход дипломатию искусную и интриги коварные, о которых ты только что толковала. Вот, к примеру...

— Нахал! — воскликнула она, как только вновь обрела способность говорить. — О, ужель не останешься ты в Рулинди, дабы вечно играть со мною в игру эту радостную?

— Хм! Это будет от многого зависеть.

— От чего? А потом, приказываю я...

— Если твоя маманя отречется от престола, твоему консорту наверняка это не понравится.

— Пусть хоть вякнуть попробует! Мое слово — закон.

— И все-таки вряд ли окружающие одобряют такую фамильярность.

— Хорошо, а разве не можешь ты и его обучить искусству сему? Или же, что еще лучше, самому стать первым моим консортом?

— Боги всемилостивые, только не это! Уж не думаешь ли ты, что я мечтаю закончить свои дни в вашей жертвенной духовке?

Она была явно удивлена и немного обижена.

— Чести такой многие бы позавидовали. Струсил?

— Чертовски верно подмечено! Ты мне, конечно, очень нравишься, но не настолько же!

— Да ну? Ну и грубияны же вы, ньямцы!

— К тому же, у меня все равно нет на это права.

— Сие можно было бы устроить, — тут же откликнулась Зейя.

— А я думал, что супруга королеве выбирают большинством голосов.

— Сие тоже препятствие не великое. В выборах оных все далеко не так, как публике широкой представляется.

— Да, я что-то такое слышал. Но я по-прежнему не намереваюсь провести год в роли дамского комнатного эшунчика и потом отправиться на плаху. Ты можешь представить, чтобы твой любимый герой Карар делал такие вещи?

— Н-нет, только...

— Все это слишком напоминает мне одних жуков в моих краях — они называются богомолы, — у которых самка поедает самца в ходе совокупления.

Глаза ее наполнились слезами.

— Ты сказал, я тебе нравлюсь, и мы с тобой действительно одной породы, за исключением внешних различий мнимых...

— Я правду сказал. — Тут он прервался, дабы показать ей некоторые новые приемы так полюбившейся ей игры. — Черт, да я просто по уши в тебя влюблен. Но...

— Я тоже тебя люблю.

— Как мужчину или как бифштекс? Ох!

Она довольно чувствительно ткнула его локтем в ребра.

— Как мужчину, дуралей, — отозвалась она. — По крайней мере, как мнимого, ибо определение сие еще доказательства требует.

— Ничего себе! Слушай, ты лучше кончай взламывать мою внутреннюю оборону, не то я сейчас...

— Погоди-ка, а вроде есть один выход! Слыхал ли ты про агитацию партии реформ, коя предлагает казнь в простой символ превратить? Так вот, на большую часть мира остального глядячи и слушая, что ты сам да прочие скептики непочтительные глаголят, теперь не так я убеждена, что Матери божественной так уж сия жертва потребна.

— Ты хочешь сказать, что примешь программу реформистов, когда придешь к власти?

— А почему бы и нет? Тогда сможешь отбросить ты прочь свои страхи.

— Нет, — твердо сказал Барнвельт. — Послушайка, лапочка. Во-первых, твоя мать все равно сохранит влияние на все дела — ты сама говорила, — даже если отречется от престола, и я не думаю, что она потерпит столь вольное обращение со старыми обычаями.

— Но...

Он решительно приложил ей ладонь ко рту.

— А во-вторых, когда я люблю девушку, мне она нужна постоянно, а не на годик попользоваться. Перспектива наблюдать потом за парадом остальных счастливиц... Ой! Ах ты, чертовка, решила заранее откусить кусочек, чтобы попробовать, каков я на вкус?

— Нет, скелет ты жилистый! Всего лишь куснула я тебя легонько, дабы напомнить, что мне тоже дышать надобно, а с ручищей поверх губ очень мне сие затруднительно. А что ж до теорий твоих о жизни да любви, то довольно необычны взгляды подобные для авантюриста странствующего. Большинство из таких, слыхала я, короткую страстную связь да ретираду поспешную предпочитают.

— Я не из таких. А в-третьих, черт побери, я сам хочу быть боссом, а не прозябать в роли эдакого кирибского домохозяина. Так что меня в целом ваша матриархальная система не устраивает.

— Ежели в краях варварских женщины домохозяйками являются, то почему бы в наших, соответственно, мужчинам домохозяевами не быть?

— Это не аргумент, милочка. Если они с этим смирились, это их личное дело. А я нет. И точно так же я в жизни не допущу, чтобы меня одурманили этой заразой под названием янру.

— Клянусь шестью грудями Варзай — никогда суп-против тебя его не применю!

— Ну-ну. Лично у меня такой уверенности нет. Нет, дорогая моя, боюсь...

Барнвельт несчастно вздохнул, поскольку понял, во что влез, доверчиво признавшись Зее в своих нежных чувствах. Истинная-то причина его железного отказа крылась в том, что они принадлежали к совершенно разным биологическим видам. И пока Тангалоа держали заложником, Штайн не был спасен, а условия контракта с «Космик» не выполнены, ему нечего было и думать выдавать свою земную сущность, учитывая узколобые предубеждения большинства кришнитов. Однако ее близость по-прежнему наполняла его желанием.

— Что же тогда? — спросила она с опасным блеском в глазах. — До коих же пределов особа происхождения моего должна унижаться пред тобою?

— Дай мне подумать, — выдавил он уклончиво.

— Мямля несчастная! — Она вскочила, пнула его как следует ножкой в бедро и устремилась прочь. — Какая же я дура, что позволила тебе так долго мне голову морочить! Здесь, сэр, расходятся пути наши навсегда. Отправляюсь я далее в Рулинди одна!

И она гордо направилась по дороге к северу.

Барнвельт наблюдал за ее решительно удаляющейся спиной со смешанным чувством. С одной стороны, надо было только радоваться, что она сама прекратила эту опасную и не сулящую никаких выгод игру. А с другой, он с ужасом услышал собственный призыв, ответственность за который, несомненно, несла наиболее мягкая и непрактичная сторона его натуры:

— Ну вернись, милая! Давай не будем ссориться. И куда ты денешься без денег?

Она даже не повернулась. Еще несколько секунд, и она окончательно скрылась бы за поворотом дороги.

И в эту последнюю минуту он приложил ладони ко рту и зарычал, как охотящийся йеки. Он не особо рассчитывал, что это сработает, и порядком изумился, когда Зее с испуганным вскриком подскочила высоко в воздух, бросилась назад и кинулась ему в объятия.

— Ну, ну, ничего-ничего, — проговорил он. — Со мной тебе нечего бояться. Давай-ка еще посидим и успокоимся.

— А что же до родства нашего будущего, любовь моя... — начала было она.

Барнвельт тут же приложил ей палец к губам со словами:

— Я же сказал, что должен подумать, — значит, должен подумать.

— Настаиваю я...

— Дорогая, тебе бы давно следовало уяснить, что за пределами Кириба мужчинам до ноги все твои настаивания. Предлагаю вообще на некоторое время воздержаться от обсуждения этого вопроса.

— Ох!.. — вздохнула она потихоньку.

— А потом, когда умираешь от истощения, не время принимать столь ответственные решения.

— Опять он о еде! — вскричала она, вновь обретая свое неукротимое чувство юмора. — Разве не говорила я, что все ньямцы просто обжоры? Давай тогда еще в игру нашу поиграем...

Истощение там, не истощение, подумал Барнвельт, но в тот самый момент, когда древние обычаи Кириба оказались под вполне реальной угрозой, на дороге послышался скрип влекомой шейханом телеги, которая направлялась к северу. Размахивая руками, они с Зеей моментально вскочили. Кучер сплюнул и остановил зверя.

— Влезайте, сэр и мадам, — пригласил он. — Давно уж «Межроу Гурардена» не оказывала тихоходной колымаге моей чести, но форма ваша довольно меня убеждает.

Барнвельт и забыл совсем, что на нем по-прежнему курьерский костюм. Вне всякого сомнения, владелец телеги выставит потом компании счет за пробег, отчего наверняка поднимется шум; но в данный момент Дирка Барнвельта это меньше всего беспокоило.

А илижанс, в который они пересели в Альвиде, остановился на границе между южным Сурускандом и северным Кирибом. На кирибской стороне путешественников ожидала привычная стража из амазонок, привычный досмотр и привычное предупреждение, что в соответствии с кирибским законодательством меч Барнвельта должен быть опломбирован.

— А теперь, — провозгласила таможенная инспекторша, пока одна из стражниц ходила за набором для пломбировки, — имена ваши?

Этот вопрос Барнвельт предварительно не обдумал, так что пришлось ответить попросту:

— Я Сньол из Плешча, а эта юная леди — Зей баб-Альванди...

— Что?! — вскричала таможенница, от волнения дав петуха. — Ужель сама? Ваша Превозвышенность! Инспекторша бухнулась на колени.

— Получили распоряжение мы наблюдать за вами!

— О, давайте только не будем так суетиться... — начал было Барнвельт, но амазонка в полном упоении продолжала:

— Девочки! *Принцесса спасена!* Разожгите скорей огонь в дымовой бочке, дабы весть сия полетела в столицу! Но не можно Вашему Благолепию путь продолжать в простецкой вонючей карете! К услугам вашим наш связной экипаж, и лично я буду сопровождать вас. Умоляю, пройдите вон туда. Багаж ваш? Нету? Какие лишенья, видать, довелось вам вынести!

Девочки, быстро заложите карету. Оседлать... так-так-так... пять айя! Вазная, возглавишь пост до моего возвращения. Пробуди-ка смену вторую ото сна их сладкого и форму парадную выдай, с сапогами и пиками для службы эскортной...

Через полчаса Барнвельт уже с ветерком катил в сторону Шафа на заднем сиденье служебного ландо с опущенным верхом. Рядом с ним расположилась Зей, а таможенная инспекторша сидела напротив, упираясь в них коленками. У экипажа был черный лакированный кузов с золочеными королевскими гербами на дверцах. Двумя огромными битюгами-айями правил тщедушный кирибец мужского пола, а пять стражниц, разодетых в пурпур и надраенную медь, скакали впереди и позади. Чтобы освободить дорогу, когда они въезжали в населенный пункт, передняя всадница пронзительно дудела в серебряный рожок.

Хоть так ехать было быстрее да и воняло поменьше, чем в том общественном рыдване, из которого они недавно вылезли, Барнвельту не очень-то пришлось по душе эта пересадка, поскольку о прежней близости с Зеей теперь не могло быть и речи. К тому же, снаряжение эскорта лязгало и громыхало так громко, что приходилось орать, чтобы быть услышанным, а на прямых отрезках сухой дороги очень донимала пыль, которая клубами поднималась из-под копыт упряжки. И, наконец, Барнвельту некуда было деваться от болтовни инспекторши, весьма восторженной и экзальтированной дамочки. Она без продыху трещала про беспросветный мрак, павший на государство с исчезновением Зеи, и безграничное ликование, которое должно было теперь в нем воцариться.

Однако в Шафе, как отметил Барнвельт, большинство людей занималось собственными неотложными делами, которые, как видно, интересовали их больше, нежели судьбы царствующей династии.

Часто меняя упряжки, они все с той же удалью неслись вперед — только дождь, пошедший после полудня, вынудил их слегка замедлить ход. Второй день после пересечения границы застал их уже на дороге, которая вилась вдоль северного побережья Кирибского полуострова, — той самой дороге, где Барнвельта с Тангалоа поджидали сунгарские эмиссары во главе с Гавао, когда они первый раз ехали в Рулинди. На сей раз, однако, обошлось без происшествий. Слева мирно плескались изумрудные воды залива Бажжай, справа вздымались косматые вершины Зоры.

Рогир уже почти спрятался за ними, когда, наконец, показалась кирибская столица. Барнвельт еще не видел Рулинди с этой точки, откуда колоссальное изваяние бога Кунджара показывалось в профиль, нависая над утыканным шпилями городом, словно расплывшийся от обжорства Будда с именинным тортом на коленях.

Слева, далеко внизу раскинулась гавань Дамованга. Когда ее стало видно поотчетливей, Барнвельт заметил, что она буквально забита судами. И больше того — в основном боевыми галерами, составлявшими куда более солидный флот, чем те военно-морские силы, которыми, как он знал, располагал Кириб.

— Что это все значит? — удивленно спросил он у инспекторши.

— Не ведаете вы сего? О, конечно, глупая я баба, откуда знать вам? Сие объединенный флот правителей со всего моря Садабао, коих монархиня наша величественная сколотить задумала в альянс железный заради искорененья негодяев, что столь опрометчиво грозить нам осмелились. Требовалось убедиться ей лишь в здравии принцессы, чтоб привести машину сию военную в движенье. Замерли там наготове корабли боевые из Мажбура, Замбы, Дарьи и прочих держав Садабао западного. С самых времен разгульного царствования Десфула Золотого в Ульванаре не стонало море сие под тяжестью флота столь могучего!

— А это что еще за корабль? — полюбопытствовал Барнвельт, указывая рукой. — Вон та галера с крышей.

Корабль, о котором шла речь, и впрямь походил на огромную галеру, накрытую широкой плоской крышей.

Инспекторша хихикнула и ответила:

— Сие корабль принца Ферриана из Сотаспи, что вечно мир потрясает какой-нибудь новинкою. Один из подданных его планер изобрел невиданной доселе конструкции, и отличается оный планер от прочих тем, что движет его сквозь эмпирей небесные двигатель пиротехнический. Галера же сия приспособлена, дабы нести на крыше своей два десятка аппаратов подобных, коими, говорят, рассчитывает принц пиратов уязвить в жилище их болотном, летая над головами у них и камнями побивая с воздуха.

Барнвельту сразу припомнились виданные когда-то изображения земных военных кораблей, именуемых авианосцами, которые одно время выдвинулись в качестве основы военно-морской стратегии после ухода в прошлое паровых, увешанных броней линкоров — до появления атомных ракетносцев. Авианесущая галера, однако, представляла собой комбинацию, способную поразить любое воображение.

— Но погодите, — спохватилась инспекторша, — ведь надобно еще учинить приготовления к прибытию вашему!

Она подозвала переднюю всадницу и приказала ей галопом скакать во дворец, в то время как экипаж поплелся еле-еле, чтобы дать королеве время организовать встречу.

Так что, когда ландо наконец остановилось перед дворцом, налицо были уже все протокольные элементы: амазонки салютовали копьями, трубы трубили что-то пышное и бравурное, а на ступеньках парадного подъезда выстроилась блестящая шеренга власть держащих Кириба и соседних государств.

Стоило Барнвельту окинуть взглядом свой словно снятый с огородного пугала наряд, его былая робость вспыхнула с новой силой, а коленки (в чем он был

готов поклестся) заметно задрожали. По сравнению с разодетыми в пух и прах аристократами на крыльце выглядел он далеко не франтом. Однако, подбодрил он себя с ухмылочкой, может, оно и к лучшему. В потрепанном непогодой костюме курьера, в помятом и почерневшем серебряном шлеме он никак не сольется с прочей толпой. Так что он взял себя в руки, помог Зее выйти из экипажа и повел вверх по ступенькам.

Та-ра-ра! — проревели трубы. Барнвельт чуть было не оглянулся посмотреть, не катит ли за ним кинокамера на тележке, настолько киношной получилась сцена. Тут он вспомнил про камеру на собственном пальце и, приближаясь к королеве, нажал на спуск. Стоящий в первом ряду, в нескольких шагах от королевы Альванди, Джордж Тангалоа откровенно подмигнул ему, а движения его кулака неопровержимо свидетельствовали о том, что он тоже всю снимает творящееся действие на пленку.

Барнвельт преклонил колено, пока королева обнимала свое чадо, а потом поднялся, заслышав зычный голос Альванди:

— ...Ввиду того, что государство наше, строенье коего предопределено свыше, ордена рыцарского не включает, не могу я в рыцари тебя посвятить в знак благосклонности и уваженья, генерал Сньол. Однако взамен наделяю я тебя гражданством почетным кирибской державы, со всеми правами не только мужскими, но и женскими даже, — заодно с чеком на получение из казны пятидесяти тысяч кардов.

А теперь дозволь мне представить господ сиятельных, здесь собравшихся. Ферриан бад-Аржанаг, принц-регент Сотаспи. Король Ростамб Ульванарский. Президент Сурусканда Кангавир. Софкар бад-Херг, дашт дарийский. Великий магистр ордена рыцарей Карара из Микарданда, звать Джувайн. Король замбийский Пенжирд Второй...

Упрятав чек во внутренний карман, Барнвельт из всех сил старался удерживать в памяти длинную череду имен и физиономий. Первый кришнит, которому он пожал большой палец, знаменитый принц Ферриан, оказался моложавым малым среднего роста, худощавым, смутным и непоседливым, наряженным в кирасу из находящихся друг на друга пластин вороненой стали с золотой насечкой.

За ним последовал ульванарский король Ростамб, здоровенный, пузатый, с карикатурно жиденкой бороденкой, который глянул на Барнвельта со строгой пронизательностью. Остальные же незнакомые имена и лица смешались у него в голове в беспорядочную кашу.

Вновь послышался голос королевы:

— А где же Заккомир, господин Сньол?

— Не знаю, Ваша Превозвышенность, но опасаясь худшего. Мы разделились, удирая от погони на Сунгаре.

— Горестна сия потеря, но не будем все же оставлять надежды. Прошу во дворец, одеянья переменить к банкету.

Банкет? С речами? Ну вот, упал духом Барнвельт, едва успел смерти избежать, как на тебе — новая беда.

Толпой завалившихся во дворец гостей сразу обнесли кружками с приправленным квагом. Восторженные почитатели с такой энергией выкручивали Барнвельту большой палец, что в конце концов он забеспокоился, как бы его совсем не оторвали. Он никак не мог пробиться к Зее, которую, не успевшую переменить еще матросский наряд, в четыре ряда обступила золотая молодежь.

Президент Сурусканда, эдакий крепкий боровичок в роговых очках и малиновой тоге, поверг Барнвельта в полное изумление, вытащив из складок своей хламиды местную записную книжечку и коробочку с пером и чернильницей.

— Генерал Сньол, со времен избрания моего отпрыск мой старшенький донимает меня просьбами собирать ему автографы великих, статус мой нещадно эксплуатируя. Так что, сэр, коли не возражаете вы руку свою приложить вот тут...

Барнвельт старательно вывел на протянутом листочке несколько гозаштандских завитушек.

Президент Кангавир поглядел на результат.

— Поелику вряд ли решусь я беспокоить вас в будущем, сэр, не затруднит ли вас добавить сюда и подпись на языке вашем исконном?

Барнвельт судорожно сглотнул, поскольку и понятия не имел, какие там у ньямцев буквы. Несколько долгих секунд тупо протаращившись на бумажку, он в конце концов нацарапал «Сньол из Плешча» обычной английской скорописью. К счастью, боровичок-президент, похоже, ничего предосудительного не усмотрел.

— Простите, Ваше Благодение, — промямлил Барнвельт и поспешно ретировался. Поскольку Зея уже исчезла, он пошел поболтать с Тангалоа, который безмятежно потягивал свой напиток в сторонке.

Смутный здоровяк ничуть не похудел и не утратил своей обычной жизнерадостности. Стискивая ладонь Барнвельта, страновед заметил:

— Господи, старина, да тебя можно просто принять за бродягу!

— Ты бы не лучше выглядел, если бы был с нами. Давно тебя выпустили из тюрьмы?

— Как только получили сообщение по дымовому телеграфу, что вы с шейлой в безопасности.

— Как рука?

— Почти как новая. Но давай-ка лучше с тебя начнем — у тебя новостей побольше. Давай выкладывай, как на духу.

Барнвельт сжато поведал обо всех своих приключениях.

— ...В общем, можно с полной уверенностью заключить, что этот осирец, Шиафази, действительно

босс всех этих флибустьеров. Мало того — он и Игоря одурманил своим сирийским псевдогипнозом, так что теперь наш неутомонный москвит и понятия не имеет, кто он такой. Если б не серебряные шлемы, нас с Заккомиром ожидала бы точно такая участь.

Тангалоа закудахтал.

— Это несколько усложняет наши усилия по его спасению, но смею надеяться, что не все так ужасно. Баляй дальше.

Когда Барнвельт дошел до устроенного на Фоссандеране пожара, то не без удивления заметил, что добродушная физиономия Тангалоа приняла весьма осуждающее и строгое выражение.

— В чем дело? — не понял Барнвельт.

— Ничего лучше не придумал? Только представь, сколько ты делового леса загубил! На Земле каждая щепочка давно на учете. А что случилось с хвостатыми?

— Откуда мне знать? Может, поджарились. Может, переплыли на материк с другой стороны. А они-то тут при чем?

— Ну ты даешь! Это же целая культурная группа, которая до сих пор не изучена! Похоже, они той же породы, что в Колофте и За, но культура-то у них наверняка совсем другая! Все эти группы строго локальны и территориально ограничены с тех самых пор, как тысячи лет назад эту планету заплотнили бесхвостые кришниты. Кстати, ничуть не исключено, что наши хозяева как раз и переняли свой каннибализм от хвостатых аборигенов, которых вытеснили. Ой, да есть целая масса вероятностей — верней, была, пока ты не спалил свидетельства. Как ты мог, Дирк?

— Вот так номер! — взвился Барнвельт. — А что ты, черт побери, думал, я буду делать — позволю этим дикарям сожрать себя, чтоб ты потом мог явиться изучать их с блокнотиком?

— Нет, но...

— В общем, было так: либо мы, либо они. А что же до деревьев, то на Кришне по сравнению с Землей

населения кот наплакал, а площадь суши в три-четыре раза побольше, так что нечего нам так переживать насчет истощения их природных ресурсов. Хвостатые аборигены, скажите пожалуйста!

— Всегда смотри в корень, — наставительно произнес Тангалоа своим лекторским тоном. — Обычно это дикарство, как его именует большинство людей, попросту является защитной реакцией на угнетение со стороны так называемой цивилизованной публики. То же самое сотни лет назад произошло с моими собственными тихоокеанскими прародителями. Приплывают европейцы на корабле, грабят, убивают, насилуют, а на следующем корабле, видите ли, удивляются, с чего это их забрасывают копьями и едят, не успели они на берег вылезти. Очевидно, этих фоссандеранцев окончательно достали набегии работорговцев...

— Так и что с того? Что мне следовало делать?

— Надо было спокойно объяснить...

— Я по-ихнему не понимаю, а если б даже и понимал, они бы меня сначала разделали под орех, а потом задавали вопросы. Вообще-то говоря, именно так они и поступили с беднягой Часком.

— Но стоит мне представить, сколько научных данных пошло коту под хвост...

— Если там чего-то осталось, то когда покончим с делами, можешь скататься на Фоссандеран и опрашивать их в самом просвещенном антропологическом духе, покуда тебя будут заталкивать в племенной котел.

— Распространенное суеверие. Если некое племя достаточно развито, чтоб иметь котлы, ни о каком каннибализме не может быть и речи. А что было дальше?

Барнвельт поведал об их приключениях в лесах Рахского полуострова.

— Единственно, что нас спасло, — сообщил он, — это что мы случайно наткнулись на кладку яиц. Четыре штуки, вот такие здоровые. Понятия не имею, что за местная тварь их отложила. Во всяком случае, мамаша

болталась где-то далеко от гнезда, так что мы сцапали яйца и сделали ноги.

— А как вы их приготовили?

— Положили на землю рядом с костром и каждые несколько секунд переворачивали. Получилось — пальчики оближешь, должно быть, их только-только снесли. Иначе наши кости давно бы уже глодали йеки где-нибудь посреди этого мрачноватого леса.

— Да ладно тебе, старина, не делай из мухи слона! Такая упитанная молодая парочка вроде вас с принцессой могла бы неделями бродить без пищи, прежде чем окончательно свалилась. У нас на Торе то же самое вышло, когда там решили, будто мы сперли их священный пирог, и нам пришлось уносить ноги. У нас там даже ракушек с ягодами не было, одни яйца жрали. — Тангалоа задумчиво оглядел свой живот. — Да-а, вот тогда-то, надо сказать, я действительно похудел, когда эта прогулка закончилась. Кстати, сколько ты пленки отстрелял?

— Да не сильно много. На Сунгар мы попали только к вечеру, а когда пришлось удирать, мне было как-то не до камеры. В лесу вообще все время было темно. Отснятые ролики у меня в кармане, если только вода не попала в капсулы. Но что с Игорем-то будем делать? Его придется забирать силой.

— Это уже вроде как само собой устроилось, — ухмыльнулся Тангалоа.

— В смысле? — забеспокоился Барнвельт.

— Королева проталкивает тебя в главнокомандующие этой экспедиции против пиратов.

— Меня? Почему меня?

— Потому что ты знаменитый генерал, если ты об этом забыл. Поскольку ты тут приезжий, она решила, что они скорее согласятся на тебя, чем позволят кому-то из своей компании подняться над остальными. Пенжирд на ножах с Феррианом, Ферриан на ножах с Ростамбом, а Ростамб на ножах вообще со всеми сразу.

— Да какой из меня адмирал? Я не сумел даже справиться с экипажем на четырнадцативесельной контрабандистской калоше!

— Если не будешь болтать, они в жизни этого не узнают. Они тут уже мозги набекрень свернули, пытаясь выдумать, как пробраться сквозь водоросли, а у тебя уже все готово.

— Это ты про лыжи? Может...

Барнвельт пребывал в нерешительности. С одной стороны, экспедиция могла оказаться превосходным предлогом, чтобы убраться из Кириба, пока он не втрескался в Зею настолько, что на разрыв у него не хватит никакой силы воли. К тому же, все равно надо было что-то предпринимать в отношении Штайна и контракта с «Космик Фичерз». С другой стороны, его старая робость просто-таки переполняла его ужасом от перспективы возглавить целую орду совершенно незнакомых людей и взвалить на себя ответственность, которая была ему явно не по плечу.

— Конечно, все это фигня, — заметил Тангалоа. — Если б тогда Куштаньозо дал это имя мне, в адмиралы выбрали бы меня, а не тебя. При таком раскладе я, не обремененный военными амбициями, спокойно снимал бы на этом посту кино. А ты тут голову ломаешь.

Внимание Барнвельта отвлекли сверкнувшие в свете газовых рожков драгоценности. К ним направлялась Зей, до блеска намытая и завитая, в полупрозрачной тунике и блестящей тиаре, расталкивая роящихся вокруг накрашенных юнцов с целеустремленностью нападающего команды регбистов. Барнвельт даже присвистнул от восхищения и процитировал:

Пускай не думает красotka, что наряд
Для красoty ee ничто не значит!

— Что это, владыка мой? — удивилась она, и Барнвельту пришлось перевести.

— Ньямский поэт по имени Теннисон, — уточнил он на всякий случай.

Она повернулась к Тангалоа.

— Поведал ли он уже о приключениях наших, господин Таджди? Никакими словами не передашь того, что в действительности происходило, ибо по сравнению с усилиями нашими Девять Трудов Карара попросту ничто! Рассказал ли он, что, когда мы высадились на материк, загнал нас на дерево йеки? Или как зажигалка у него сломалась, и добыл он огонь трением?

— Нет... А что, правда? — изумился Тангалоа.

— Угу. В справочнике бойскаута все верно расписано. Все получается, если у тебя есть сухое дерево и терпение Иова. Но я бы не советовал...

— А что такое «рачник боската»? — вмешалась любопытная Зея.

— Справочник бойскаута? — переспросил Тангалоа. — Ньямская народная энциклопедия. А ты не пробовал соорудить лук со стрелами, Сньол?

— Нет. Я бы на это угрохал месяц, и то если бы ничего другого не надо было делать, и еще пару месяцев учился бы стрелять. Но мы и так уже были истощены до крайности. На этом чертовом полуострове абсолютно нечего пожрать, кроме ягод, орехов и этих ползучих тварей, которых мы добывали из-под камней. — При этом воспоминании Барнвельта даже передернуло. — И выяснить, какие из них ядовитые, можно было только одним способом — съесть немножко и ждать эффекта.

Он бросил взгляд на настенные водяные часы.

— Пойду-ка я лучше умоюсь и переоденусь:

Ведь крылья Времени не знают утомленья,
В один лишь край устремлены они.

Как почетный гость, Барнвельт получил место справа от королевы, слева от которой сидела Зея, похожая

на какую-то закутанную в газ античную богиню. Остальная компания расселась по ранжиру полумесяцем, тускло поблескивая драгоценностями в свете газовых рожков.

Как и опасался Барнвельт, произносились речи: сановники один за другим поднимались и — очень часто на диалекте, который Барнвельт едва мог разобрать — со всем красноречием и элегантностью говорили в его честь ничего не значащие слова. Когда адмирал Не-Разбери-Поймешь из Гозаштанда разразился очередным подобным спичем, королева обратилась к Барнвельту шепотом, который, должно быть, услышали даже на кухне:

— Эту шушеру я скоро разгоню, ибо пора открывать нам совещанье деловое. Еще не знаешь, что командование штабом плывет тебе в руки прямохонько?

Барнвельт что-то воспитанно, но весьма нечленораздельно промывчал и добавил:

— Вы хотите, чтобы я что-то предпринял в этом направлении?

— Прикрой-ка пока варежку и положишься на меня — сама я все обтяпаю, — любезно заверила королева.

После того, как участники банкета были распущены, в одном из залов поменьше собрался военный совет. Народу на нем присутствовало около дюжины — сплошь главы и верховные главнокомандующие вооруженными силами соседних государств.

Первым делом гозаштандский адмирал в длинной речи и в весьма изысканных выражениях пояснил, почему его всемогущий правитель, король Эграр, не имеет возможности присоединиться к альянсу: в самом разгаре переговоры с Дюром, и... кхе-гм... всякому ясно, что сие значит.

— Сие значит, что сквалыга твой коронованный скорей с пиратством да грабежом смирится, нежели даже мелким профитом своим коммерческим пожертвует! — отрезала королева. — Если б зрил он дальше носа своего вздернутого, давно бы заметил, что из-за

беззакония сего разнузданного вдесятеро больше теряет! Ежели, конечно, из трусости обыкновенной не опасается он, как бы Дюр не напал на него, коли на лапы он дружкам его распутным наступит.

— Мадам, — вздернул голову адмирал, — не можно допустить мне, чтоб выпады столь дерзкие в адрес властителя моего без должного упрека остались...

— Сядь на место и помалкивай в тряпочку, иль катись колбаскою к королю своему трусливому! — взвилась Альванди. — Здесь собрание воителей, а не сопляков рахитичных! Когда в лицо врагу мы смотрим без страха, сидит он на толстой заднице своей в Гершиде с большими силами под командованием своим, чем у нас всех вместе взятых, и дрожит, как бы лишние полкарда на движение смелое не потратить! Тошнит уж меня от него!

Адмирал собрал свои бумаги, натянуто поклонился и удалился, не проронив ни слова. Когда он ушел, принц Ферриан одарил королеву сардонической улылкой.

— Эк отделали бродягу старого! — заметил он. — Не удивительно, что женщины правят Кирибом. Хотя имей мы, Эграру Гозаштандскому подобно, границы общие с Дюром, должно быть, и мы не пели бы песни столь победные. Однако ближе к делу.

— Совершенно вы правы, — согласилась Альванди. — Вот, справа от меня, сидит тот, о коем уже толковала я вам, — герой, что проник в самое сердце Сунгара и выжил, чтоб поведать об этом. Генерал Сньол, расскажите господам коротенько, как спасли вы дочку мою.

Барнвельт сжато изложил ход событий до бегства на самодельных лыжах, после чего поинтересовался:

— А вы вообще знаете, что такое лыжи?

Все явно недоумевали, за исключением Ферриана, который отозвался:

— Я знаю. В прошлом году гостил на острове нашем один ньямец, который и показал нам, как доски для

хожденья по почвам зыбким выстругивать да погибать. Не имея в Сотаспи солнечном диковинного того дождика мерзлого, что «снегом» именуется, облепили мы склон холма мягкой влажной глиной и катались с него на досках упомянутых. Подбил глаз я себе тогда и ногу вывихнул, так что с клюкою ковылял неделю, но забава того стоила. Так вот как бежали вы? Скользя по терпале на оных приспособленьях?

— Да. Понимаете, я нашел несколько досок и выстругал...

— Все ясно мне теперь! Снабдим мы все войско наше лыжами и пошлем прямиком сквозь тину, покуда сунгарцы глупые тешиться будут мыслью, будто неприступны они посреди болота своего морского. Берусь обучить я и возглавить подразделения оные, и завтра же pošлю всех плотников Рулинди лыжи выстругивать.

— Ну уж нет! — гаркнул король Пенжирд. — Хотя и знаем мы все вас за человека энергичного да ума вдохновенного, Ферриан, все ж не будете вы воинами моими командовать!

— Моими тоже, — проворчал Ростамб Ульванарский. — Кто сей юный выскочка, что опрокидывать смеет испытанные принципы военные? Да я командовал солдатами, когда он еще из яйца не вылупился...

— Уймитесь, сэры, — вмешалась королева Альванди. — По этой-то самой причине и позвала я сюда головореза сего из дальних краев, царства холода и льда. Достоинства его уж не раз подтверждены были — как репутацией его давней мужа деяний доблестных, так и недавней вылазкою его одиночной...

— А мне плевать, — отрезал Пенжирд Замбийский. — Будь он сам Карар в образе смертном, все равно не будет он людьми моими командовать! Они мои, мною набранные, выученные, и прошедшие под началом моим все переделки мыслимые, и никому, помимо меня, не доверятся. Я — это я!

— Прошу прощения, господа, — подал голос верховный синдик Мажбура, который сразу выделялся из окружающего великолепия простым коричневым костюмом.

Он тихо продолжил:

— Большинство собравшихся тут властью облечены по праву наследному на срок пожизненный. Так что понимание интересов да желаний других людей далеко не в привычках ваших. И все ж таки без единой главы экспедиция задуманная на провал обречена неминуемо, что в ученье военном сведущие с охотою подтвердят. А посему, коли желаем мы стрелою своей шейхану в самый глаз угодить, при всей независимости нашей должны компромисс сыскать — как мы, в государствах с правом избирательным, давно уж поступаем привычно. А коли так, кто ж лучшим предводителем может стать, помимо него — человека силы и ума из краев удаленных, что никакими интересами местными не повязан?

— Верно, мешки вы мои денежные! — вскричал Ферриан. — Хоть скорей я с зубом расстанусь, нежели с толикою власти своей, вынужден отступить я пред силою выводов логических. Согласен ли ты со мною, а, Пенжирд, старина?

— Не знаю. Без...

— Как бы не так! — взревел Ростамб Ульванарский. — Откуда знать нам, что Сньол из Плешча и впрямь ту репутацию заработал, о коей столько слов уж сказано? Чем больше сказку рассказывают, тем больше вранья в ней, а известен он нам лишь по слухам, что уж полшара планетного облетели! Откуда знать нам, что так бескорыстен он, как друг тут наш мажбурский толкует? Слишком давно вертится он при дворе кирибском, и откуда знать нам, что за обещанья тайные иль отношения связывают его с интересами доурии? — Он тяжелым взглядом посмотрел на Зею. — А потом, откуда знать нам, что и взаправду

он Сньол из Плешча? Всегда полагал я, что генерал Сньол куда как старше.

Королева Альванди, прикрывшись ладонью, зашипела Барнвельту:

— Скажи старому *фастуку*, что забыл, мол, бумаги свои в Ньямадзю, и вызови его на поединок за оскорбление!

— Что?! Но я...

— Делай, что сказано! Вызови его!

Барнвельт, безрадостно сознавая, что, коли уселся верхом на тигра, по своей воле уже не слезешь, поднялся и произнес:

— Удостоверенья моей личности остались у меня на родине, из коей мне пришлось бежать. Однако, ежели кто желает взваливать на меня груз лживых обвинений, я буду только рад уладить сие дело частным образом, как джентльмен с джентльменом.

С этими словами он шмякнул по столу переговоров мечом, так что подскочили пепельницы. Ростамб что-то пробурчал и потянулся к эфесу.

— Стража! — взвизгнула королева, и в помещение моментально влетели несколько амазонок. — Разоружить эту парочку! На законы наши плевать вздумали, охальники? Лишь принимая во внимание звания ваши, дозволили мы вам проникнуть в пределы сии при оружии, и любая скотская выходка такого рода кончится тем, что голова смутьяна на стене городской красоваться будет, пускай даже и короною украшенная! Сядьте на места свои. Владыка мой Ферриан, мыслится мне, что лишь ваша голова ясность мысли тут еще сохранила. Продолжайте доводы свои...

Добрых несколько часов они без толку толкли воду в ступе. Сначала за Барнвельта были только королева, принц Ферриан и верховный синдик. Потом им удалось переманить к себе сурусканского президента, потом Пенжирда из Замбы, а мало-помалу и остальных, пока не остался один Ростамб Ульванарский.

— Вас всех тут обабили этими духами, коими ведьмы кирибские мужичков своих несчастных дурманят, — пробурчал король Ростамб. — Едучи сюда, мыслил я, что будет сие честное предприятие промеж товарищами да равными, вместо коего вижу самое низкое и бессовестное надувательство, коим надеется Альванди наложить лапу свою не только на Сунгар, что признает она открыто, но и на всех на вас, дабы воплотить в краях ваших злосчастных порочные мечты свои о правлении женском. Пошло оно все в хищкак! Скорей увижу я кровавый стяг сунгарский, реюший над золотым моим Ульванаром! Еще увидите, сэры, насколько прав я был, а теперь же позвольте пожелать вам покойной ночи!

И он гордо удалился, задрав вверх клочковатый подбородок. Впечатление от его ухода было несколько подпорчено тем обстоятельством, что, не глядя под ноги, он споткнулся о складку на ковре и проехался по нему физиономией.

В результате всяких проволочек, без которых не обходится ни одна широкомасштабная операция, прошло куда больше десятиночия, прежде чем лыжи были готовы, люди обучены на них ходить, а мелкие организационные прорехи наконец заштопаны. Поход против сунгарцев был, что называется, практически на мази. Правда, Барнвельта, который депонировал полученное от королевы вознаграждение банкирской фирме «Та-лун и Фосг», очень беспокоило приближение сезона ураганов на море Банжао. Однако он обнаружил, что ни помочь, ни помешать уже практически ничему не может: подчиненные ему командиры совершенно независимо занимались решением своих собственных отдельных задач.

Он чувствовал, что играет во всем этом роль свадебного генерала, эдакого зиц-председателя, необходимого лишь для того, чтобы остальные не лезли в

начальники и поменьше лаялись между собой. Даже когда дело касалось возникающих то и дело споров и противоречий, он предпочитал перекладывать задачу на Джорджа Тангалоа, которого назначил своим заместителем, поскольку Джордж с его великолепным даром убеждения и неистощимым чувством юмора проявлял настоящий талант примирять самых непримиримых спорщиков и совмещать самые несовместимые точки зрения.

Как-то Тангалоа заметил:

— Знаешь, Дирк, по-моему, мы и впрямь накладем сунгарцам по первое число. Но как бы нам, черт возьми, удержать наших молодцов от того, чтоб они и Штайну башку не оторвали вместе с прочими?

Барнвельт задумался.

— По-моему, я знаю как. Вырвем листок из книжки самих же пиратов, как говорится. У тебя еще целая фотография Игоря, которую я тебе давал перед отправлением на поиски Зеи?

— Вроде да.

После этого разговора Барнвельт отправился к королеве и начал:

— Ваша Превозвышенность, в Ясмуриане есть один старый фотограф...

— Знаю такого — не так давно гильдия художников в суд подала на него, обвиняя, что нанял он банду хулиганскую, коя нападает на них средь бела дня на улицах, понуждая конкуренцию ослабить. Но при рассмотренье же дела оказалось, что хулиганами оными не кто иные были, как два путешественника, прозывающиеся Сньюл из Плешча и Таджди из Вьютра — имена сии кажутся мне смутно знакомыми, — кои лишь противостояли вымогательствам гильдии упомянутой. Так что судья моя дело закрыла и предостереженье вынесла мазилкам самонадеянным. А на что он сдался?

— Понимаете, он сунгарский шпион, и я хочу, чтоб вы его арестовали...

— Еще как арестую! Живьем сварю мерзавца, куда мясо с костей не поотваливается! Так вот какова благодарность его за справедливость правосудия нашего! Велю башку я ему ювелирной пилкою отпилить, по волоску за пропилю! Я...

— Да подождите же, королева! Он мне для другого нужен.

— Ну?

— В общем, на Сунгаре есть один землянин, которого мне обязательно надо взять живым...

— Зачем?

— Ну, он как-то мне здорово напакостил, и теперь я хочу обработать его как следует, чтоб надолго запомнил. Обидно будет, если кто-то из наших солдат вот так вот возьмет и убьет его одним махом. Так что я прошу сохранить старому фотографу голову и отпустить его потом на все четыре стороны в обмен на одну работенку — размножение портретов этого самого землянина. Он должен получить все материалы и помощь, какие только потребуются; чтоб в лепешку разбился, но выдал мне до отплытия три тысячи отпечатков. Я раздам их всем штурмовикам и пообещаю пять тысяч кардов награды тому, кто доставит мне землянина живым, но никак не мертвым.

— Странные идеи у тебя бывают, господин Сньол, но будь по-твоему.

В назначенный день Барнвельт вместе с теми, кто пришел его проводить, поднялся на палубу «Джунсара», который избрал в качестве флагмана. (Королева была крайне удивлена и разочарована, ожидая, что он предпочтет ее собственную «Доурию Деджанаю». Однако он настоял на своем, чтобы избежать любых проявлений фракционности. К тому же, «Джунсар» был больше.) Провожающие расхаживали по палубе с кружками в руках и болтали, словно это была вечеринка на яхте.

Барнвельту очень хотелось несколько более сердечно попрощаться с Зеей, с которой со времени возвращения в Рулинди едва мог перекинуться парой слов наедине. Однако у обоих никак не получалось отвязаться от вежливых бесед с остальными. В конце концов он взял шейхана за рога, извинился и обратился к Зее:

— Нельзя ли вас на минутку, принцесса?

Он прошел с ней в свою личную каюту, согнувшись в три погибели, чтобы не стукаться головой о балки подволока.

— До свиданья, дорогая, — произнес он, заключая ее в объятия.

Когда он отпустил ее, она тихо проговорила:

— Ты просто *обязан* вернуться, любимый мой! Иначе жизнь всякий вкус для меня потеряет. Наверняка сумеем найти мы решение некое, дабы желаньям твоим потрафить. Разве не могу я сделать тебя полубовником своим постоянным, королевой будучи, чтоб царила наша любовь вечно, покуда супруги мои рогоносные приходить да уходить будут?

— Боюсь, что нет. Никому не говори, но на самом-то деле я очень высокоморальная личность.

— Ежели решение такое тебе не подходит, настолько не мыслю я нас друг без друга, что брошу безоглядно титул свой королевский, чтоб скитаться с тобою по миру иль нырнуть в жуткие глубины космоса, откуда земляне загадочные к нам прибывают. Ибо тайною мечтою моей всегда было подчиняться человеку могучему и отважному — такому, как ты!

— Да ладно тебе, не настолько уж я...

— Никто с тобою сравниться не в силах! Сам Карар, если и взаправду жил он, а не порождением был фантазий поэтических, на тебя бы равнялся! Скажи лишь словечко...

— Ну, ну, кончай плакать. Когда мы снова увидимся, мы все уладим.

Слушая ее похвалы, он чувствовал себя довольно неловко, поскольку никак не мог избавиться от чувства вины и убеждения, что большей части всех бед, включая гибель Часка, можно было бы избежать, обращаясь он с экипажем «Шамбора» более умело. И хотя он действительно любил ее (пошло оно все к черту!), он по-прежнему считал свой план наилучшим со всех точек зрения. А задумал он, как только Штайн окажется в безопасности и будет отснята вся пленка, тихо исчезнуть с кришнитского горизонта и вернуться на Землю.

Он поцеловал ее с пылом, который сделал бы честь и великому актеру Роберто Канну, вытер ей слезы и вместе с ней вернулся на палубу. Гости понемногу расходились. Те, кто отплавывал вместе с ними — вроде принца Ферриана, — отправились на свои корабли, кто, вроде короля Пенжирда из Замбы, оставался — сходили на берег. Под хлопанье флагов, рев оркестров, шипение фейерверка и приветственные клики тысяч кирибцев с причала закричали весла, и союзная армада, над которой кружил один из ракетных планеров Ферриана, длинной цепью выползла в изумрудное море.

Над горизонтом вновь поднялись фоссандеранские холмы, на сей раз утыканные обгоревшими пнями и похожие на небритый подбородок под микроскопом. Только далеко слева, на восточной оконечности острова, упорно зеленела, коричневела, розовела и пунцовела кришнитская растительность.

Барнвельт, перегнувшись через поручень мостика «Джунсара», распорядился:

— Джордж, передай по флоту, что мы зайдем в бухту на северном побережье Фоссандерана пополнить запасы воды. Мне не хочется опять оказаться на нуле.

— А если они начнут выступать насчет демонов?

— Дело большое! Напомни, что я уже раз разделался с этими демонами одной левой. Естественно, водоносы пусть возьмут охрану.

Флот растянулся вдоль северного побережья острова, пополняя запасы воды, а сотни гребцов сошли на берег, чтобы урвать несколько часов сна на твердой земле, поскольку от самого Дамованга им лишь изредка удавалось вздремнуть, скорчившись на своих жестких скамьях. Хвостатые не показывались, и рассказ о том, что удалось выяснить про них Барнвельту, похоже, окончательно развеял большинство распространенных страхов, связанных с этим местом.

Когда предводители собрались на борту «Джунсара» на совещание, дарийский дашт высказал предположение:

— Очевидно, негодяи сии запросят наши условия?

— Утопить эмиссаров ихних в море! — брякнула королева Альванди.

— Не соотносится сие с практикою наций цивилизованных... — начал было мажбурский адмирал.

— А кого волнует? Кто называет сие ворье само-надежное цивилизованным?

— Минутку, мадам, — вмешался принц Ферриан. — Соблюденье моральных норм немалую выгоду сулить нам может, тем более, что сие нам ничего не стоит. Предлагаю условия им выставить такие, от каких наверняка они откажутся. Пообещаем, скажем, одни лишь жизни им сохранить в случае сдачи.

Так и было решено.

Когда все емкости были заполнены водой, гребцов разбудили, и флот вновь устремился к цели. За идущим впереди «Джупсаром» маячил чудной силуэт веселого авианосца Ферриана под названием «Куманишт». На носу его хлопнула катанульта, запуская в воздух для тренировочного полета ракетный планер, который покружил над флотом и скользнул обратно на взлетно-посадочную палубу, где его подхватила обслуга.

Когда они огибали восточную оконечность Фоссандерана, втягиваясь в судоходный канал пролива Палиндос, Барнвельт схватил Тангалоа за рукав. Несколько хвостатых охотились на мелководье за рыбой, тыкая в воду копьями. Едва заметив «Джунсар», они тут же вскарабкались обратно на берег и скрылись среди деревьев.

— Слушай, — оживился Тангалоа, — а нельзя ли ненадолго остановиться, чтоб я смог их опросить? Я бы взял охрану...

— Нет! Если выиграем войну, может, остановимся на обратном пути... Да?

Появившийся чин доложил, что у капитана такого-то разошлась обшивка и он просит разрешения вернуться на базу.

— О господи! — простонал Барнвельт. — Уже четвертая или пятая часть откололась! Вначале у нас

действительно был небольшой перевес, но нас совершенно подкосил Ростамб, и при таком раскладе нам вскоре придется иметь дело с превосходящими силами противника!

— В Дамованге мы все проверяли, — напомнил Тангалое.

— Конечно! Я сильно подозреваю обыкновенный саботаж со стороны кое-какой публики, которой совсем не улыбается лезть в драку. Пойду сам посмотрю на эту обшивку.

Барнвельт произвел осмотр, велел капитану заткнуть течь парусиной и вернулся на «Джунсар». Как только они вышли на просторы моря Банжао, он направил пару порожних грузовых лайб в Малайер с заданием загрузиться продовольствием и водой, а потом присоединиться к основному флоту у Сунгара. После этого он вновь занял прежнюю позицию, оперевшись локтями в поручень и угрюмо разглядывая море.

— Ты чего такой мрачный? — поинтересовался Тангалое. — В прошлый раз ты был и то веселей, а ведь риску было куда больше.

— Никакой я не мрачный. И риск тут вообще не при чем.

— А что тогда?

— Все чудесно, все прекрасно.

— Я знаю — ты влюбился!

— Угу, — неохотно согласился Барнвельт.

— Чего тогда тосковать? Лично я всегда это наоборот находил забавным.

— Я сказал ей прощай навсегда.

— С какой это стати?

— Она вбила себе в голову, что из меня выйдет хороший консорт. А... — Барнвельт выразительно чиркнул ребром ладони по горлу.

— Да, такой момент я как-то упустил из виду. Это следовало бы как-то устроить.

— Это уже устроено! Но этого-то мне совсем не надо!

— Нет-нет, погоди. Я хочу сказать, что если ты с толком возьмешься за дело, то свергнешь к бесу весь матриархат и навсегда покончишь с этим обычаем. Такая форма государственного устройства, как у них в Кирибе, не должна отличаться стабильностью.

— Ты имеешь в виду, потому что мужчины сильнее женщин, как у нас?

— Не совсем, хотя и это не стоит сбрасывать со счетов. Кхе-гм. Я имел в виду, что рассматриваемое общество с женской доминацией не развилось естественным путем. Изменения в культурной модели произошли скачкообразно, в результате ряда неких исторических инцидентов. Базовые же представления людей остались теми же, что и в окружающих кришнитских государствах, где такая модель предусматривает приблизительно равенство полов.

— Ясно. Хоть неприметной в лютне трещинка была, на нет она всю музыку свела.

— Вот именно. Вот в той же Ньямадзю, насколько я понимаю...

— А разве не могли эти, как их — базовые культурные модели перемениться с тех пор, как королева Деджаная ввела матриархат?

— Нет. На это потребовались бы столетия. Понимаешь, большинство людей получает основные культурные представления еще до достижения школьного возраста и, как правило, потом их не меняет. Именно поэтому на Земле еще кое-где прослеживаются остатки расовых предубеждений и дискриминации, несмотря на все законодательные меры и пропаганду последних веков. И скорее всего, подобный подход к рассмотрению динамики культурных моделей можно в равной мере проецировать и на Кришну. Так что если ты испытываешь желание разрушить означенную модель базилофагной гинеократии, пока та не успела окрепнуть...

— Модель чего? — опешил Барнвельт.

— Пардон, старина, я и забыл, что тут не собрание антропологической ассоциации. Так вот, подобная модель монархопожирательного бабского правления, как мне следовало сразу выразиться, вполне может быть разрушена одним-единственным решительным человеком, к чему у тебя все данные — доступ к вершинам власти, геройская репутация...

Барнвельт помотал головой:

— По натуре я довольно тихий малый и не испытываю желания свет жгучий пролить на престолы, чтоб черное стало черней.

— Да ладно тебе, Дирк! Ты у нас любишь быть первым. Я за тобой давно наблюдаю.

— По крайней мере, я не собираюсь совать голову в петлю, пока королева Альванди не рассталась с привычкой травить своих подданных духами — как их там, «Разнузданная похоть»? — чтобы держать под каблуком. А потом, остаются мои обязательства перед фирмой.

— Точно — я и забыл про «Игорь Штайн Лимитед». Слушай, а почему бы шейле не сменить работу? Тогда тебе не придется становиться консортом.

— Честно говоря, она уже это пообещала. Она даже готова лететь со мной на Землю.

— Господи, да что ж тебе еще надо? — переполошился Тангалоа. — С этакой-то цыпочкой! Да я бы на твоём месте...

— Она же кришнитка, дурень!

— Ну и что? Отношения-то все равно возможны... или во «Второзаконии» чего-нибудь против этого сказано?

— Да не в том дело. Мы несовместимы. Понял, в каком смысле?

— Тем лучше! Можно не волноваться насчет...

— Но я так не хочу!

— В смысле, ты хочешь, чтоб вокруг бегала куча маленьких Дирков? Как будто одного мало?

— Ох! — простонал Барнвельт.

— Возвышенные помыслы о бессмертии рода?

— Да причем тут это? Просто я сторонник стабильной семейной жизни, а один голый секс никогда тебе этого не даст.

— Ха-ха, — молвил Тангалоа. — Чего это ты там цитировал Куштаньозо насчет отвергания светлого бесчестья любви? Ты все еще повязан массой иррациональных табу, мой мальчик. Вот у нас в Полинезии давно...

— Знаю. Может, тебе система прогрессивной полигамии в самый раз, но я-то иначе устроен. Так что никакие яйцекладущие принцессы в мою жизнь не вписываются.

— Чрезвычайно нетерпимые, расово-предрассуднические воззрения.

— А мне плевать, это мои воззрения. Очень хорошо, что подвернулась эта экспедиция и мы расстались, иначе у меня никогда не хватило бы пороку ее бросить.

— Ну ладно, это твое дело. — Тангалоа вытер лоб. — А тут жарче, чем на северных территориях Австралии в январе!

— Южный ветер, — отозвался Барнвельт. — До самого Сунгара париться будем.

— Надо брать пример с этих чуваков из Дарьи. Как только мы отвалили от причала в Дамованге, они переоделись в национальные костюмы — намазались жиром, а теперь они и жир стерли.

Наконец, в туманной дымке на горизонте показались очертания Сунгара. Барнвельт, у которого уже возникло ощущение, будто он знает местные воды как свои пять пальцев, проложил курс к северо-западному побережью плавучего острова, где располагался вход в поселение пиратов.

Планер вернулся на «Куманишт» с сообщением, переданным на «Джунсар» флажными сигналами, что навстречу им движется какой-то корабль. Едва только сообщение разобрали, как появился и сам корабль. Приблизившись, он убрал паруса и на веслах направился прямоком к «Джунсару». Оба судна замедлили ход, пока не замерли друг против друга, почти касаясь носами. На грот-мачте пирата реял зеленый вымпел перемирия.

— Кто вы такие и чего вы тут делаете? — спрошено было с носа сунгарского корабля дребезжащим голосом на кирибском диалекте.

Барнвельт сказал герольду с рупором, который стоял рядом с ним:

— Ответь, что мы — объединенные военно-морские силы моря Садабао, пришли очистить Сунгар от мерзавцев.

— *Очистить от нас?!* — донесся в ответ возмущенный вопль. Да мы вас... — Тут сунгарский парламентар чуть ли не со слышимым усилием взял себя в руки. — Собираетесь ли выставить вы условия некие, покуда потасовка не началась?

— Ежели сдадитесь вы нам на милость, гарантируем мы вам жизнь, но ничего больше — ни свободы, ни имущества!

— Какие добряки, ха-ха! Ухожу я, дабы донести обещанье ваше щедрое до начальства!

Прежде чем развернуться, сунгарская галера довольно долго пятилась задним ходом — очевидно, капитан ее предпочел не подставлять свой уязвимый борт под неприятельский таран на близкой дистанции, перемирие там, или не перемирие. Потом послышался неистовый стук и плеск пиратских весел, и корабль помчался в сторону прохода в водорослях.

«Джунсар» двинулся вслед за ним, лениво перебирая веслами, чтобы по-честному дать сунгарцам возможность рассмотреть ультиматум. Вдруг суматошный перестук весел донесся до Барнвельта и слева — «Доурия Дежданая» королевы Альванди вся в пене понеслась вдогонку за пиратами.

— Эй, вы там! — гаркнул Барнвельт через воду. — А ну назад в строй!

Назад прилетел хриплый лай королевы:

— Герольдом у них Гизил-Шорник! Потоплю я корабль его, и...

— Какой еще Гизил-Шорник?

— Дерзкий бродяга кирибский и известный разжигатель недовольства среди мужчин наших! Велели мы повесить мерзавца, да, про приказ сей прослышав, спасся он бегством. На сей раз не уйти ему!

— Вернитесь в строй, — повторил Барнвельт.

— Но Гизил же ускользнет!

— Пусть его.

— Ну уж нет! Кто ты такой, чтоб командовать королевой кирибскою?

— Главнокомандующий, вот кто! Немедля остановитесь, иначе, клянусь ногтями Кондьюра, я вас сам потоплю!

— Кишка тонка! Навались, мальчики!

— Ах так? — Барнвельт повернулся к Тангалоа. — Передай вниз: полный вперед — зарядить носовую катапульту — подвернуть на цель.

Хотя в ходе обмена любезностями «Доурия Деджаная» успела вырваться вперед, более крупный «Джунсар» вскоре достал ее.

— Шарахните им разок поверх кормы, — распорядился Барнвельт. — Постарайтесь только ни в кого не попасть.

Банг! — сработала катапульта. Огромная стрела чуть ли не с человека длиной с воем пересекла узкое пространство между кораблями. Барнвельт рассчитывал, что она пролетит над королевой с приличным запасом. Однако то ли цель оказалась чересчур заманчивой, то ли качка не дала как следует прицелиться, но на деле вышло несколько по-иному: стрела зацепила мантию Альванди, сорвала ее с сановных плеч и унесла далеко в море, где трепыхающийся на лету символ власти вместе со снарядом с грандиозным «бултых!» исчезли под водой. Саму королеву при этом развернуло задом наперед и шмякнуло о палубу. На помощь ей тут же кинулась одна из амазонок.

Распорядившись прекратить греблю, она погрозила «Джунсару» кулаком. Барнвельт повсюду видел довольные ухмылки, поскольку самодурство королевы Альванди бельмом на глазу выпирало даже во флоте, который возглавляли такие незакомплексованные личности, как принц Ферриан Сотаспийский. С этого момента все приказы Барнвельта стали выполняться беспрекословно.

Я и Наполеон! — подумал Барнвельт. Если б они только знали, кто он такой на самом деле...

Когда они приблизились к Сунгару, клочья терпалы стали попадаться так часто, что то и дело цеплялись за весла. Поглядев в длинный кришнитский телескоп, Барнвельт увидел, что навстречу им выходит корабль,

охранявший вход. Галера уже успела вернуться на свое место и теперь затягивала затычку из терпалы в устье канала. В глубь его поспешно удалялся вельбот.

Сунгарцы готовились к обороне. Барнвельт передал: «Привести в действие план номер два».

С великим обменом сигналами и дудением в трубы флот перестроился. Две группы посудин, переделанных из обычных галер в десантные транспорты за счет уменьшения числа весел, расползлись по флангам, в то время как Барнвельт на «Джунсаре» повел мажбурскую эскадру напрямик к затычке, которая перекрывала уходящий в глубь Сунгара проход.

Пиратская галера осталась стоять на страже внутри канала, соединенная с терпаловой затычкой путаницей канатов. За ней по каналу уже двигались какие-то другие суда.

Барнвельту пришло в голову, что сунгарцы решили продолжить переговоры, но тут капитан «Джунсара» указал ему на коричневый вымпел вызова, лениво полоскавшийся на топе грот-мачты сторожевой галеры.

— Вот вам ответ, владыка мой, — объявил он.

Мгновением позже глухо стукнула катапульта, и над разделявшей противников полоской воды принялись чертить дуги свинцовые ядра и толстые оперенные дротики. Когда эта полоска еще больше сузилась, к ним добавились стрелы, выпущенные из луков и арбалетов. По распоряжению капитана «Джунсара» матросы огородили бак щитами, чтобы Барнвельт и его спутники могли наблюдать за происходящим с большей безопасностью.

— Не учинить ли и нам стрельбу? — осведомился капитан.

— Нет, покуда они не будут так добры вместо нас пристреляться, — отозвался Барнвельт.

Он повел телескопом по сторонам, пытаясь разглядеть, следуют ли остальные эскадры разработанному заранее плану, хотя из-за нанесенной теплым ветром

дымки видно было ничуть не лучше, чем невооруженным глазом.

Между «Джунсаром» и его соседом с правого борта плюхнулся снаряд.

— Давай! — крикнул Барнвельт, и на носах кораблей мажбурской эскадры захлопали катанульты.

Барнвельт сполна познал то беспокойное чувство, с которым главнокомандующий отдает последний приказ, выполнения которого можно ожидать с более-менее обоснованной уверенностью в самом начале битвы. Очень хочется внести в планы последние усовершенствования; но теперь уже поздно, и исход боя целиком и полностью ложится на плечи простых бойцов.

О загородку из щитов стали с грохотом и звоном ударяться всевозможные летающие предметы. Треск и взрыв воплей на корме возвестили, что огонь защитников угодил в цель.

Барнвельт, выглянув из-за щитов, обнаружил, что лишь затычка из водорослей и несколько метров чистой воды отделяют его от галеры, сторожившей вход. Галера беспрерывно стреляла, снаряды неслись у них над головой с протяжным гудением и свистом. Четыре мажбурские галеры вплотную приблизились к затычке и стреляли в ответ, хотя, уткнувшись носами в водоросли, могли использовать только передние катапульти, а лучникам на баках было просто не развернуться.

С атакующих галер на тараны полезли люди с крюками и граблями, растаскивая на длинные пряди золотисто-коричневую вязкую массу с пурпурными поплавочками. Пряди они передавали наверх остальным, чтоб покрепче вцепиться в затычку. Прямо на глазах у Барнвельта один из багривших водоросли был подбит стрелой и рухнул в воду. Место его тут же занял другой.

Протяжное шипение над головой заставило Барнвельта поднять взгляд. Это был один из планеров Ферриана, который закладывал вираж над вражескими позициями. За ракетами его тянулся длинный хвост

желтого язуварного дыма. Когда он пролетал над сторожевой галерой, с него посыпалось что-то похожее на дождь. Барнвельт знал, что это была пригоршня стальных стрелок, великое множество которых принц Ферриан наготовил для своих авиаторов.

Другой планер долетел до основного поселения, где тоже что-то сбросил. Там поднялось облако дыма и как следует ахнуло, хотя Барнвельт не заметил, чтобы вся эта пиротехника причинила какой-либо реальный ущерб.

Тресы! Чугунное ядро из вражеской катапульты проломило загородку в двух щитах от Барнвельта и кегельбанным шаром прокатилось по палубе бака. Двое матросов бросились заменять расколотый щит. Внизу, среди водорослей уже валялось несколько человек. Барнвельт увидел, как одно из тел как-то странно дернулось, и мельком углядел у самой воды пятнистую шкуру. Привлеченные кровью, собирались фондаги, или ядовитые угри.

Одна из мажбурских галер уже завела на палубу несколько косм терпалы и начала табанить, но, как следует натянувшись, те одна за другой порвались. Над головами прошипел еще один планер. На сторожевой корабль просыпался град мелких снарядов, не причинивших никакого вреда.

— Владыка мой Сньол! — крикнул капитан «Джунсара». — Сюда движется принц Ферриан!

Барнвельт добежал до кормы в тот самый момент, когда Ферриан, стройный и смуглый, уже перемахивал через фальшборт, сверкая на солнце своими воронеными доспехами. Экипаж вельбота, доставившего его с «Куманишта», устало опустил весла под кормой «Джунсара».

Несколько секунд Ферриан переводил дух, после чего выпалил:

— Некий странный флот приближается к нам с севера, владыка мой! Один из летунов моих узрел его с высоты.

— Что за флот?

— Пока не ведомо, но послал я другой планер выяснить.

— Кто же это может быть? Королю Ростамбу стало стыдно, и он решил прийти нам на выручку?

— Все возможно, но более вероятно, что сие флот Дюра, спасать идет дружков своих разбойничков!

Дюр! Барнвельт про него и думать забыл. А между тем неистовая перестрелка с сунгарцами не ослабевала.

— Я отправлюсь с вами на «Куманишт» и посмотрю, что можно сделать, — решил он, после чего обратился к Тангалоа: — Оставайся здесь. Просигналь на транспорты, чтоб не высаживали лыжный десант до следующих указаний.

Было бы совсем ни к чему, мрачно размышлял он, слезая по веревочной лестнице в вельбот, подвергнуться нападению с моря в разгар столь тонко разработанной операции.

Оказавшись на борту авианосца, он принялся нервно расхаживать по планерной палубе, отходя в сторону во время взлетов и посадок. Наконец планер, посланный к северу на разведку, вернулся и с грацией бабочки скользнул на палубу, где был подхвачен матросами.

Авиатор вылез из него со словами:

— Еще четверть часа, и оказался бы я в море из-за нужды в горючем! Владыки мои, флот надвигающийся и впрямь принадлежит Дюру, что без сомнения по парусам видно квадратным в манере Ваандао бурного.

— Сколько их там? — спросил Ферриан.

— Насчитал я четырнадцать великих кораблей да еще, пожалуй, столько же поменьше.

Барнвельт прикинул в уме.

— Если мы будем держать сунгарцев заткнутыми, у нас еще останется преимущество, чтоб разобраться с Дюром.

— Не видали вы еще великих кораблей дюрских, — угрюмо огрызнулся Ферриан. — На крупнейших галерах у них не менее чем по тысяче народу на каждой, и одною лишь целую эскадру наших раздавить можно, как жуков под каблуком! А посему, владыка мой, извольте-ка поскорей проявить ту изобретательность сверхъестественную, о коей Альванди все уши нам прожужжала, покуда солнце заходящее не высветило лучами своими картину грустную, как вы, я и все наши вояки brave на корм отправляются фондагам. Итак, сэр, каковы будут распоряженья?

На корм фондагам? Барнвельт задумался, ухватившись рукой за свой длинный подбородок. Минутку, а ведь это палка о двух концах!

— Скажите мне вот что, — начал он. — Вот уже битый час ваши планеры забрасывают сунгарцев всякой дрянью совершенно без толку...

— Планеры мои — величайшее изобретенье военное с той самой поры, как побил Карар воительниц Варзени-Гандераны зельем своим магическим! — горячо возразил Ферриан. — Благодаря им стали мы столь же могущественны в искусстве Кондьора, как земляне проклятые! Но согласен, — тут он слегка утихомирился, — что не доведены они еще до уровня должного. Что предлагаете вы?

— Сколько они могут взять груза?

— Для полета короткого — столько же, сколько человек весит, помимо пилота. К чему это вы клоните?

— На судах сопровождения у нас полно кувшинов с водой. Если вылить из них половину или две трети, каждый будет весить приблизительно, как человек — если даже не меньше...

— Но что проку нам от бомбардировки кувшинами с водою? Разве что одному-другому врагу напрямик по башке угодишь...

— А если кувшины набить фондагами?

— Хао, вот теперь предложение ваше похоже на дело! — вскричал Ферриан. — Наживкою послужат тела павших, а ловить будем крюками, коими надумили вы мажбурцев водоросли рвать на клочья... Капитан Зайр, шлюпки на воду! У адмирала нашего распоряжение есть для флота! Живей, живей!

— Но, владыки мои! — пролепетал капитан Зайр с выражением ужаса на лице. — Люди смертельно боятся сих тварей, и по доброй причине!

Барнвельт и сам их здорово побаивался, но виду не подал.

— Дело большое! Лично меня они нисколько не страшат. Раздобудьте мне толстую кожаную куртку и пару рукавиц, и я покажу.

Как обычно, принцу Ферриану достаточно было уловить лишь суть идеи. Вскоре он уже носился во всех направлениях, одних посылая вязать рыболовные снасти, других гнуть крюки из наконечников для копий, а третьих передавать распоряжения остальному флоту.

На все это ушло время. Первым делом Барнвельту пришлось лично продемонстрировать, как обращаться с фундагами, чтобы не быть укушенным, благодаря богов за опыт с земными акулами и утрями. К тому времени, как экипажи всех кораблей, уткнувшихся в терпалу, уже повсюду выуживали, поддевали и накалывали на пики извивающихся, щелкающих зубами чудищ и запикивали их в кувшины с водой, второй планер вернулся с сообщением, что флот Дюра вот-вот покажется на горизонте.

Барнвельт бросил взгляд на высокое, жаркое солнце.

— При этом южном ветре, — сказал он Ферриану, — на организацию у нас остается от силы час. Я собираюсь разделить флот и вверить вашему попечению ту часть, которая выступит против дюрцев.

Заметив, что Ферриан насмешливо поднял антенны, он добавил:

— Нашим главным оружием против них являются планеры, что понимаете вы лучше кого-либо другого. Я же хочу вернуться на «Джунсар», потому что уверен — когда пираты увидят, как большинство нашего флота уходит, то наверняка попытаются сделать вылазку.

Он повернулся к шкиперу «Куманишта»:

— Капитан Зайр, дайте сигнал всем адмиралам собраться здесь.

В корму «Куманишта» ткнулся баркас, нагруженный кувшинами. Рулевой весело распевал:

— А вот рыбы кому? Прекрасной свежей рыбы? Один укус — и ты мертвая туша!

Матросы бросились перегружать кувшины на авианосец. Одно из суденышек поменьше, заваленное амфорами, тоже пристроилось к борту. Ряды кувшинов на взлетно-посадочной палубе галеры стали на глазах расти.

Командиры один за другим поднимались на борт. Барнвельт посвящал их в свой план, сразу отсекая все возможные возражения:

— Это все — выполняйте!

Когда он спустился в вельбот, с «вороньих гнезд» на мачтах союзного флота стали доноситься крики: «Парус на горизонте! Парус на горизонте! ПАРУС НА ГОРИЗОНТЕ!»

Флот Дюра показался в поле зрения.

«Джунсар» между тем продолжал участвовать в перестрелке. Все корабли были уже изрядно покорежены. Выпущенные из катапульта снаряды повываляли куски фальшбортов, в стенах рубок зияли обширные дыры. На одном мажбурском корабле была снесена бизань-мачта, на другом вдребезги разбита катапульта, в то время как вражеские палубы казались буквально усыпанными обломками.

С кормы «Джунсара» Барнвельт с Тангалоя наблюдали за эволюциями основного флота. Массивный «Ку-

маништ» расположился посередине, а остальные рассыпались по морю в стороны, выстраиваясь в виде огромного полумесяца с выставленными вперед рожками. На горизонте проглянули крошечные бледные прямоугольнички — паруса дюрских кораблей.

Часа через два моряки мажбурской эскадры оторвали от затычки уже половину водорослей, отчего приблизились к сторожевику еще теснее, и перестрелка стала еще жарче.

— Владыка мой Сньол, — подал голос мажбурский адмирал, — мыслится мне, что и впрямь вылазку они затевают, как вы и предсказывали!

За сторожевым кораблем в глубине канала показалась двойная колонна сунгарских галер. Барнвельту не удалось их сосчитать, поскольку корпуса ведущей пары заслоняли остальные, но и так было ясно, что численное преимущество далеко не на его стороне.

Тангалоа оторвался от киносъемки, чтобы заметить:

— Эти чуваки сейчас попытаются подойти к нам вплотную, потом выстроятся впритык друг к другу, и к нам хлынет бесконечный поток абордажников.

— Ясно дело. Как бы убедить тебя надеть хоть какие-нибудь доспехи?

— А вдруг я свалюсь в воду?

Барнвельт пасмурно наблюдал за приближением сунгарцев. Пришла бы только в голову какая-нибудь светлая идея!.. Если пиратам и впрямь удастся прорвать блокаду, погонятся ли они за основным флотом или же рассыплются по сторонам? Впрочем, это не должно его особо волновать — к тому моменту его уже наверняка убьют.

Шум впереди заметно попритих. Люди на палубе сторожевой галеры временно прекратили огонь, стараясь развернуть ее так, чтобы она не загораживала проход остальным. Весла ее шевелились еле-еле, да и у подходящих галер тоже, что навело Барнвельта на мысль, что они, должно быть, сильно недоукомплектованы гребцами.

— Надо пока прекратить огонь, — сказал он мажбурскому адмиралу, — чтобы убрать обломки, укрепить фальшборт и набрать побольше снарядов. Ну как, наберем?

— Еще как наберем, сэр, ибо корабль мой стрелами да копьями утыкан, будто взбешенный *эвашиг* колючками!

— Все наши шесть кораблей нужно связать между собой, как я покажу, и толкать ими затычку вперед. И напомните людям насчет того человека, который мне нужен живым!

Барнвельт провел пальцем по заточке меча.

Мажбурские корабли сцепились швартовыми. Гребцы, оказавшиеся внутри получившегося супер-катамарана, убрали весла, поскольку места для них не осталось. Оставшиеся навалились на вальки, и гигантское сооружение двинулось вперед, заталкивая затычку из водорослей вместе с изуродованным сторожевиком вглубь канала.

Однако вскоре два первых пиратских корабля тоже воткнулись таранами в ком терпалы, толкая его в другую сторону. Поскольку весел у них в ходу было больше, они остановили продвижение затычки и принялись выпихивать ее обратно в открытое море.

— Что это ты там делаешь, Джордж? — удивился Барнвельт.

— Да так, хочу кое-что попробовать, — отозвался Тангалоа. В руках он держал метровый обломок катапультной стрелы, к которому привязывал длинную тонкую веревку.

— Они уже вылезают, — объявил Барнвельт.

Две сунгарские галеры уже достаточно далеко вытолкали затычку и шесть мажбурских кораблей в море, чтобы пиратское суденышко поменьше, которое доселе держалось позади, смогло проскользнуть мимо них и обогнуть затычку, хотя и цепляясь веслами за водоросли при каждом гребке. Мало-помалу оно пролезло

сквозь узкий проход в терпале, пока не уткнулось носом в правый крайний корабль мажбурской эскадры.

Барнвельт и Тангалоа бросились туда, смешавшись с людьми, свободными от гребли. В тот же момент с борта на борт перелетели доски с крючьями. Взрели трубы, и с обеих сторон на доски ринулись абордажники. Сшиблись они аккуратно посередине. Люди сцеплялись друг с другом и падали с мостков, ударяясь о торчащие внизу тараны и плюхаясь в пропитанную водой тину. Сзади тут же напирала другая, а с баков обоих кораблей лучники и арбалетчики посылали стрелы в самую гущу противостоящих бойцов. Лучники с соседнего мажбурского корабля тоже включились в перестрелку.

Работая локтями, Тангалоа протолкался сквозь людскую кашу на баке. Добравшись до фальшборта, он взял наизготовку свой самодельный кнут и принялся раскручивать его над головой. Конец хлыста змеей метнулся над полоской воды между сцепившимися кораблями. Щелк! Хлыст обвился вокруг шеи кого-то из сунгарцев, и в ту же секунду тот перелетел через борт. Плюх! Тангалоа подобрал веревку и вновь замахнулся. Щелк! Плюх!

Барнвельт уже дошел до того взвинченного состояния, в котором его просто-таки тянуло в драку, но толпа на носу плотно перекрыла ему дорогу. Под превосходящим огнем мажбурцев и взмахами кнута Тангалоа сунгарцы стали отступать, пятясь по мосткам, пока мажбурцы бурным потоком не выплеснулись на шкафут пиратской галеры, увлекая за собой Барнвельта. Он спотыкался о трупы, не в силах что-либо толком рассмотреть из-за толпы и ничего не слыша из-за жуткого шума.

Давка и шум еще больше возросли, когда на корму посыпались пираты с другой сунгарской галеры. Как и предсказывал Тангалоа, пираты составили свои корабли впритык друг к другу и перебежали по ним, как по мосту, чтобы ввести в действие максимально воз-

можные силы. Барнвельт почувствовал, что его теснят в сторону носа, и вскоре уперся спиной в фальшборт. Теперь, хотя внезапный натиск толпы мог сбросить его за борт, ему, по крайней мере, было видно, что происходит. Половина палубы была уже забита сунгарцами, которые упорно пробивались вперед.

Не в силах добраться до облепленных людьми мостков, Барнвельт убрал меч в ножны, слез через фальшборт на таран, перешагнул чей-то труп, перепрыгнул на таран мажбурского корабля и вскарабкался на борт. Бак был по-прежнему битком набит людьми. Посреди всей этой неразберихи высился мажбурский адмирал, закованный в доспехи, как омар, и одно за другим ревел какие-то распоряжения.

Тангалоа прислонился к поручню, преспокойно покуривая.

— Тебе не следовало бы так поступать, — изрек он. — Главнокомандующий должен держаться позади, где он действительно может главнокомандовать, а не лезть в вульгарную потасовку.

— Честно говоря, до настоящей потасовки я так и не добрался.

— Скоро доберешься. Вон они уже где!

Клин сунгарцев развалил ряды противника надвое и опять прорвался к мосткам. Мажбурцы на мостках были либо зарублены, либо сброшены вниз, либо оттеснены назад на свой собственный корабль, а пираты, не отставая ни на шаг и с безумной свирепостью размахивая оружием, следовали за ними. Во главе их бушевал коренастый землянин с багровой физиономией, испещренной множеством крошечных морщинок.

— Игорь! — заорал Барнвельт, сразу узнавая начальника за железным наносником шлема.

Игорь Штайн тоже заметил Барнвельта и ломанулся к нему, вращая кривым клинком. Барнвельт парировал один удар плеча за другим, а то и дело и колющий тычок, но удары следовали так часто, что, кроме обороны, ни о чем и помыслить было нельзя.

Шаг за шагом Штайн загонял его на корму мажбурского корабля. Шлем Барнвельта лязгнул под ударом, достигшим цели. Раз или два Штайн открывался при отскоке, но Барнвельт не решился воспользоваться оплошностью противника. Вот если б удалось огреть шефа по башке плоскостью меча, как того художника в Ясмуриане... Но он, зараза, шлем напялил, только меч сломаешь.

В пылу схватки Барнвельт даже не заметил, что всеобщая потасовка успела растечься по всем мажбурским галерам. Время от времени ему приходилось бросать быстрые взгляды через плечо, чтоб кто-нибудь неожиданно не напал сзади. Мельком он увидел Тангалоа, проламывающего пиратский череп палицей, пирата, который перебрасывал кого-то из мажбурцев за борт на острие пик...

Штайн с дьявольской силой продолжал теснить его назад. Барнвельт терялся в догадках: откуда, к чертям, у Штайна, в его-то возрасте, такая физическая выносливость. Будучи куда как моложе и куда лучшим фехтовальщиком, Барнвельт, тем не менее, уже попросту выдыхался. Ноющие пальцы едва удерживали ставшую скользкой от пота рукоять, а Штайн все пер и пер вперед.

Полуют заметно возвышался над палубой. Барнвельт нащупал ногой у себя за спиной первую ступеньку и начал шаг за шагом подниматься вверх, отражая замахи Штайна у самых ног. Конечно, это совсем нечестно, когда приходится драться с человеком, который только и думает, как бы тебя убить, а самому тебе убивать его нельзя!

Размахивая мечами, они пересекли полуют. Барнвельт стал приходить к мысли, что если он в самом скором времени как-то не ранит Штайна, тот наверняка его зарубит, поэтому принялся метить ему в руки и ноги. Раз он почувствовал, что куда-то попал, но Штайн продолжал наступать все с той же бешеной мощью.

В спину Барнвельта уперся поручень фальшборта. Теперь ему оставалось выбирать только между посвистывающим клинком Штайна впереди и морем Банжао позади. За спиной Штайна замаячила могучая туша Тангалоа, но по какой-то непонятной причине Джордж просто стоял себе на юте, никуда не двигаясь.

Штайн приостановился, свирепо сверкнув глазами, перехватил поудобней саблю и опять обрушился на Барнвельта. Тангалоа по-прежнему стоял столбом. На сей раз вопрос уже стоял прямо: либо тот, либо другой...

Внезапно разом взревели трубы. В тот же самый момент в воздухе что-то мелькнуло, щелкнуло и обвилось вокруг левой щиколотки Штайна. Веревка рывком натянулась, выдергивая из-под Штайна одну ногу и заваливая его навзничь на палубу. Прежде чем он успел подняться, сверху на него шмякнулась необъятная туша Тангалоа, выпустив из него воздух, как из аккордеона перед укладкой в футляр.

Барнвельт скакнул вперед, наступил на кулак, сжимавший саблю, вырвал у Штайна оружие, сдернул с него шлем и от души ахнул шефа по темени плоской стороной меча. Штайн отрубился.

А тем временем сунгарцы, успевшие проникнуть на все мажбурские корабли, разом бросились назад к мосткам, которые вели на их собственные посудины. Кое-где еще вспыхивали мелкие стычки, как язычки пламени в догорающем костре, но мажбурцы, потерявшие почти четверть своего личного состава, большей частью не мешали неприятелю убираться восвояси. Галеры были буквально усыпаны мечами, копьями, топорами, шлемами, щитами и прочим боевым снаряжением, а также телами своих и врагов.

Пока Тангалоа вязал Штайну руки за спиной, Барнвельт спросил:

— Где это ты так насобачился обращаться с хлыстом, а, Джордж?

— А-а, это в Австралии. Какое жлобство все эти драки! Настоящему ученому вроде меня тут вообще не место.

— Какого черта ты стоял, как пень, почему сразу не вмешался? Он же меня чуть не прикончил!

— Я вас снимал.

— Что?!

— Ну да, из вашей со Штайном драки вышел просто-таки изумительный эпизод. Он обязательно войдет в нашу картину о Сунгаре.

— Ни хрена себе! — взвыл Барнвельт. — Мне это нравится! Из меня тут, можно сказать, котлету делают, а он, видите ли, думает, как бы это заснять покрасивше! Я полагаю...

— Ну ладно, ладно, — произнес Тангалоа примирительным тоном. — Я прекрасно знал, что такому спецу по фехтованию не может грозить особая опасность. Так ведь и вышло, разве нет?

Барнвельт даже и не знал, то ли с кулаками на Тангалоа лезть, то ли рассмеяться, то ли надуться от гордости. Наконец он пришел к заключению, что Джорджа все равно уже не перевоспитаешь, и предпочел замять эту тему.

— А куда это сунгарцы сматывают? — поинтересовался он. — Я-то думал, они победили!

— Оглянись!

Барнвельт оглянулся и увидел, что союзный флот возвращается обратно. Уже слышались даже удары гонга, задающего ритм гребцам. Посреди него переваливался на волнах авианосец «Куманишт», который тащил на буксире огромную галеру с прямым парусным вооружением и длиннющими, рассчитанными то ли на восемь, то ли на десять гребцов веслами, расположенными в два яруса.

Пираты, которые успели в полном составе убраться на свои корабли, посбрасывали в воду мостки и суматошно отпихивались от мажбурских галер шестами,

копьями и веслами. Через некоторое время неприятель уже торопливо плюхал вверх по каналу в сторону основного скопления пиратских судов.

Первый раз за очень долгое время Барнвельт взглянул на солнце, уже низко повисшее над горизонтом. Бой занял большую часть дня.

Солнце зашло. Штайн был надежно упрятан в трюм «Джунсара», а раны Барнвельта — пара неглубоких порезов — крепко перевязаны. Сам Барнвельт председательствовал на собрании адмиралов в просторной каюте «Джунсара».

— Что тут творилось, владыка Сньол? — кричал принц Ферриан. — Люди толкуют, будто увлекли вы лично абордажников на корабль сунгарский, каждым замахом снося по три головы пиратские, и чуть ли не в одиночку всех негодяев побили. Верно ли сие?

— Это явное преувеличение, хотя мы с Таджди действительно сами пленили того землянина, который был нам нужен.

— Не позволишь ли мне сварить его в масле? — деловито осведомилась королева Альванди. — Хватает пиратов нам и в собственном мире, чтоб еще...

— У меня другие планы, Ваша Возвышенность. Принц Ферриан, расскажите лучше, что происходило у вас.

— Сечи великой не вышло — скорей комедия, гения Хариана достойная! Знаете вы, наверное, что на кораблях своих чудовищных дюрцы рабов на весла сажают, поелику даже доходы их несправедливые не позволяют им такую тьму свободных гребцов нанять. И согласно обыкновению, на дело пускаясь, каждого раба цепью за ногу приковывают к лавке надежно, цепь оную в колечко бронзовое, к дереву привинченное, пропуская.

Так вот — корабли дюрские, будто стадо биштаров бешеных, на нас напустились; но не узревши ничего, помимо частокола мачт наших на горизонте, сочли, будто полно у них времени, дабы к битве приготовиться достойно. И тут нежданно-негаданно пал на них с поднебесья один из парней моих отважных на планере своем, сбросивши кувшин свой пряником на флагман. И треснул оный кувшин аккурат посреди скамеек для гребцов, когда господа и половины рабов своих не заковали, чем конфузию превеликую промеж них учинил — фондага сей момент извиваться зачала да хватать кого не попадая, рабы визжать истошно, укушенные в агонии предсмертной биться, а надсмотрщики кнутами без толку размахивать. Одним словом, полная неразбега да базар приключились.

Когда ж еще два посланья таких любовных последовали, окончательно рабы взбеленились и бунт на борту учинили. Те, что свободны еще были, прочих от цепей избавили, покуда другие на матросов да надсмотрщиков с голыми руками накинудись, одних в море выкидывая, других же на мелкие кусочки растерзывая. Адмирал дюрский спасся от участи подобной лишь тем, что кирасу скинуть успел и в море выпрыгнуть, где подобрала его лодка связная.

А меж тем и прочие летуны наши кувшины свои сбросили. Хоть некоторые при том и в воду попадали, другие же в цель угодили, с результатами просто-таки восхитительными. Ибо, даже если рабы на других кораблях и прикованы были, одно лишь присутствие преотвратнейших тварей морских весь порядок нарушило и любым маневрам воспрепятствовало. Короче, невиданная доселе природа нападения настолько лишила врага присутствия духа, что часть кораблей в бегство обратилась, не успели мы к ним приблизиться.

Другие же, бойню узревши на корабле флагманском и не ведая, что адмирал цел и невредим — ибо флаги свои персональные захватить он с собою позабыл, —

в замешательстве пребывали; и когда «Сагганд» сурускандский задумал корабль великий протаранить, последний даже не пошевелился, дабы гибельный удар отворотить, вследствие чего ко дну пошел незамедлительно, а остальные же в бегство ударились. Взяли на abordаж мы флагман, где все еще баталия бестолковая бушевала, диспутантов утихомирили и на буксир взяли. Все наши потери — один из летунов моих, что мимо полосы посадочной промазал и потоп, бедолага.

Н а следующее утро, как только заалевший Рогир разорвал оковы тумана на горизонте, на флагмане союзного флота протрубили сигнал к штурму. Мажбурская эскадра во главе с потрепанным «Джунсаром» двинулась на веслах вверх по каналу.

А тем временем вдоль края терпалы, по обе стороны от входа в пиратскую крепость, на плотный слой водорослей широким полумесяцем высаживались со своих судов десантники с лыжами на ногах. Воины неловко пошатывались, впервые оказавшись на зыбкой, чавкающей тверди. Некоторые тут же попадали, и их пришлось поднимать. Однако вскоре целые сотни их двинулись вперед, выстроившись в три цепи: первая несла огромные плетеные щиты, чтобы прикрыть себя и идущих позади от метательных снарядов, вторая копья, а третья — луки.

Со стороны пиратских укреплений не доносилось ни звука. За ночь сунгарцы составили большинство своих кораблей вместе, так что получилось нечто вроде цитадели, где посредине, в окружении суденышек поменьше, располагались наиболее крупные галеры. Все это хозяйство, в свою очередь, было оцеплено нагромождениями плотов и шаланд. Такой строй не позволял таранить пиратские корабли, по крайней мере, до тех пор, пока оставались на месте менее ценные посудины по краям.

«Джунсар» придвинулся еще ближе — по-прежнему зловещая тишина. Штурмовики, шлепавшие сквозь

терпалу, тоже подтягивались, охватывая поселение с боков, чтобы проникнуть в него сразу с обеих сторон.

Приблизившись на расстояние выстрела из катапульты, «Джунсар» замедлил ход, чтобы выпустить вперед бирему «Сагганд» — тот самый корабль, что днем ранее столь отважно таранил дюрскую галеру втрое крупней себя.

От удаленных жилых посудин по краям поселения донеслось щелканье самострелов, и в сторону надвигающейся цепи лыжников пронеслись темные черточки. Барнвельт понял, что далеко не все пираты оттянулись в центральную цитадель, чтобы сдерживать их на подступах к плавучему городу. Десантники-лучники открыли ответный огонь над головами своих соратников.

В глубине цитадели сработала катапульта. Гигантская стрела пронеслась над каналом, чтобы нырнуть в воду у борта «Сагганда». После этого скрип, стук и хлопанье катапульт стали слышаться беспрерывно.

«Сагганд» уткнулся носом в ближайший из плотов, которыми была заставлена цитадель. Нос «Джунсара» при этом притянули швартовами к его правому борту, а «Доурии Деджанай» королевы Альванди — к левому. Остальные галеры, словно стадо слонов, плотно сгруппировались за ними. Все корабли быстро соединили мостками, с тем чтобы бойцы могли без помех высадиться с них на передний край цитадели.

Барнвельт, стоя на носу «Джунсара», услышал вопли и лязг битвы, завязавшейся по бокам поселения, когда лыжники добрались до крайних судов и попытались на них закрепиться. Однако разглядеть что-либо было трудно. Его воины выстроились в затылок у него за спиной, один за другим соскальзывая по канату на палубу «Сагганда», а оттуда уже перелезали через носовой фальшборт на плот.

И тут цитадель разразилась таким бешеным огнем, какой только Барнвельт когда-либо видел. Свист и жужжание катапультных снарядов, больших и маленьких стрел, камней, выпущенных из пращей и рогаток,

слились в единый протяжный вой. Смертоносный дождь обрушился на плот и палубу «Сагганда», кося ряды нападавших. Уцелевшие бестолково заметались на тесном пространстве, пытаясь отступить, но большей частью тоже полегли под огнем. Отдельные счастливчики успели метнуться вперед и полезли на борт небольшой галеры на противоположной стороне плота. Навстречу им тут же встали сунгарцы.

Барнвельт обнаружил, что истошно орет: «Давай-давай! Вперед!!!»

Ко всему прочему, захватчиков ждал еще один неприятный сюрприз: вдоль канала, оставляя за собой длинный хвост густого дыма, пронеслась здоровенная ракета, с торчащим спереди то ли копьём, то ли просто заостренным бревном. Летела она крайне неустойчиво, бестолково вихляясь в разные стороны, но, тем не менее, врезалась точнехонько в полуют «Джунсара» и с грохотом разорвалась, взметнув в небо горящие обломки. Воины, выстроившиеся в затылок в проходе между скамьями для гребцов, разлетелись по сторонам, а экипажу «Джунсара» пришлось спешно кидаться тушить множество очагов пожара по всему кораблю. Другая такая же ракета ударилась в нос «Доурии Деджанай». Застлавший корабли дым и языки пламени мешали прицеливаться, и пехотинцы сразу лишились огневой поддержки.

В конце концов атака захлебнулась. Воины понемногу стали стекаться назад. Десятки из них едва двигались, а десятки других усеивали «Сагганд» и плот, убитые или слишком тяжело раненные, чтобы спастись бегством.

Под бомбардировкой со стороны цитадели на организацию новой атаки ушло несколько часов. Барнвельт увидел, что передовой отряд на сей раз снабдили такими же большими плетеными щитами, что и у десантников. Последние вроде уже более-менее прочно закрепились на подходах к поселению. Больше Барнвельту не удалось ничего выяснить, поскольку

связь с ними поддерживалась исключительно посредством гонца, шлепавшего туда-сюда на лыжах по слою терпалы.

Вторая атака началась вскорости после полудня. Прикрываясь плетеными щитами, передовой отряд пробился на галеру за плотом и чуть было окончательно не выбил с нее пиратов, прежде чем внезапная контратака обратила его в бегство.

Долгий кришнитский день тянулся невыносимо медленно. Барнвельт распорядился задействовать все гребные лодки флота и начать комбинированную атаку, окружив ими цитадель и высаживая людей во всех возможных местах.

На сей раз нападавшим и впрямь удалось закрепиться на небольшой галере у самого канала, которую они удерживали до самого заката, когда оставшиеся на плаву лодки отошли назад. Но вскоре очередная контратака опять выбила союзный десант с занятого корабля, и все стало точно так же, как и в самом начале.

На вечернем совещании дарийский дашт доложил, что лыжникам удалось занять большинство судов по краям поселения, а королева Альванди влезла с предложением:

— О Ферриан, а почему бы летунам вашим бравым не приземлиться на страшилищах своих прям посреди цитадели, дабы с тылу врага уязвить?

— Не вижу я в сем особого смысла. Коли сядут они поодиночке, аппараты свои наверняка поломавши, перережут их там, будто унгов на ярмарке сельской!

— Иль побаиваются они драки честной, бой предпочитая вести с расстоянья безопасного? Полегло уж там число несметное девочек моих отважных, потому как герои ваши деликатные сражаться могут, лишь забравшись повыше и всякой пакостью отгудова кидаясь...

— Довольно, карга! — взвыл Ферриан. — А кто, интересно, в бегство обратил флот дюрский, а? Летуны мои по сравнению с псевдо-воителями вашими...

— Не боец ты, но калькулятор хитрый...

Стуча кулаком по столу и возвысив голос, Барнвельт восстановил порядок. Тем не менее адмиралы весьма нетерпимо воспринимали указания на собственные просчеты и долго грызлись между собой и с Барнвельтом, так и не приходя к чему-либо путному. Барнвельт понял, что его затея с лыжным десантом, хоть сама по себе и довольно удачная, все же не особо помогла прорвать столь мощную оборону одним махом, по крайней мере, при той численности войска, которой он располагал.

Наконец, он встал с видом человека, который и так уже достаточно долго слушал.

— Завтра мы опять повторим атаку, используя все имеющиеся средства сразу. Ферриан, снарядите свои планеры стрелами и фейерверками и заготовьте побольше кувшинов с фундагами. Владыка мой даст, заставьте своих лыжников продвинуться еще дальше от их нынешних позиций, даже если вам придется в задницы их подталкивать. Расставьте лучников на лыжах вокруг всего внутреннего края терпалы, чтоб цитадель простреливалась целиком. А вы, королева Альванди...

После того как адмиралы разошлись по своим кораблям, Барнвельт побрел на палубу «Сунгара». Глядя на тусклые звезды, он думал о Зее. Несколько дней разлуки с ней совсем не погасили плававший в нем огонь — скорей, наоборот. В голове у него крутились самые фантастические замыслы, вроде организации налета на Рулинди при поддержке ряда личных последователей, похищения Зеи и отлета вместе с ней на Землю. Дурь, конечно...

Звуки во тьме говорили о том, что с «Сагганда» и прилегающего плота подбирали убитых и раненых — живых, чтобы перевязать, а мертвых освободить от могущего пригодиться снаряжения перед тем, как бросить фундагам. Из глубины нагромождения пиратских кораблей доносился перестук топоров.

— Сигару? — послышался мелодичный голос Тангалоа.

— Спасибо. Эх, если б можно было сейчас дать задний ход, я бы точно свернул это мероприятие.

— С чего это вдруг? У тебя все получается хоть куда, такой адмирал весь из себя...

— Игоря мы получили, фильм получили, деньги, которые нам заплатила королева, тоже получили...

— В смысле, тебе заплатила. Тебе они принадлежат, а не фирме.

— Неплохая мысль, — заметил Барнвельт. — Если б еще и Панагопулос так считал...

— А ты ему не говори. Кстати, коли речь зашла о деньгах, тебе не кажется, что нам причитается и вознаграждение за Игоря, раз уж мы его сами взяли? Компании можно будет подать так, будто его кто-нибудь другой зацапал.

— Я просто уверен, что с Панагопулосом такой номер не пройдет. Итак, как я уже сказал, остальное совершенно не наше дело. Единственно, на что мы теперь способны, так это помочь несчастным кришнитам убивать друг друга и постараться при этом самим не попасть под шальную стрелу. Почему бы нам не погрузить Игоря в какую-нибудь лодку и не слинять потихоньку?

Тангалоа помедлил.

— Вообще-то мне очень бы хотелось поснимать и внутри поселения. Все, что ты там нащелкал в темноте, наверняка пойдет в корзину.

— Ты что, еще не наснимался?

— Это не совсем то. «Космик» это не устроит. К тому же что-нибудь в этом духе наверняка пробудит

подозрения у адмиралов, и с воздуха они наверняка нас застукают. Многие жутко настроены против землян, и мне просто страшно подумать, что произойдет, если нас приволокут обратно и... гм... сорвут маски.

— Я могу сказать, что плохо себя чувствую, и передам командование Ферриану, тем более что он просто-таки убежден, что ему тут нет равных.

— Не забывай — Игорь все еще под осирийским псевдогипнозом. Лично я понятия не имею, пройдет это само, или же...

— Пройдет, — кивнул Барнвельт, — но, насколько мне известно, при этом становишься просто ходячей коллекцией всяких невротозов, если вовремя не найдешь другого осирийца, чтобы разрушить заклятье.

— Вот именно! Следовательно, нужно захватить Шиафази живым, чтобы он вернул Старику разум.

— Не знаю, не знаю. Я уже настолько упился упоением в звоне битв, что меня просто тошнит.

— Послушай-ка, дружок, я ведь тоже не собираюсь сбрасывать вес, но боюсь, что деваться нам уже некуда. И будь ты тут хоть самый разверховный адмирал, не забывай, что в «Игорь Штайн Лимитед» твой начальник я.

Барнвельт даже несколько обалдел, впервые услышав от разгильдяя Тангалоа напоминание о должностных различиях. Должно быть, Джорджа и впрямь так уж припекли его страноведческие изыскания, если, конечно, дело не в чем-то другом.

— О! Я давно уже взял руководство на себя, и ты это сам прекрасно понимаешь. А коли дело дошло до таких разборок, то имей в виду, что лично для меня на Игоре свет клином не сошелся!

— Давай тогда обойдемся без разборок, по всем соображениям, — примирительно сказал Тангалоа. — Если ты мне организуешь в цитадели всего один солнечный денек, я обязуюсь не совать нос ни в какие военные вопросы.

— Ладно. Постараюсь выполнить свою сторону этого соглашения.

— Ну вот и славненько. А теперь извини, конечно, но у меня свидание.

— Что у тебя?

— Свидание. С одной из десантниц королевы Альванди, на предмет кое-какого социологического исследования. Лично я нахожу их весьма женственными, в совершенно земном смысле этого слова, несмотря на весь этот воинственный налет. Что... кхе-гм... лишний раз подтверждает правильность моих слов насчет стабильности базовых культурных представлений. Чао!

Н а следующее утро из-за низкой облачности и густого тумана, из которого едва торчали верхушки мачт, летуны Ферриана остались сидеть на своем корабле, а эффективность навесного огня метательными снарядами значительно снизилась. В свинцовом полусвете было видно, что осажденные успели возвести вокруг судов, окаймлявших цитадель, укрепления из бревен и досок с бойницами для лучников. Вдобавок они повсюду повешали сетей и понатыкали копий наконечниками наружу, что явно уменьшало шансы захватчиков.

После обычных отсрочек и приготовлений протрубили трубы. Воины снова выступили вперед. Защелкали луки, захлопали катапульты, залязгали мечи и завопили раненые.

К вечеру союзные войска выбили сунгарцев со всех подступов к цитадели и закрепились на самом переднем краю обороны. Но вновь за это было заплачено слишком дорогой ценой, и считать сунгарцев побитыми не было равно никаких оснований.

Адмиралы, некоторые из которых уже щеголяли свежими бинтами, собрались на разбор атаки в еще более сварливом настроении, чем обычно, и с ходу принялись цапаться между собой, как пауки в банке.

— Пошто не поддержали вы людей моих, когда запросил я помощи?

— Сударь мой Ферриан, с какой это стати бездельники ваши проклятые баклуши били на «Куманиште»,

покуда более достойные люди гибли на копьях вражеских?

— Мадам, вы что, предлагаете мне скальпелем дрова колоть? Один летун мой стоит шести солдат обычных...

— А где же хваленый гений великого генерала Сньола?

— Следует оставить нам налеты сии тщетные и голодом заморить негодяев!

— Предложение сие трусостью пахнет...

— Это кто еще трус?! Да я сейчас...

Барнвельт без особого успеха пытался навести порядок, когда вахтенный объявил:

— Движутся сюда на лодке, повелители мои, парламентареры сунгарские!

— Пропустить, — распорядился Барнвельт, радуясь неожиданной передышке. Если противник размяк уже до такой степени, что запросил переговоры, окончание битвы наверняка не за горами.

Снаружи послышались чьи-то шаги. Вахтенный провозгласил:

— Гизил бад-Башти, верховный адмирал сунгарцев морских!

— Гизил-Шорник! — взвизгнула королева Альванди. — Отступник вероломный! Ну погоди, покуда я...

— Визгаш! — опешил Барнвельт, поскольку низкорослый малый со шрамом на физиономии, показавшийся в дверях, и был тем самым кришнитом, который постоянно путался у него под ногами в качестве Визгаша бад-Мурани.

Парламентар, который держался с величием испанского идадьго, снял шлем и отвесил дурашливый поклон.

— Гизил бад-Башти, он же Гизил-Шорник, он же Визгаш-Галантерейщик, к вашим услугам! — продребезжал он. — Приветствую старого своего знакомого Сньола из Плешча, известного еще как Гоззан-Курьер, а также...

Тут он примолк и одарил Барнвельта заговорщицкой ухмылочкой. Тот представил его собравшимся и поинтересовался:

— А с каких это пор вы стали сунгарским предводителем, Гизил?

— Сегодня, в четвертом часу, когда прежний предводитель наш, Шиафази-осириец, скончался от раны, полученной вчера. Шальной стрелой в него угодило.

— Так Шиафази мертв?! — воскликнул Барнвельт, обмениваясь растерянным взглядом с Тангалоа. Если главаря-осирийца, способного вывести Штайна из его плачевного состояния, уже не было в живых, во все их планы требовалось вносить довольно радикальные коррективы.

— О да, — подтвердил Гизил-Визгаш. — Продвижение по службе мое скорым оказалось, ибо стечением обстоятельств горестным лишились мы почти всех властителей наших. Гавао погиб безвременно в ходе налета нашего на Рулинди. Корфа с Урганом Сньол могучий зарубил, принцессу из плена выручая. Даже землянина, Игора Эштайна, что быстро выдвинулся, едва был к компании нашей причислен, потеряли мы в первый же день битвы. Так что вот он я перед вами — адмирал верховный.

Кстати, насчет того набега Сньола упомянутого. Готовясь к осаде длительной, проверяли мы корабли свои, под склады провизионные отведенные, и в одном корабле таком наткнулись на некоего юнца, что сладко спал на куле с тунистами в наряде курьерском. Допросивши его, мы выяснили, что сопровождал он Сньола вашего в набеге его грабительском. Отделившись от товарищей своих, укрылся он на оном корабле, кормясь припасами нашими. Уверяет он, будто Заккомир он бад-Гуршмани, хранитель престола кирибского. Правда ли сие, королева Альванди?

— Возможно. Что сделали вы с малышом моим?

— Пока ничего. Безопасность его послужит залогом моей собственной, на случай, коли софизмами

какими хитроумными убедите вы себя, что честности не стоит хранить с такими, как мы.

— Все это очень интересно, — сухо заметил Барнвельт, — но не думаю, что вы из-за него сюда явились. Так вы сдаетесь?

— Сдаемся? — Гизил поднял антенны. — До чего же грустное слово! Речь бы вел я скорей о неких условиях справедливых, на коих кровавому конфликту сему конец мог быть бы положен.

— Он еще торгуется с нами, язви его в корень! — взвился сурускандский адмирал. — Давайте-ка лучше самому ему конец положим веревкою крепкой да навалимся на мерзавцев без жалости! У них, видать, ни людей, ни припасов не осталось, чтоб условий иных требовать!

— Погодите-ка, — вмешалась королева Альванди. — Не забывайте, сэр, что томится у них душка Заккомир!

— Что, никак и вы расклякли окончательно? — вскричал Ферриан. — Никак это вы толкуете о благоразумии да умеренности, топор боевой в образе женском?

— Вам слово, господин Гизил, — торопливо вставил Барнвельт.

— Давайте взвесим разумно положение сложившееся, — начал пиратский адмирал, не моргнув и глазом. — Милостию Да-Ви вы и впрямь отвратили спасителей наших, флот дюрский. Но не стоит рассчитывать, что бежали они без оглядки до самой гавани родной. Скорей адмирал их, поостывши немного, поразмыслил о потере звания или самой головы своей, дома его ожидающих, и назад повернул, дабы повторить нападение.

Далее — не надо зренье иметь, как у агабата, чтоб заметить, что за три дня битвы понесли вы потери ужасающие, — пожалуй, не меньше четверти воинов ваших погибло иль тяжело покалечено. А посему предположить я осмелюсь, что задумай вы сей же час по

домам вернуться, обнаружите вы, что весла-то есть у вас, а вот гребцов нехватка. Еще один день состязанья подобного, и впрямь окажетесь вы в затруднение серьезном.

Теперь же о нашем положении. Верно, что окружены мы и, ежели предположить, что флот дюрский не вернется, оборону строить вынуждены лишь на собственных припасах, в то время как вы свои пополнять можете. Верно также, что теряем мы людей и оружие. И даже более чем верно, что выбиты мы были с форпостов своих задумкою хитроумной людей послать прямо сквозь водоросли, на досках, к ногам привязанных. Кто оный способ выдумал, должен быть самого Карара воплощением.

И все ж таки, за счет обустройства убежищ и укрытий, сохраняем мы потери свои относительно невеликими. Что же до оружия да снарядов, то позаботились мы, еще крепость свою плавучую закладывая, чтобы припасов подобных, а также еды да питья вдоволь тут было.

Давайте на миг представим, чтоб понятней вам было, будто после противостояния долгого удалось вам нас одолеть. И что же тогда? Не забывайте, что войска ваши людям противостоят отчаянным, коим терять нечего и кои, следовательно, биться станут до последней капли крови, в то время как ваши, пусть и отвагою отличаясь, не возжены безрассудством подобным. А посему, в сочетаньи с преимуществом от крепких сооружений оборонительных, вытекает из сего, что лишитесь вы двоих иль троих за каждого из нас, погубленного вами. Повезет вам еще, коли бойня эдакая, помимо истощенья государств ваших, что крепчайших бойцов лишатся, смуткою иль мятежом открытым промеж них не завершится еще до окончанья осады.

Что же ищете здесь вы тогда? Королева Альванди, догадываемся мы, заполучить мечтает сам Сунгар и хранителя трона своего Заккомира в целости и сохран-

ности. Остальные ж, видать, рассчитывают на казну нашу да флот, да избавиться заодно желают от разбоя нашего разнузданного на морях окрестных. Разве не прав я? Так что, ежели способны вы в самый зрачок шейхану угодить, отвративши кровопролитие дальнейшее, почему бы тогда от предубеждения не отойти и с безумием сим не покончить?

— Каковы ваши условия? — спросил Барнвельт.

— Чтоб всех сунгарцев уцелевших, вреда не причиняя, на материк высадили, дозволив каждому забрать с собою семью и пожитки личные, включая наличность и оружие.

Гизил пристально смотрел на Барнвельта и тщательно подбирая слова.

— Сньол из Плещча известен широко, как муж, весьма щепетильный в вопросах чести, — качество, коего печально недостает в наши дни вырождения всеобщего. По одной лишь причине сей решаемся мы вверить себя милосердию вашему, ибо, коли истинный Сньол обещает, что не даст нас в обиду, уверимся мы — так оно и будет.

Опять все тот же заговорщицкий взгляд. Барнвельт понял, что Гизил имеет в виду: «Соглашайся на сделку, как поступил бы настоящий Сньол, а я не проболтаюсь, что еще с Новоресифи знаю тебя, как землянина». Ну и ловкач этот Гизил-он-же-Визгаш!

— Не затруднит ли вас выйти, сэр? — сказал ему Барнвельт. — Мы обсудим ваше предложение.

Когда Гизил удалился, адмиралы загомонили все разом:

— Срамно упускать трофеи, что, считай, в руках уже держишь...

— Нет, у малого сего вполне есть основания...

— Сие условие насчет денег личных в жизни у них не пройдет! Что мешает им по возвращеньи Гизила казну раздать всем сунгарцам?

— То же самое и насчет оружия...

— Следует нам, по меньшей мере, головы предводителей затребовать...

Где-то после часа оживленного спора Барнвельт предложил проголосовать. Голоса разделились поровну. Королева была теперь обеими руками за мир, раз уж сунгарцы удерживали Заккомира.

— Я тоже за мир, — объявил Барнвельт. — А что же до деталей...

Когда Гизила позвали снова, Барнвельт сообщил ему, что условия принимаются с двумя исключениями: сунгарцам не дозволяется брать с собой деньги и оружие, а уроженцы Кириба должны быть высажены на материк как можно дальше от этой страны — скажем, на юго-восточном побережье Банжао. На последнем настояла Альванди, поскольку не желала, чтобы они пробрались обратно в Кириб, где могли надеяться неприятностей.

Гизил ухмыльнулся:

— Ее Превозвышенность полагает, видно, что раз избегнув когтей ее, возжелаем мы вернуться? Как бы ни было там, обязан донести я слово ваше до совета сунгарского. Продлевается ли перемирие данное до той поры, покуда вопрос сей утрясен будет?

Получив положительный ответ, он удалился.

Н а следующий день над противостоящими войсками нависла тревожная тишина. На обеих сторонах спешно исправляли повреждения и укрепляли позиции. Вскорости после полудня опять появился Гизил, и взлетевший на мачту флаг созвал адмиралов на «Джунсар»:

Гизил объявил:

— Тяжелы, владыки мои, условия ваши встречные — чересчур тяжелы, чтобы приняли их люди воинственные с оружием в руках. А посему предлагаю внести в них ряд исправлений, а именно: что жители наши возьмут с собою деньги в сумме одного карда золотого на голову, чтоб не пришлось голодать им, занятие честное себе подыскивая, и оружие в количестве одного ножа или кинжала, дабы не были беззащитны совершенно. И что только совершенно целые и невредимые кирибцы бывшие, вроде меня самого, высланы будут в те края отдаленные, о коих Альванди толкует, увечные же и хворые высажены должны быть на берег поближе к жилью, в местностях цивилизованных.

— Принимается, — торопливо сказал Барнвельт, прежде чем кто-либо из адмиралов успел раскрыть рот. Многие уставились на него в явном недоумении, особенно королева, похожая в этот момент на какую-то кусачую черепаху. Но поймав за хвост столь желанный мир, он совсем не намеревался выпускать его из рук. Даже если это им пришлось не по вкусу — ну что ж, скоро они с Джорджем отваяют отсюда

навсегда, а что там про него потом напишут в кришнитских учебниках истории, его мало трогало.

— Даете ли вы в том обещанье торжественное, о Сньол из Плешча? — спросил Гизил.

— Даю.

— Отправитесь ли со мною на борт корабля моего, дабы повторить обещанье сие пред моими сотоварищами?

— Конечно.

— *Ох-ха!* — воскликнул принц Ферриан. — Не опасаетесь ли голову совать прямиком в пасть йеки? Ужель настолько негодяю сему доверяетесь?

— Думаю, ничего страшного не будет. Ему прекрасно известно, что их ждет, если они на этой стадии начнут водить нас за нос. Если не вернусь, принимайте командование на себя.

Вместе с Гизилом Барнвельт отправился в цитадель и между торчащих пик и наружных укреплений пробрался на большие галеры, в самое сердце плавучей крепости. Он повсюду видел признаки значительных повреждений, мертвых и раненых пиратов; но, вместе с тем, было там еще полным-полно живых и здоровых, так что Гизил в своих аргументах не так уж и уклонился от истины.

Представленный кружку собравшихся военных чинов, он повторил свое обещание.

— Конечно, всем вашим людям придется подвергнуться обыску, — добавил он при этом.

Они составили письменное соглашение относительно условий капитуляции, подписали его и отвезли на «Джунсар» на подпись адмиралам. Все это оказалось весьма занудным делом и отняло довольно много времени.

Заккомир, как всегда восторженный, но несколько спавший с лица, которое заметно потеряло эдакую

раскормленную кошачью округлость, был освобожден. Барнвельт отвел его в сторонку со словами:

— Хочешь оказать мне одну услугу?

— Вся жизнь моя в вашем распоряжение, владыка Сньол!

— Тогда забудь, что пираты хотели наложить лапу на нас с Таджди. Усек?

Обыск сунгарцев морских с целью убедиться, что они не прихватили с собой больше денег и оружия, чем было предусмотрено договором, и погрузка их на всевозможные суда союзников заняли весь остаток дня. Поскольку бывших кирибцев — которых оказалось около половины от общего числа пиратов — ожидала ссылка, Барнвельт одолжил у сурускандского адмирала для их доставки десантный транспорт под названием «Ярс».

Королева Альванди настояла на том, чтобы его укомплектовали ее собственными людьми — мужчинами-гребцами и амазонками для присмотра за пассажирами.

— Не буду удовлетворена я до той поры, покуда от собственных девочек не услышу, что мерзавцев высадили там, откуда им и за несколько лет до Кириба не добраться! — добавила она при этом.

В красноватом вечернем свете Рогира не получившие ран экс-пираты всходили на борт «Ярса» у самого входа в канал. Их оказалось триста девяносто семь мужчин, сто двадцать три женщины и восемьдесят шесть детей, которые битком забили корабль даже без кирибских гребцов, которые отправлялись вместе с ними, чтобы привести потом галеру назад.

Ужинал Барнвельт в одиночестве — Тангалоа шатался по Сунгару, увлеченный киносъемкой. Покончив с едой, Барнвельт приказал гребцам отвезти его с «Джунсара» вниз по каналу на «Доурию Деджанаю» Альванди. До этого ему еще не приходилось бывать в

личной каюте королевы, теперь изрядно прокопченной после пожара, вспыхнувшего в результате попадания сунгарской ракеты. Он чрезвычайно изумился, услышав до боли знакомое приветствие:

— *Багхан! Рувой зу!*

Это был, естественно, попугай Фило, прикованный цепочкой к насесту у стены. Сначала он скосил на Барнвельта один глаз, потом другой и, видно, в конце концов его признал, поскольку позволил почесать себя между перьями.

Вошедшая королева Альванди заметила:

— Только мы с тобою и умеем обращаться с сим монстром. Ты неким могуществом непонятным над подобными тварями обладаешь, меня ж он попросту боится. Шарахни-ка кружечку фалату отборного — вон там, в графине. Полагаю я, что председательствовать будешь ты ныне и на собраньи, дележу добычи посвященном?

— С ужасом об этом думаю. Все хотят захватить побольше, начнется грызня... Единственно, что меня успокаивает, так это уверенность, что скорее всего это будет мое последнее деяние в качестве главнокомандующего.

— Нашел о чем переживать! Объяви решение свое да кулаком покрепче по столу тресни. Лично мне лишнего не надо — хватит мне самого Сунгара да доли соответственной казны и кораблей.

— Чего-то подобного я и опасаясь.

Она бесшабашно отмахнулась:

— Ай ладно, не станешь наглеть, аж четвертую часть себе вытребовав, — не будет и разногласий.

— Честно говоря, я вообще не собираюсь ничего себе вытребовать.

— Что?! Сдурел? Иль в том коварство некое, дабы кого-то из нас с престола скинуть? Уж не удумал ли ты хлыща этого сотаспийского пощипать?

— Ни на минуту даже о таком не подумал! Ферриан мне весьма симпатичен.

— А при чем тут симпатии, когда о политике высокой речь заходит? Без сомнения, Ферриан тоже тебе симпатизирует, что нисколько не мешает ему ремней из тебя понарезать во благо своего Сотаспи! Ну да ладно, плевать, ибо в отношении тебя иные у меня планы.

— Что-что? — воскликнул Барнвельт, охваченный нехорошими предчувствиями, поскольку Альванди отличалась слишком большим талантом проводить свои планы в жизнь, невзирая на огонь, воду и медные трубы.

— Можешь отказываться от доли своей, ежели тебе угодно, с надменностью да любовью показной честности, будто Абхар-деревенщина в басне народной. Смотри на дело так, словно доля твоя просто ко мне перешла. Все в дом, все в семью. Это другим немало ты мне сегодня досадил — поддался на ворья сего уговоры сунгарцев пораненных поближе к жилью высадить.

— Я как раз и пришел это обсудить, — восторженно воскликнул Барнвельт. — С ранеными проблем нет, они у нас идут вперемишку с остальными. Но я тут подсчитал, что на «Ярсе» никак не хватит ни провизии, ни воды на всю эту уйму народа, если он пойдет туда, куда вы его посылаете. Так что надо либо рассадить их на два корабля, либо...

— Что за чушь! — рявкнула Альванди в своей обычной манере карточной дамы червей. — Ужель подумал ты хоть на мгновение, что позволю я пакостникам сим на берег вылезти, дабы в государство мое проникнуть и низвергнуть его? Дура я, что ли?

— Это вы о чем?

— Капитан «Ярса» получил указания мои, едва только с глаз они скроются, в море покидать отступников вместе с пожитками да отродьями ихними. От язвы одно лечение — ножик острый.

— Алле! Я никогда этого не допущу!

— Чего это нашло на тебя, господин Сньол?

— Я слово дал!

— А пошел-ка ты в хищак со своим словом! Ты-то кто такой, интересно? Бродяга заграничный, поставленный мною походом сим командовать, — а ныне, когда дельце наше обтяпано, никакой не предводитель, а лишь один из подданных моих, с коим сделать я могу, что пожелаю! А желаю я в данном случае...

Баривельт с ощущением, будто в горло ему крепко вцепилась какая-то ледяная рука, подскочил, расплескивая вино.

— Так вот к чему был весь этот базар насчет всё в дом, все в семью?

— Дошло, наконец? Ясно то, как пики дарийский, что дочка моя Зея по уши в тебя втрескалась. А посему назначаю я тебя первым ее мужем, чтоб служил согласно древним нашим и неизменным обычаям, покуда срок полномочий твой не истечет. Большинство голов — сие для дурачков лишь доверчивых. И будем надеяться, что с точки зрения кулинарной попристойней окажешься ты в конце службы своей, нежели от Кая неоплаканного ожидалось!

Барнвельт стоял, тяжело дыша. Наконец, ему удалось произнести:

— Вы забываете, мадам, что я не кирибец, а тут не Кириб. На меня у вас нет абсолютно никаких законных прав.

— А ты забываешь, сударь, что наделила я тебя гражданством кирибским, когда вернулся ты в Рулинди с Зеей. Не отвергнув его в порядке установленном, принял ты на себя все обязательства, со статусом означенным связанные, — с чем, как весьма просвещенный доктор наук юридических, наверняка согласишься. Так что давай не будем наводить туману мятельного...

— Прошу прощения, но его будет гораздо больше, чем вы думаете. Я ни в коем случае не стану жениться на вашей дочери и ни в коем случае не допущу резни среди сдавшихся кирибцев.

— Ах вот как? Сейчас я задам тебе, предатель непокорный!

С этими словами, сорвавшись под конец на визг, она кинулась в другой конец каюты и принялась рыться в ящике письменного стола.

Барнвельт сразу понял, что она там ищет, — емкость с духами янру, очевидно флакон или даже водяной пистолет, чтобы его обрызгать. Единственная понюшка, и он подчинится ее воле еще почище, чем под осирийским псевдогипнозом. Оказалась она в этот момент ближе к дверям, чем он. Что же делать?

— Гр-р-рк! — недовольно подал голос пробуженный всеми этими воплями Фило.

Барнвельта осенило, что против подобного нападения у него есть лишь один способ обороны. Он скакнул к насесту, сграбастал изумленного попугая, сунул свой длинный нос в перья у него на грудке и глубоко вдохнул.

Фило возмущенно крикнул, затрепыхался и с аккуратностью кондуктора, компостирующего билет, откусил от края уха Барнвельта треугольный кусочек.

Барнвельт отпустил птицу в тот самый момент, когда Альванди налетела на него с пульверизатором, прыскавая из него прямо ему в лицо. Но глаза у него уже покраснели, из носу текло, а с треугольной зазубринки, оставленной на ухе клювом Фило, сбегала струйка крови. Ухмыляясь, он выхватил меч.

— Бде очедь жаль, — проговорил он, — до у бедя собсеб отбило ободядие. А ду быстро в спальдю, идаче Зее де подадобится ваше отречедие, чтоб получить короду!

Когда он подкрепил эту команду основательным тычком меча в корсет, она повиновалась, бормоча проклятия, как цыганка-попрошайка, которую сажают в полицейский «воронюк». В королевских спальнях покоях он набрал простыней и разорвал их на полосы. «...Мои лучшие простыни, наследство от бабки моей!» — причитала при этом Альванди.

Вскоре ее жалобы утихли под плотным кляпом. Еще с четверть часа ушло на то, чтобы увязать ее, словно тюк с бельем, сунуть в собственный платяной шкаф и запереть дверь.

Караульной у входа в каюту он сказал:

— Ее Превозвышешедость деваждо себя чувствует и велела передать, что будет очедь рассержеда, коли ее побеспокоят. Где боя шлюпка?

На свой корабль он вернулся в эдаком пузырящемся-приподнятом настроении, несмотря на опасность, которой едва избежал, — словно, управившись с ко-

ролевой, нанес заодно поражение и собственной матери, раз и навсегда.

На палубе «Джунсара» он столкнулся с Тангалоа, который начал было:

— Я уже везде тебя ищу...

— Честно говоря, я тоже тебя ищу. Надо нам подрывать отсюда. Альванди вбила себе в голову, что ей нужно перерезать всех пленных сунгарцев и сделать меня своим зятем по полной программе вплоть до разделки на мясо.

— Господи, что же делать? А где эта старая крыса?

— Сидит связанная в собственном шкафу. Давай в темпе грузить Игоря в лодку... Хотя постой: «Ярс» ведь у самого входа в канал, верно? В общем, так — ты отвлекаешь воительниц Альванди, а я договариваюсь с Визгашем... Гизилом то есть, захватить «Ярс» и плыть на нем в Новоресифи.

— С бывшими пиратами в качестве экипажа?

— А почему бы и нет? Это бездомные, неприкаянные люди, которые наверняка будут только рады, если мы возьмем их под крыло. Они точно в меня поверят, если я скажу, что предпочел перейти на их сторону, узнав о том, что их собираются убить, поскольку это как раз одна из тех глупостей, на которые способен настоящий Сньол.

— Неплохо! — протянул страновед. Они поспешили вниз.

— Достань-ка мне пару наручников, — приказал Барнвельт часовому у дверей оружейной. Получив кандалы, они направились в трюм, где на койке апатично сидел Штайн.

— Руки! — приказал Барнвельт и защелкнул наручники на запястьях Штайна. — А теперь пошли.

Штайн, по-прежнему погруженный в полное безразличие, прошаркал вверх по трапу на палубу и перелез через борт в лодку.

— Поехали вниз на «Ярс», — сказал Барнвельт гребцам. — Потихоньку!

— Слушай, а как тебе удалось не нюхнуть духов «*Nuit d'amour*», пока ты там барахтался с королевой? — поинтересовался Тангалоа. Когда Барнвельт рассказал, как было дело, он расхохотался: — Ни черта себе! В жизни еще не слышал, чтоб кто-то спасся от участи похуже смерти при помощи перьев!

Чтобы ускорить погрузку, с другого конца канада еще днем притащили плавучий причал, который пришвартовали к борту «Ярса». К этому причалу и подошла лодка. Пассажиры вышли.

Караульная на причале осветила их фонарем и окликнула, после чего сконфузилась:

— Прошу прощенья, генерал Сньюл. О, Тагто! Девочки, Тагто пришел с нами позабавиться!

— Вот как тебя уже тут кличут? — удивился Барнвельт. — Постарайся заманить их в рубку. Наври, что научишь играть в покер на раздевание или еще чего-нибудь в этом духе.

Он возвысил голос:

— Адмирал Гизил!

— Здесь я. Что вам угодно, генерал Сньюл?

— Спускайтесь сюда, поговорить надо. Все в порядке, девочки, — все под неусыпным контролем. Идите наверх и поиграйтесь с Тагто, а мы тут пока посовещаемся.

Кришнит легко спрыгнул с борта на причал. Когда амазонки удалились на безопасное расстояние, Барнвельт рассказал, что случилось.

Гизил стукнул кулаком в ладонь:

— Редкостный болван я, что сюрприза подобного не предусмотрел! Теперь — пусть даже известно нам о том — что же делать? Сидим мы тут под стражей в окружение кораблей враждебных, вооруженные лишь ножиками обеденными. Что помешает им взять в оборот нас в любую минуту?

— Я помешаю.

— Вы?!

— Да, я. Пойдут ли за мной ваши люди?

— Вы хотите сказать, что на нашу сторону переходите, исключительно по соображениям чести?!

— Естественно. В конце концов, я — это я! — подтвердил Барнвельт, воспользовавшись излюбленным кришнитским фразеологизмом.

— Позвольте пожать ваш большой палец, сэр! Вот теперь и впрямь узрел я, что хоть не больший вы Сньол из Плешча, чем я сам, а всего лишь землянин бродячий, все ж обладаете вы духом возвышенным, что молва благородному ньямцу приписывает. Ничего не бойтесь. Тайна сия умрет вместе со мною. Из тех же соображений хранил я ее и пред собранием адмиралов ваших. Что следует учинить нам?

— Когда Таджди заманит баб в каюту, созовем всех ваших военачальников — вы еще сохранили свое влияние?

— Ясное дело.

— Мы им расскажем, что стряслось, а в подходящий момент запрем каюту на засов, обрежем швартовы и отвалим. Если кто-то будет задавать вопросы, я сам с этим управлюсь.

Из каюты доносились звуки разнузданного веселья и непристойности. Барнвельт отметил, что за последние несколько часов дисциплина на флоте явно развалилась к чертям, хотя и понимал, что это вполне естественный исход после нечеловеческого напряжения кампании.

Объявили сбор командиров. Барнвельт распорядился:

— Гребцов по местам — пускай приготовят весла, чтоб оставалось только за борта просунуть. Первый же, кто уронит весло, получит по мозгам. У кого есть нож поострее? Обрежьте швартовы и оттолкните багром причал подальше. На воду первую пару весел... Режь швартовы, которые к водорослям привязаны... Теперь гребите. Потихе — только чтоб корабль двигался... Эй, уключины там тряпками заткните, чтоб не

стукнули. Нет тряпок? Возьмите одежду у женщин. Начнут выступать — по шее... Вот так. Теперь следующая пара... Ребенка кто-нибудь там уведите вниз...

Как только «Ярс» черепашим шагом выполз на фарватер и двинулся к выходу, где-то совсем рядом послышался оклик.

— Кто там? — отозвался Барнвельт, перегибаясь через фальшборт и вглядываясь в проплывающую мимо темную массу корабля. — Я Сньол из Плешча, все в порядке.

— О, владыка мой Сньол!.. А я подумал... Разве это не «Ярс» с пиратами плененными?

— Это «Ярс», но со своим обычным экипажем. Пленников еще не грузили, мы идем на занятия по гребле.

— Но сам я видел, как всходили они днем на борт...

— Ты видел, как их сажали на «Миньян» из Состаспи, их там временно разместили. Во-он он где стоит! — ткнул он рукой в сторону черного расплывчатого нагромождения корпусов.

— Ну что ж, — проговорил бдительный страж изумленным тоном, — коли говорите вы, что все в порядке, так оно, видать, и есть.

И темный корабль пропал за кормой, слившись с остальным флотом.

— Ф-фух! — облегченно выдохнул Барнвельт. — Право руля — так держать. Все весла на воду. Третий ряд, не сбивать ритм! Навались! И-и — р-раз! И-и — р-раз!

Они вырвались из канала, оставляя позади темную массу кораблей союзного флота, ошвартованных вдоль края терпалы, фонарики которых подмигивали в темноте, словно рой застывших на месте светлячков. Поскольку ветерок по-прежнему поддувал с юга, Барнвельт распорядился распустить паруса на бабочку, чтобы использовать их с максимальной отдачей, и

довернул «Ярс» к северу. Укутанный густым туманом, Сунгар начал медленно таять за кормой.

Барнвельт наблюдал, как он растворяется во тьме, со смешанным чувством. Если удача будет улыбаться им и дальше, они благополучно доберутся до Мажбура, после чего поднимутся вверх по Пичиде до Новоресифи, где он окончательно расстанется с сунгарцами.

Иногда ему казалось, что он просто смертельно устал от зеленовато-синих волос и оливковых физиономий, ярких примитивных одежд, звона режущих и колющих предметов и высокопарных речений на ритмичном, гортанном гозаштандском языке, сопровождаемых величавыми жестами. Он бросил взгляд туда, где среди незнакомых созвездий пряталась яркая точка Солнца. До чего же хорошо сейчас, наверно, в Нью-Йорке, с его хитроумной путаницей улиц и путепроводов, уютными уголками для еды, питья и житья, сжатой ироничной речью...

А действительно ли так хорошо? Он вернется в Нью-Йорк, постаревший почти на двадцать пять лет по сравнению с тем, каким он его оставил. И хотя друзья его и родственники, благодаря современной гериатрии, в большинстве своем будут живы и не так уж заметно постареют, все они уже наверняка поразъехались и забыли о нем. Его будет отделять от них целое поколение, и, чтоб опять сориентироваться, что там к чему, понадобится не меньше года. Почти перед самым отлетом он купил шляпу наимоднейшего островерхого фасона. Теперь эта шляпа наверняка будет выглядеть таким же анахронизмом, как в его время котелки, которые, не исключено, опять вошли в моду. Только сейчас он понял, почему люди вроде Штайна и Тангалоа, связавшие свой бизнес с межзвездными путешествиями, держатся своей собственной замкнутой кликой.

Да и мать наверняка еще там. И, хоть он и решил все задачи, возложенные на него официально — рас-

крыл тайну Сунгара, спас Штайна и выполнил условия контракта с «Космик», — его личные проблемы остались при нем. Верней, он лишь временно избавился от проблемы, связанной с матерью, убравшись от нее за несколько световых лет, но с возвращением все грозило вернуться на крути своя.

Страдал он также и от какого-то странного чувства потери, словно упускал некий данный жизнью шанс. Один из его старых профессоров сказал ему как-то, что молодому человеку следует хоть раз в жизни поддаться романтическому порыву:

Наполни кубок, и в костер весны
Одежды зимние Раскаянья швырни!

либо послав к чертям босса, либо примкнув к радикальному политическому движению. А он тут мнетя, уступая благоразумию и осмотрительности!

С другой стороны, предложение Тангалоа забрать с собой на Землю существо совсем другого биологического вида и жить с ним просто-таки вызывало у него ужас. Подобная жизнь окажется слишком сложной, чертовски сложной, чтоб он сумел ее вынести, особенно если мать...

По крайней мере, дал он себе страшную клятву, на сей раз отношения с экипажем будут строиться с головой: доброта и приветливость должны основываться на твердости и последовательности, и никакого сюсюканья.

Гизил явился с докладом. Барнвельт спросил:

— Кстати, а это случайно не вы были тем типом в маске, которого я вырубил кружкой в Ясмуриане?

Гизил стыдливо ухмыльнулся:

— Надеялся я, что Ваше Благодество меня не признает, но сие и верно факт. Требовалось мне неразбериху учинить — как самолично видали вы, затеял

я свару с осирийцем, — чтоб Гавао без помех мог снотворное в напиток ваш подсыпать, да дурья башка себя лекарством своим залечил по ошибке. Чего еще ждать от балхибца тупоумного?

— Вы тогда и впрямь собирались убить Сипшена?

— О нет, и в мыслях такого не было, хоть и приятно мне было поглядеть, как чудище жуткое от страха трясется!

— Видать, вы здорово недолюбливаете осирийцев, хоть и работали на одного из них.

— Пришлось, ибо стоило ему раз лапы свои наложить на кормило власти, как обрел он такое могущество над всеми нами благодаря талантам своим пленительным, что ни о чем уже мог не беспокоиться, хоть многие из нас и считали тайком, что безрассудным курсом его плывем мы пряником к гибели, как и вразправду оказалось. Не выпади ему на костях Да-Ви пустышки, прекратив существование его, понуждал бы он нас противостоять вам до самого последнего человека.

— А что вы хотели сделать с Таджди и мной?

— Похитить, а если б не вышло — жизни лишить. Верю я, что не держите вы на нас зла, ибо делали мы лишь то, что Шиафази приказывал, и уклониться от приказаний оных никак не могли из-за хватки той мысленной, в коей удерживал он нас. Благодаря знакомствам своим на Земле, сразу прознал он про замысел Игора Эштайна Сунгар исследовать и расставить силки свои соответственно.

Дальнейший рассказ Гизила прояснил множество закулисных делишек Кольца янру, организации, в которую входили земляне, осирийцы и кришниты: как они, еще на Земле, похитили Штайна и подвергли псевдогипнозу; как под именем Визгаша внедрили Гизила в Новоресифи высматривать людей, идущих по следу Штайна, и так далее.

— ...Один из главарей кольца одного — важный чин с корабля того межпланетного — *стайшинеханик*, так, по-моему... Что там такое?.

Бешеный рев из каюты возвестил, что амазонки наконец догадались, как бессовестно их надули.

Два десятиночия спустя «Ярс» вошел в шумную мажбурскую гавань, снесенный по пути с курса хвостом первого в сезоне урагана и дважды уклонившись от неопознанных флотов на горизонте.

Барнвельт с Тангалоа сошли на берег, волоча под руки Штайна и оставив Гизила на корабле за старшего. В конце плавания Барнвельт уже совсем другими глазами смотрел на экс-пирата, начиная испытывать к нему самое настоящее уважение, несмотря на его типично кришнитские величественные манеры, преступное прошлое и неоднократные попытки его, Барнвельта, убить.

Направились они напрямиком в контору Горбоваста, официального агента службы безопасности межпланетных перевозок.

— Боги вы мои! — опешил Горбоваст, которого этот визит настолько выбил из колеи, что заставил даже позабыть об обычной учтивости. — Флот Вольного Города два дня тому назад прибыл с некой дикой и невероятной сказкою, будто оба вы флот возглавили триумфально супротив Сунгара, а потом, после спора какого-то темного со старою Альванди, увязали ее, словно унгу на базаре, утнали корабль сурускандский с экипажем пиратским и как в воду канули. И вот вы и сами тут! Что ж побудило мужа, о честности коего легенды слагают, плащ свой вывернуть по моде столь удивительной?

Барнвельт рассказал уполномоченному о планах королевых перебить пленных сунгарцев.

— О, — поразился Горбоваст, — не зря молва идет, что одним идеалам вы подвластны! А кто сей оборванец в оковах? Запрещается в Городе Вольном помимо закона силою свободных людей удерживать, пусть даже и землян...

— А это, — пояснил Барнвельт, — тот самый Штайн, за которым мы охотились.

— Никак сам Игор Эштайн!

— Он самый. Кольцо янру его похитило, а осирийцы из этого Кольца силой мысленного внушения превратили его в пирата, так что теперь он даже старых друзей не узнает. Шиафази убит, но несколько десятиночий тому назад в Ясмуриане нам повстречался другой осириец, Сишен. По-моему, он тогда собирался в Мажбур. Вы случайно не в курсе, здесь он или нет?

— Нет, но можно сие вызнать. Пройдемте в палаты синдика верховного — это недалеко, только улицу перейти.

Верховный синдик, с которым они последний раз виделись в Рулинди, поприветствовал их с еще большим изумлением, чем Горбоваст. Когда ему объяснили ситуацию, он послал за своим начальником полиции, а тот, в свою очередь, за кем-то из своих подчиненных, который сказал, что да, означенный Сишен действительно остановился в гостинице «Рунар» и может быть доставлен в течение часа.

— Только не путайте его, — предупредил Барнвельт. — У него очень ранимая душа. Просто скажите, что с ним хотят повидаться старые друзья.

— Кхе-гм, — напомнил о себе верховный синдик. — Хоть и не в привычках моих с неприятностей беседы начинать, служба моя понуждает меня поднять вопросы определенные.

Он порылся в столе:

— Имеется у меня послание от президента сурскандского с мольбою о помощи в возвращение корабля его похищенного.

Барнвельт отмахнул вопрос с «Ярсом» легкомысленным взмахом руки:

— Да получит он назад свой корабль. А пока я заплачу ему за аренду. У вас есть бланк платежного поручения?

Немало поломав голову над диковинным типографским документом, имевшим весьма мало общего с земными, Барнвельт в конце концов выписал республике Сурусканд чек на «Та-лун и Фосг» на сумму пятьсот кардов.

— Я уверен, что президент должным образом оценит ваше... гм... довольно лихое решение вопроса означенного, — заверил верховный синдик. — Есть тут у меня еще одно посланье, касающееся вас, сэр. Прибыло оно не далее как утром нынешним почтою дипломатической — от Заккомира бад-Гуршмани, хранителя трона королевы Альванди. После преамбулы положенной пишет он:

«С самого возвращения нашего в Рулиндли обречен я на смерть ужасную, а именно: избран я был лотереей подставной первым консортом принцессы Зеи, дабы сочетаться с нею браком в день коронованья ее, сифта месяца десятого дня». (То есть, как видно из вон того календаря, через шесть дней). «Известно вам, господин синдик, что за участь ожидает в конце года того, на кого честь сия выпала. И Зея не радостней меня известие сие восприняла, да только беспомощные марионетки мы в когтях властительных опекуны моей, поелику все равно сохранит она все ниточки правящие в своих кулаках, даже опосля того, как от престола отречется номинально. Однако ж есть тот, кто спасти нас в силах, — землянин могущественный, что путешествует под псевдонимом «Сньол из Плешча». Это, насколько я понимаю, про вас, сэр?

— Верно, — со вздохом согласился Барнвельт.

Верховный синдик сделал умоляющее движение:

— Не бойтесь признать сей факт в уединенье наших покоев, ибо мы с Горбовастом просвещенные

люди, кои всеми силами борются супротив предубеждения к землянам, что многие испытывают. Среди друзей наших добрых немало землян, ибо следующие взгляды мы исповедуем: потому лишь только, что грубияны отдельные с надменностию ведут себя неподобающей, похваляясь превосходством всего в мире своем ужасном, нельзя всю расу достойную проклинать столь люто.

Однако же вернемся к канве беседы нашей. Цитирую дальше: «Не ведал я, что герой сей землянином является, покуда Зея не поведала мне о том после освобождения моего с Сунгара, хоть и подозревал я нечто подобное раньше. А теперь и самое главное. Он землянин, а также и Зея — факт, что долго хранил я как секрет придворный. Не отпрыск она королевы Альванди, коя бесплодна, яко скала харгайнская, но приблуда земная, у работоторговцев добытая и выданная за дочь королевскую, кою с малых лет обучили выдавать себя за уроженку нашей планеты. Не один лишь закон кирибский в ежегодном убиенье консортов повинен. Дело тут больше в самой королеве, что уж пять лет правленья своего яйцо животворное снести не в силах.

Поведала мне принцесса, что вызнала натуру сего псевдо-Сньола еще во время побега их совместного и сочла, что и он суть ее вызнал. И посему более всего уязвлена она непоследовательностью чувств, кои он ей выказывает...

Синдик поднял взгляд от письма.

— Полагаю, что известно вам, о чем тут речь, сэр? Далее: «Раз уж землянин он, с наибольшей вероятностью направит он стопы свои в Новоресифи, поближе к сотоварищам своим. А посему заклиная мы вас со всем пылом, на который способны, не пропустить появления его. А паче чаянья проскользнет в Новоресифи он помимо вниманья вашего, попытайтесь весточку подать ему прямиком в крепость землянскую. Ибо так

спасти вы можете не одну лишь жизнь мою ничтожную, но и счастье принцессы моей властительной.

Должен прибавить я, что королеве Альванди тоже известна Сньола сущность истинная, а посему еще пуще возжелала она заполучить его консортом для дочери своей, ибо скорей допустит она правление чужеземное в Кирибе, нежели принципы свои матриархальные под угрозу поставит. Не сумевши удержать его, сочла она меня следующим по выгоде — выбор, что счел бы я наилестнейшим, если б зрелище топора взметнувшегося не занимало все помыслы мои. А поелику Зея — к коей питаю я лишь привязанность братскую — никак таким, как я, оплодотворена быть не может, полагаю я, что задумала Альванди еще одним младенцем бесхозным разжиться, чтоб династию свою дутую не прервать".

— Вот и все, — объявил синдик. — Как вы теперь поступите — самим вам решать. Заклинаю лишь об одном: коли задумаете повернуться к миру сему спиною, никому означенных тайн не раскрывайте, ибо гибельными последствиями сие чревато!

— Мыслится мне, что знаю я теперь, кто Зея на самом деле, — задумчиво проговорил Горбоваст.

— Кто? — резко повернулся к нему Барнвельт.

— Слыхали ль вы про миссионера земного, что веру исповедует весьма невятную, Мирзу Фатаха? Супругу коего погубили, а дочку с собой утащили разбойники в год Биштара?

Синдик согласно закивал головой.

— Зея и возрастом подходит, и породю, хоть по сведениям моим продали ребенка в Дюре, где и помер он вскорости. А где сейчас Мирза Фатах?

— Не так давно был в Миши, — откликнулся Горбоваст. — Так дело складывается, генерал Сньол, что способны учинить вы весьма волнительное семьи воссоединенье!

— Посмотрим, — уклончиво ответил Барнвельт, хотя мозг его уже гудел, как перегруженный трансфор-

матор. — Лично я сторонник того, чтоб родители поменьше маячили у молодых на горизонте.

— Если хочешь проверить, — вмешался Тангалоя, — скажи Зее: «*Шума фарси фарх мизанид?*»

— А что это такое?

— Это «Говорите ли вы по-персидски?» на фарси. Я ведь жил в Иране. Но вряд ли тебе представится такая возможность, поскольку я просто не могу себе вообразить, как ты увидишься с шейлой до отлета.

Барнвельт все еще тренировался в произношении этой фразы, когда появился Сишен. Осириец, похожий на двуногого динозавра ростом с человека, едва бросив взгляд на Барнвельта, сразу скакнул к нему тем же манером, как в свое время на Тангалоя в номере ясмурианской гостиницы.

— Эй! — вякнул Барнвельт, тщетно пытаясь вырваться из объятий рептилии.

— О дражайший спаситель мой! — умильно шипел осириец. — Какое счастье увидеть вас снова! Ни на единую минуту не устаю я возносить благодарности вам с той самой поры, как расстались мы в Ясмуриане! Я люблю вас!

— Давайте не будем это так афишировать, — проговорил Барнвельт, не без труда отцепляясь от востороженного чудища. — Если действительно хотите оказать мне услугу, то тут есть один землянин под осирийским псевдогипнозом, который напрочь забыл про свою жизнь на Земле и убежден, что он пират сунгарский. Можете прочистить ему мозги?

— Попытаюсь. Найдется ли тут помещение свободное?

Когда рептилия увела Штайна, Барнвельт справился о судьбе «Шамбора». Однако крошечный контрабандистский парусник с бермудским вооружением, похоже, канул в никуда. Барнвельт подозревал, что бунтовщики попросту опрокинулись или каким-то иным образом потерпели крушение, не справившись с не-

знакомой оснасткой. По крайней мере, это снимало все возможные проблемы с Межпланетным Советом.

Полчаса спустя Штайн вошел в кабинет синдика, трясая головой и потирая свой щетинистый скальп. Он крепко стиснул руки Барнвельту с Тангалоа.

— Господи, — пробурчал он, — до чего ж хорошо опять стать нормальным! Отвратно чувствовать, как часть твоих мозгов прекрасно сознает, что творится, но ни черта не можешь с этим поделаться! Вы, парни, молодцы, просто молодцы. Даже я сам лучше бы не управлялся. Ну чего, когда отваливаем?

Русский акцент Штайна был таким же жутким, как и прежде.

— Не знаю, как там вы оба, — сказал Барнвельт, — но лично я собираюсь вернуться в Рулинди вместе со своими пиратами.

— Что?! — взревел Штайн. — Не болтай глупостей! Ты вернешься на Землю вместе с нами...

— Не вернусь!

— Погоди, погодите вы оба! — встрял Тангалоа. — Сейчас я с ним разберусь, Игорь. Послушай, приятель, не принимай всю эту бучу вокруг Зеи с Закомиром слишком серьезно. Пленку мы всю отсняли. Приключений тоже получили по горло. Вернувшись на Землю, можешь плевать в потолок и почивать на лаврах...

— Нет, — отрезал Барнвельт. — Во-первых, на Земле живет моя мать, а во-вторых, я собираюсь выручить Зею.

— Да другую в момент подцепишь!

— Только не такую, какую хочу.

— Ну хорошо, если ты ее действительно выручишь, возьмешь ее на Землю следующим рейсом?

— Не думаю. Я уже почти окончательно решил попытать счастья здесь, на Кришне.

Штайн уже давно возбужденно метался по кабинету синдика, стиснув кулачищи от необходимости сдерживать эмоции. Наконец он взорвался:

— У тебя что, совсем мозги набекрень съехали?! Как это «Игорь Штайн Лимитед» без тебя обойдется? Где я еще такого писателя для своих статей найду? Я вдвое увеличиваю тебе зарплату! Ты не можешь взять вот так и уйти!

— Простите, конечно, но о том, какой я ценный работник, вы могли подумать и раньше.

Штайн бессильно разразился потоком русской матерщины.

— Кхе-гм, Дирк, — подал голос Тангалоа. — Ты, наверное, в курсе, что все эти земные авантюристы, которые болтаются по задворкам космоса и якшаются с обитателями отсталых планет, — в большинстве своем всякая шушера, которая никак не способна реализовать себя дома, среди равных. А там они выезжают за счет более проработанной земной культуры, для формирования которой сами и палец о палец не ударили...

— Ладно-ладно! Эту лекцию я тоже уже слышал. Считаю меня шушерой, если тебе угодно, но здесь я, по крайней мере, человек, а не нытик с эдиповым комплексом!

— И все же это не жизнь для человека с интеллектуальными...

— И вот еще что: хоть мы и разбабахали банду Шиафази, Сунгар-то по прежнему в руках кришнитов, так что проблема с янру как была, так и остается. А поскольку Альванди просто-таки фанатичная...

— Гинерхистка?

— Спасибо, — гинерхистка, то она наверняка станет и дальше изготавливать и продавать эту дрянь. Шиафази не устраивал ее вовсе не потому, что продавал янру межзвездным контрабандистам, а потому, что вздумал прибрать к рукам всю торговлю целиком.

— Ну и что? Наше дело — передать эту информацию, куда следует. Остальное за Всемирной Федерацией и Межпланетным Советом.

— Но подумай, насколько все упростится, если я сам буду командовать Сунгаром!

— Ну, будь по-твоему. — Тангалоа повернулся к Штайну, губы которого продолжали выпаливать славянские проклятия с быстротой пулемета. — Пожалуй, лучше нам действительно от него отстать — его укусила муха романтики. Через пару лет ему все это прискучит, и он вернется на Землю. К тому же, он влюблен.

— Чего ж ты сразу не сказал! — Штайн вздохнул, как кузнечные мехи. — Вот когда я был помоложе, я тоже бывал влюблен — в трех-четырех сразу. Прощай, мой мальчик! Мне противно твое ослиное упрямство, но я люблю тебя, как сына!

— Спасибо, — проговорил Барнвельт.

— Если через год ты заявишься домой, то сперва я сверну тебе шею, а потом возьму на старую работу. Джордж, какого дьявола мы просиживаем тут штаны и не едем в Новоресифи?

Шесть дней спустя в дамовангскую гавань на полном ходу влетели два корабля. Первый из них был «Ярс», а второй — грузовая барка, битком набитая айями, которых Барнвельт приобрел для своего личного войска на часть вознаграждения, полученного от Альванди. При виде флагов, которые реяли на мачтах обоих кораблей, дамовангские обыватели только недоуменно чесали затылки, поскольку это были древние флаги Кириба, отмененные еще королевой Деджанаей в пору основания матриархата.

Уменьшив ход, корабли подошли к свободному причалу. На берег змеей полетел швартов, который был тут же подхвачен и закреплен одним из оборванцев, которых полным-полно на любом пирсе в любом портовом городе.

После этого с первого корабля с тяжким топотом сбегала толпа вооруженных людей в доспехах. Портовая публика брызнула по сторонам, визжа, словно стая перепутанных агабатов.

— Живей разгружай! — рявкнул Барнвельт, закованный в сталь с головы до пят.

Со второго корабля уже торопливо выводили на причал зверей. Как только выгрузка закончилась, наиболее тяжело вооруженные воины Барнвельта вскарабкались им на спины. Некоторых даже пришлось подсаживать.

(После долгого спора между Барнвельтом и Гизилом относительно преимуществ пешего десанта с моря против налета верхами с суши было решено совместить оба способа нападения в один, который можно было бы назвать амфибийно-кавалерийским. Сложнее всего Барнвельту было убедить своих людей надеть доспехи. Будучи в большинстве своем моряками, ко всему этому железу они относились весьма недоверчиво, прекрасно зная, как быстро идут ко дну закованные в броню воители, если их скинуть за борт.)

— За мной! — крикнул Барнвельт. Гизил у него за спиной протрубил в трубу. Колонной по два верховые с грохотом устремились на ближайшую улочку. Вслед за ними поспешили пехотинцы.

— Что сие значит? — послышался чей-то визг, и на пути у захватчиков выросло трио амазонок.

— Кирибские мужчины вернулись, чтобы потребовать назад свое! — отвечивал Барнвельт. — С дороги, девочки, не то получите по мозгам!

Одна из амазонок ткнула было в Барнвельта пикой, но он тут же отрубил от пики наконечник, после чего огрел по бронзовому шлему плоской стороной меча. Девушка с лязгом покатила по бульжникам. Пришпорив своего айю он отвесил шлепок и второй девушке. Когда третья сделала попытку улизнуть, он протянул руку и ухватил ее за волосы, выбивавшиеся из-под шлема.

— Минуточку, красotka, — проговорил он. — Скажи, где это тут устраивается свадьба новой королевы и ее консорта?

— В х-храме Матери-Богини, в центре.

— Гизил, показывай дорогу. Да про листовки не забывай!

Некоторые из людей Барнвельта принялись выхватывать из седельных сумок охапки листовок и швырять их в воздух. Листовки гласили:

МУЖЧИНЫ КИРИБА ВОССТАНЬТЕ!

Сбросьте оковы!

Настал День Освобождения!

Сегодня, после пяти поколений женской тирании,
бесстрашный отряд изгнанников
вернулся в Кириб, дабы возглавить
славную революцию за

РАВНЫЕ ПРАВА ДЛЯ МУЖЧИН!

Вооружайтесь и присоединяйтесь к нам!
Ныне мы снесем с пьедестала страхолюдное
изваяние несуществующей
кровожадной богини, вырожденческий культ
и непотребные ритуалы во имя которой
так долго служили предлогом
для порочного и несправедного подавления..

Барнвельт едва сдерживал желание бешеным галопом рвануть вперед, оставив пехотинцев позади. Когда колонна, украшенная реющими на пиках вымпелами, уже поднималась по серпантину в утыканный шпильями город на коленях Кунджара, он обернулся и увидел, что вслед за пехотой бестолково поспешает разношерстная толпа обывателей мужского пола, размахивающих ножками от стульев и прочими импровизированными орудиями. Одни при их появлении разбегались, другие сбивались в кучки, с любопытством вытягивая шеи. Мужчины издавали одобрительные возгласы, а женщины грозились кулаками и выплевывали проклятия.

На площади перед храмом Варзай Барнвельт натянул поводья. На противоположной стороне ее суетились амазонки, выстраиваясь полукольцом перед входом. Командирша носилась взад-вперед, расставляя девиц по местам. Копья они выставили вперед, как в день пиратского налета на Рулинди: те, что во втором ряду — над головами амазонок в первом, которые встали на одно колено.

Барнвельт махнул Гизилу, чтоб тот придержал своих людей, и рысью пересек площадь.

— Свадьба еще не началась? — крикнул он командирше.

— Вот-вот начнется. А это что еще за явление?

Барнвельт оглянулся. Логичней было бы начать с обстрела, держа кавалерию в тылу на случай пешей контратаки. Однако лучники и арбалетчики еще только начинали перестраиваться в каре, и на организацию огневой подготовки ушло бы как минимум несколько минут. Соображать надо было быстро.

— А ну разойдитесь! — гаркнул он. — Нам нужно пройти.

— Никогда! Мы вызываем вас!

Барнвельт вихрем развернул скакуна и галопом поскакал обратно.

— В каре!

Айю он осадил в самой середине переднего ряда и с лязгом захлопнул забрало.

— Готовы? Шагом!

Плоп-плоп — защелкали копыта по булыжникам. Было бы просто прекрасно, если бы такой тактический ход позволил обойтись без кровопролития; но это была Кришна, где страх перед насильственной смертью далеко еще не развился до земного уровня, и психологический момент атаки мог и не сработать.

— Рысью!

Рысь у шестиногих скакунов была тяжелая и тряская, поскольку седло располагалось аккуратно над средней парой ног.

— Галопом!

Пики впереди казались жутко острыми. Если девичьи не бросятся в последний момент врассыпную, а айя не отпрянут назад, испугавшись этого колючего частокола, получится хорошая свалка. Он очень надеялся, что его не сбросят с седла и не затопчут.

— Наизготовку!

Пики всадников опустились. Грохот шести копыт несущегося галопом айи слился в бешеную барабанную дробь. Барнвельт чуть придержал зверя, пока снова не увидел с боков наконечники соседних копий, — не было смысла вламываться в строй амазонок самым что ни на есть первым.

Строй все приближался и приближался. Ему очень не хотелось ранить смазливую девчонку, оказавшуюся прямо перед ним...

Тресь! Смазливая воительница неожиданно куда-то исчезла. Острие одной пики Барнвельт отбил левой рукой, другое скользнуло вдоль доспехов. Айя его было споткнулся, но тут же снова рванул вперед, бешено натягивая поводья, вплетенные ему в усы. Мгновенье окружающий мир представлял собой невиданную мешанину из амазонок и экс-пиратов. Середина строя амазонок пропала, когда по нему прокатились айи; остальные девицы побросали свои копья и щиты и ударились в бегство.

Мимо проскакал айя без всадника. Спешенный всадник неистово молотил амазонку обломком пики, а на его скакуна уже взбирался кто-то другой. На земле валялась пара убитых айев, несколько амазонок тоже лежали неподвижно.

Подняв забрало, Барнвельт приказал Гизилу трубить отбой, позаботиться о раненых и оцепить площадь вместе с храмом. После этого он завел свой отряд напрямиком в главный вход.

Собравшиеся в храме так и застыли на своих местах, когда звери со всадниками в стальных панцирях процокали через центральный зал к тому месту, где тесной кучкой стояли королева Альванди, Зея, Заккомир и несколько жриц Варзаи.

— Спасены! — вскричал Заккомир.

Альванди, наконец, тоже обрела дар речи:

— Не удастся тебе фиглярское предприятие твое, землянин поганый! Люди мои в клочки тебя разорвут!

— Да ну? Пойдите взгляните, чем заняты ваши люди, мадам.

Он ухмыльнулся ей с высоты седла, развернул айю и сквозь толпу ворвавшихся за ним последователей сопровождал группу к выходу.

— Видали?

Его воины уже выстроились в каре перед порталом, а за ними вся площадь была плотно заполнена кирибцами мужского пола. Перед ними горячо разглагольствовал Гизил, и судя по тому, как они орали и размахивали своими самодельными дубинами, речь эта была им весьма по душе.

— Что сим сказать ты хочешь? — проговорила Альванди. — Угрозами не запугать меня, ибо воззрения мои на устройство общественное дороже мне жизни самой!

— Восхищен вашим присутствием духа, мадам, — заметил Барнвельт, — но насчет общественного устройства я бы на вашем месте не выступал. Начать хотя бы с того, что у вас самой права на власть довольно сомнительные, поскольку за всю жизнь вы не снесли ни одного жизнеспособного яйца. За это, если я не ошибаюсь, у вас полагается казнь. — (Королева съехала.) — Чтобы прикрыть это, вы купили похищенную девочку-землянку, младенца, и выдали ее за собственную дочь. Покажешь, Зея? Вот так!

Он протянул руку ко лбу и сорвал накладные антенны. Зея сделала то же самое.

— А сейчас, — продолжал он, — я не хочу убивать вас только потому, что вас и так ждет плаха согласно вашему же собственному идиотскому закону. Поскольку существующий режим держался только на обмане людей, пришла пора изменить старые порядки, которым придется уступить место новым. Я помогу написать конституцию...

— С собою в качестве правителя? — ядовито поинтересовалась Альванди.

— Ни в коем случае. Мне эта должность нужна, как дырка в голове. Я ограничусь ролью советника — к примеру, посоветую изгнать вас. А потом возьму Зею, пару-тройку кораблей, кое-кого из добровольцев и отправлюсь на Сунгар.

— Но он мой, согласно договору с адмиралами...

— *Был* ваш, вы хотели сказать. Это государственное имущество, и мои последователи, которые одновременно и кирибцы, и сунгарцы, вольные распоряжаться его судьбой, отдали его мне.

Королева повернулась к Зее.

— Ужель, дочка, по своей воле уступишь ты домогательствам нечестивым самохвала сего распутного?

— А почему бы и нет? Не дочь я вам, но существо расы иной, кое будто марионетку использовали вы для поддержанья власти собственной. Настолько во лжи вы своей погрязли, что даже к альянсу кровосмесительному понудить меня не погнушались! Предпочитаю супруга я своей породы!

— Заккомир? — обернулась Альванди.

— Я тоже.

— Все супротив меня! — проскрежетала королева, совсем падая духом. Она повернулась к Барнвельту с последним проблеском вызова: — А что с воительниками моими ты сделал, коих похитил столь дерзко? Обесчестил да рыбам скормил?

— Ну зачем же, королева! Все они повыходили замуж за моих бывших пиратов.

Сделав то, что следовало сделать для сохранения порядка в Рулинди — в частности, подвергнув примерному наказанию пару обывателей мужского пола, пытавшихся отпраздновать наступление свободы грабежом магазинов, — Барнвельт навестил Зею в ее покоях.

Обретя способность говорить, она произнесла:

— Властитель мой и возлюбленный, ежели и впрямь ты меня любишь, то почему же, ведая о происхождении моем земном, держался ты в стороне, покуда не дошло до тебя посланье Заккомира? Еще мгновение, и навеки были бы скованы мы с ним узами брачными!

— А откуда я мог это ведать? Надеюсь, ты не считаешь, что я способен дергать каждого встречного за антенны, чтобы проверить, хорошо ли они держатся?

— Но я-то догадалась, кто ты такой!

— Как? У меня кончик уха отклеился, или еще что-нибудь?

— Нет, но когда сушили мы платье свое на плоту в Сунгаре, и когда потом еще от сажи отмывались после пожара, узрела я, что имеешь ты пупок!

Барнвельт хлопнул себя по лбу.

— Ну конечно! Стоило тебе об этом сказать, до меня дошло, что яйцекладущим существам он совсем ни к чему!

— Так вот — зная, что и ты видел его у меня, решила я, будто тебе все известно, и никак объяснения сыскать не могла робости твоей уклончивой! Может,

мыслилось мне, воспитывался в Ньямадзю он с младенчества, как я в Кирибе воспитывалась, и больше кришнитом мнит себя, нежели землянином? Может, лишь колесико он в некоем заговоре коварном? Иль, может, просто уродиною меня считает...

— Уродиной?! Ну, знаешь ли, дорогая...

— Во всяком случае, ясней было пиков дарийских, что, тогда как знали мы с тобою истинную расу друг друга, желал ты тем не менее, чтоб продолжали оба мы кришнитами себя выставлять. И хоть снедало меня любопытство великое, отважилась я не более чем на намек крохотный. Помнишь слова мои, что одной мы с тобою породы?

— Действительно что-то такое припоминаю, но тогда я просто не въехал. У меня тогда голова была занята... гм... несколько другими вещами.

Он пожирал ее взглядом, пока она не залилась краской.

— И даже когда намек сей до цели не долетел, будто агабат под стрелою охотника меткого, согласна была я на то, что считала желаньем твоим. Ибо любила и люблю я тебя настолько, что — несмотря на решимость хранить честь мою девичью, как принцессе приличествует — понуди ты меня отдать наипоследнейшую драгоценность свою, не ведала бы я, как тебе отказать.

Барнвельт с несчастным видом вздохнул:

— Теперь я все понял. Считаю меня последним идиотом — хотя, пожалуй, во время подобного перехода такая ошибка была только кстати. Но как же ты прятала свой пупок, когда шла купаться или изображала скульптуру в парке?

— Прикрывала я его заплатою накладною, но перед фестивалем отлепила ее, не видя нужды в ней под мантией официальной.

— Ясно. Раз уж пошли признания в жульничестве, то это был никакой не йеки на дороге в Шаф, когда ты вздумала от меня уйти. Это я сам рычал.

— Надо же, будто я не знала! — лукаво отозвалась она.

Через некоторое время Барнвельт проговорил:

— А теперь нам нужно решить, каким именно образом мы поженимся — мы ведь поженимся, верно?

— Давно уж я гадаю, когда ж, наконец, до сего ты додумаешься, — произнесла она многозначительно. — Ну что ж, сударь, коли хватило ума у тебя, по крайней мере, спросить меня, ответ мой да и еще раз да. Но за чем же заминка?

— Мы земляне, а я где-то читал, что только земляне могут законно сочетать браком других землян. Единственный, кто может нас окрутить на Кришне с полным юридическим эффектом согласно земным законам, — это комиссар Кеннеди и судья Кешавочандра в Новоресифи. А нам совсем ни к чему делать такой здоровенный крюк, раз мы собираемся в Сунгар.

— А как насчет Кванселя-астролога иль кого-то из жриц?

— Не пойдет. Твой брак с Заккомиром, кстати, тоже не был бы законным. Дай подумать... На Земле есть какое-то правило насчет того, что мужчина и женщина могут законно считать себя мужем и женой, если встанут перед свидетелями и это скажут. Это называется гражданский брак. Такая система есть даже у квакеров, а это весьма почтенная публика. Наверное, в качестве свидетелей вполне сгодятся наши кирибские друзья. Подожди здесь.

Через несколько минут он притащил в апартаменты Зеи Гизила, Заккомира и придворного астролога.

Когда они выстроились перед ними, он сказал:

— А теперь встань, дорогая, и дай мне руку — левую. Берешь ли ты, Зея баб-Альванди, меня, Дирка Корнелиуса Барнвельта, себе в мужа?

— Да! Берешь ли ты, Дирк, меня в жены?

— Беру. Этим кольцом, — он стянул с пальца перстень с камерой и надел ей, — я соединяю нас!

И он заключил ее в объятия.

Еще десятиночие, и свежевыкрашенная «Доурия Деджаная» у причала дамовангской гавани приготовилась отдать концы. На корме ее Барнвельт прощался со своими друзьями-кришнитами.

— Мним мы вас мужем скромности нечеловеческой, что возвел в президентство меня заместо того, чтоб самому оный пост занять! — провозгласил Гизил.

— Не забывайте, что я не кирибец, — напомнил Барнвельт. — Всем очень скоро надоело бы правление проклятого землянина, и меня живо бы скинули. А потом, выбрали-то вас.

— Благодаря той конституции, что вы нам составили!

— Ну что ж, вы просили наипоследний образец республиканской конституции, так я такую и написал. Надеюсь, сойдет. Допивайте, ребята, мы отваливаем.

Провожающие сошли на берег. Корабль отошел от причала в сопровождении еще двух, составлявших маленький флот Барнвельта.

Когда из-за расстояния уже нельзя было различать людей на берегу, а солнце опустилось за вершины Зоры, Барнвельт отвернулся, обнял Зею и направился вниз. По пути он приостановился у клетки Фило, чтоб почесать какаду между перьями (королева позабыла прихватить с собой попугая, улепетывая из Кириба), а потом и у клетки со своим недавним приобретением — парой бижаров, купленных в том же зоомагазине в Рулинди, где в свое время он обнаружил потерянного Фило.

— Думаешь, что новый закон, что дал ты кирибцам, будет незыблем, как скалы харгайнские?

Припомнив замечания Тангалоа относительно базовых культурных представлений, он задумчиво произнес:

— Учитывая тот факт, что у них нет традиции демократического самоуправления, я буду приятно удивлен, если эта новенькая с иголочки конституция сумеет противостоять человеческим слабостям и амбициям хотя бы несколько лет. Но сейчас, по-моему, это как раз то, что нужно освобожденным бедолагам.

— А что за правленье намерен основать ты в Сунгаре? Послушай-ка, сэр, побольше вниманья ко мне и поменьше к зверям сим неразумным, особенно монстру земному, из-за коего носом ты шмыргает! При нынешнем количестве собранья твоего предвижу я день, когда величайшую славу Сунгар приобретет, как парк зоологический!

— Извини. — Он выдвинул стул и налил ей вина. — Я думаю основать то, что на Земле именуется акционерным обществом, с тобою и мной в качестве держателей большинства акций. Будем капиталистами. Послушай, Зея...

— Да, дражайший Сньол... то есть Дирк?

Он улыбнулся при этой оговорке. Потом ему пришло в голову, что Зея тоже наверняка не ее настоящее имя, хотя, если оно их обоих устраивало, не было смысла выкапывать на свет божий некое полузабытое персидское. При такой куче псевдонимов в их кругу — его собственном, Тангалоа, Гизила — и так уже в голове все путалось. Дабы еще больше усложнить этот вопрос, все поголовно кирибские мужчины поменяли матронимические фамилии на патронимические.

Не в силах сдержать любопытство, однако, он произнес:

— *Шума фарси харф мизанид?*

Она слегка вздрогнула.

— Вообще-то, да... Что это было, любимый? Язык сей мнится мне смутно знакомым, хоть ныне окутан для меня туманом. Спросил ты меня, не могу ли произнести я речь некую?

— Как-нибудь потом объясню, — сказал он, с наслаждением проводя рукой по порядком отросшей щетине на голове. С тех пор, как Зея бросила красить волосы, они у нее тоже стали обретать нормальный цвет воронова крыла.

— А почему Альванди взяла земного ребенка, а не кришнитского? — спросил он.

— Взяла поначалу она и впрямь младенца кришнитского, да умер он за десятиночь до церемонии пред-

ставления наследницы. Так что в спешке великой и тайне Альванди работоторговца к себе вызвала, дабы замену подыскать. Послал он меня, не сказавши, что землянка я, а когда обман сей распознался, поздно уж было, и исчез мошенник с уплатою. Временами гадала я, кто ж родители мои истинные могли быть.

Имелся прекрасный шанс разыграть из себя доброе божество и воссоединить семью, поскольку лично у него не было абсолютно никаких сомнений, что она была дочерью Мирзы Фатаха. Однако спящего эшуна лучше было пока не трогать. Ему хотелось поближе познакомиться с папой Фатахом, перед тем как приглашать его переехать к ним. Из того, что ему приходилось слышать про миссионера, напрашивался вывод, что он вряд ли чем-то лучше его собственной матери или королевы Альванди.

Лихорадочная неделя политиканства практически не оставила ему времени подумать о будущем. С целью финансирования своего сунгарского проекта он заключил со Штайном договор на съемку дополнительного киноматериала и регулярную отсылку его на Землю, в ответ на что Штайн открыл на его имя текущий счет в банке Новоресифи. Тангалоа особенно интересовали кадры и данные, касающиеся хвостатых фоссандеранцев. В то же время «Межроу Гуардена» изрядно потаскала его по кирибским судам за самозванство в роли курьера...

— Дирк, — проговорила Зей. — Хотя и рада я, что все утряслось и теперь мы солидная пара супружеская, недостает мне все ж волненья упоительного побега нашего с Сунгара. Никогда не жила я еще жизнью столь насыщенной! Как думаешь ты, придут ли к нам вновь подобные чувства?

— Выше нос, дорогая, — отозвался он, раскуривая сигару. — Приключения только начинаются.

Кришнитский год спустя в баре «Нова-Йорк» в Новоресифи разглагольствовал какой-то поднабравшийся толстяк:

— На хрен это надо — позволять этим дикарям вытворять, что им вздумается! Давно бы уже послали армию и цивилизовали их к чертовой матери! Пушай устроят тут современный водопровод, демократию, массовое производство и все такое прочее. И религию какую-нибудь поприличней... Слышь, а это что за фрукт?

Он ткнул пальцем в долговязого, с лошадиной физиономией землянина в кришнитском наряде, с треугольной зарубкой на левом ухе, который сидел за одним столиком с комендантом Кеннеди и помощником начальника службы безопасности Куштаньозо.

— ...Да не приглашал я его! — горячо доказывал долговязый. — Он прочитал про нас в газете, которую издают у них там в Миши, и просто помножил два на два. И в один прекрасный день я вдруг узнаю, что он сошел с малайерского корабля и всем твердит, что он мой давно потерянный тесть. А поскольку Зея просто от него без ума, теперь от него уже не отделаешься. Вообще-то говоря, против самого Мирзы я ничего не имею, он нас, по крайней мере, окрутил по-человечески, так что прекратилась вся эта болтовня, будто мы, мол, как-то не так женаты. Но вся эта шизовая публика, которая к нему шляется...

— А почему бы вам не запрячь его в работу? — предложил Куштаньозо.

— Обязательно запрягу, как только...

— Это, — ответил спутник толстяка, — знаменитый Дирк Барнвельт, президент Сунгарской корпорации. Он только что провернул крупную сделку с Межпланетным Советом. Хотите познакомиться?

— Ясно дело. Жуть как хочу познакомиться хоть с каким-нибудь человеком.

— Э-э, синьор Барнвельт, разрешите представить синьора Элиаса. Новичок.

— Рад познакомиться, — отозвался Барнвельт, стискивая пухлую ручку.

— Так вы, выходит, из тех ребят, что живут среди местных?

— Можете понимать и так, — не особо любезно бросил Барнвельт и собрался было отвернуться.

— Без обид, сынок! Меня тут просто интересует, уж не считаете ли вы их лучше наших?

— Нисколько. Кто-то считает, что с ними проще ладить, чем с землянами, кто-то нет. И мне с ними проще, хотя я не нахожу их лучше там, или хуже. Все зависит от конкретного человека.

— Конечно-конечно. Но они ведь жутко примитивные? Национальные суверенитеты, войны, благородство и прочая такая фигня?

— Честно говоря, они мне и такие хороши.

— Да вы, видать, из романтиков?

— Нет, скорей мне нравится быть первопроходцем.

— Первопроходцем!

Толстяк погрузился в туповатое молчание. Барнвельт, сочтя своего нового знакомого невоспитанным и утомительным типом, встал было, чтобы уйти, но Элиас очнулся и спросил:

— А что за новая сделка? Вонг мне что-то там такое говорил.

— Ох! Слышали про Сунгар?

— А-а, такая здоровенная куча тины посреди моря?

— Угу. Там в свое время делали янру из терпалы...

— Слышите, а я вас знаю — вы тот самый парень, который удрал с кришнитской принцессой, только по-

том она оказалась землянкой. Пардон, так чего там со сделкой?

— Ну вот, на Сунгаре теперь хозяйничаю я, так что с производством янру и Кольцом контрабандистов покончено. Однако мне захотелось получить кое-что и взамен, так что я убедил М. С. выдать мне разрешение на техническую помощь для основания на Кришне производства мыла. Водоросли дают неограниченное количество поташа, а на Кришне мыла нет. Так что...

Барнвельт вновь сделал попытку удалиться, но толстяк крепко вцепился ему в руку.

— Собираетесь стать мыльным магнатом, выходит? Вот покончите с кришнитами, станут они сплошь цивилизованные навроде нас, и придется вам искать другую немытую планету... Скажите, а давно вы... того... женились на этой даме?

— Около года назад.

— Детишки есть?

— Трое. Вас не затруднит отпустить мою руку?

— Трое. Так-так. Тут это как — годы длинней, чем у нас? Не-ет, ихний год короче земного. Трое, говорите? Хо, хо, хо...

И без того румяная физиономия Барнвельта стала просто-таки пунцовой, и его костлявый кулак с треском смазал по жирной роже. Элиас отлетел назад, опрокинул стол и рухнул на пол.

— Господи, Дирк! — воскликнул Кеннеди, вскакивая, чтобы вмешаться.

— Пусть попробует еще выступить насчет моей жены, — проворчал Барнвельт.

— Но погодите, — встрял спутник толстяка, — я все-таки не понимаю. Вы вправду сказали трое, так что, сами понимаете...

Барнвельт резко обернулся к нему.

— У нас тройня. Что в этом смешного?

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА

гериа́трия — область медицины, связанная с проблемами здоровья пожилых людей.

«Nuit d'amour», «Moment d'extase» — «Ночь любви», «Момент экстаза» (франц.).

«Sim?» — «Да?» (порт.).

por favor — пожалуйста, будьте добры (исп.).

sargado — водоросли (исп.).

Tuшел! — «Попал!» — Возглас фехтовальщика, которым он подтверждает, что противник нанес ему укол (франц.).

...*Келли и Шитса*. — Эрудит Тангалоа все перепутал. Во-первых, имелись в виду, конечно, английские поэты-романтики Шелли и Китс, а во-вторых, они никогда не творили вместе. Комическую оперу «Микадо» написали другие «английские чуваки» — либреттист Джильберт и композитор Сулливан. Прочитированное Барнвельтом стихотворение «Озимандия» — «*Рассказывал мне странник, что в пустыне...*» (пер. В. Микушевича) — принадлежит перу Шелли. Барнвельт довольно часто цитирует произведения английских поэтов. Примечания к этим цитатам даются в основном в случае использования заимствованных переводов.

делсартийские жесты — жесты, похожие на упражнения эстетической гимнастики Франка Делсарта.

...*окутало саваном черным безграничные своды небес*. — Цитата из «Стансов» Шелли (пер. К. Бальмонта).

amigo — приятель, дружок (исп.).

шейла — девушка, «подруга» (австрал.).

...*над морем сумрачным в стране забвенной*. — Китс, «Ода соловью» (пер. Е. Витковского).

pot-de-guerre — прозвище, псевдоним (франц.).

гено́теизм — разновидность политеизма («многобожия»), когда среди множества прочих божеств главным и наиболее могущественным считается какой-то один определенный бог

Обычай из тех, что похвальнее нарушить, чем блюсти. — Перефразированная цитата из «Гамлета».

Забывать ли старую любовь, и не грустить о ней... — начало стихотворения Р. Бернса «Старая дружба» (пер. С. Маршака). Бессмертные строки Г. Гейне в переводе М. Лермонтова «про одинокую сосну» представлять, наверное, нет необходимости.

«Мики Финн» — жаргонное название наркотика (амер.).

Встань! Бросил камень в чашу тьмы восток!.. — рубаи Омара Хайяма (пер. И. Тхоржевского).

феминизм — движение за равные права для женщин.

гарда — защитная скоба на рукояти шпаги или сабли.

сэр Дансени — Лорд Дансени, выдающийся английский литератор. Считается одним из родоначальников жанра «фэнтези».

Аталанта и Меланион — персонажи греческой мифологии. За то, что предавались любви в храме, были превращены Зевсом во львов.

Хоть неприметной в лютне прецинка была, на нет она всю музыку свела. — Цитата из поэмы Теннисона «Мерлин», ставшая пословицей.

...свет жгучий пролить на престолы... — цитата из поэмы Теннисона «Королевские идиллии».

«Второзаконие» — одна из первых пяти книг Библии, содержащая религиозное законодательство.

И ведал упоенье в звоне битв... — цитата из программного стихотворения Теннисона «Улисс» (пер. Г. Кружкова).

Наполни кубок, и в костер весны... — рубаи, приписываемое английским поэтом-переводчиком Фиджеральдом Омару Хайяму.

квакеры — христианская протестантская секта, отличающаяся строгостью в вопросах морали.

УКАЗАТЕЛЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

бак — носовая часть палубы.

бакиштаг — курс, промежуточный между курсами фордевинг и галфвинг.

бейдевинг — курс, при котором парусное судно движется против ветра под углом к нему; используется для лавировки.

бейфут — снасть, крепящая середину реи к мачте.

брас — снасть, которая крепится к концу реи и служит для управления парусом наряду со шкотами.

ванты — снасти, при помощи которых раскрепляется мачта.

выбленки — тросовые или деревянные ступеньки, привязанные к вантам.

«высота» — положение судна относительно какого-то ориентира (например, другого судна) с учетом направления ветра; *«набрать высоту»* — подняться против ветра.

галс — положение судна относительно ветра (правый галс — когда ветер дует справа, левый — слева); нижний передний угол паруса.

галфвинг («полветра») — курс, при котором ветер дует перпендикулярно борту.

гик — горизонтальное рангоутное дерево, шарнирно крепящееся к мачте.

квадрант — старинный угломерный астрономический инструмент, служивший для измерения высоты небесных светил над горизонтом и угловых расстояний между светилами.

косое парусное вооружение — в отличие от прямого, позволяет двигаться и в лавировку против ветра.

крутизна хода — угол между курсом судна и направлением ветра при движении в *бейдевинг*; чем он меньше, тем выше лавировочные качества судна.

лавировать — зигзагообразно двигаться против ветра курсом *бейдевинг*, меняя галсы.

люверс — металлическое кольцо, которым укрепляют отверстие в парусе от разрыва и перетирания.

набивать снасть — сильно натягивать.

оверштаг — поворот, при котором нос судна пересекает линию ветра; служит для смены галсов на лавировке.

«полветра» — см. *галфвинг*.

полуют — приподнятая относительно основной палуба в корме.

порт — отверстие в борту, как правило, прямоугольное.

прямое парусное вооружение — вооружение, позволяющее ходить курсами не круче *галфвинга*; пригодно лишь при попутном ветре.

ляртнерс — отверстие в палубе для мачты.

румб (угловая величина) — $11^{\circ} 15'$.

сезень — снасть, при помощи которой парус притягивается к рее при его убирании.

стелс — гнездо, в которое вставляется *шпор мачты*; устанавливается на киле в трюме.

табанить — грести назад; тормозить веслами.

топ — верхушка мачты.

травить снасть — отпускать.

фал — снасть, служащая для подъема паруса на мачту.

фордевинг — курс, при котором ветер дует прямо в корму судна, движение с попутным ветром; поворот, при котором корма судна пересекает линию ветра при смене галса на курсе *бакиштаг*.

шкаторина — кромка паруса.

шкот — снасть, служащая для управления парусом.

шпор — нижний конец мачты.

ют — кормовая часть палубы.

Литературно-художественное издание

Лион Спрэг де Камп

РУКА ЗЕИ

Ответственный редактор *Геннадий Белов*

Художник *Владимир Румянцев*

Художественный редактор *Виктор Меньшиков*

Технический редактор *Татьяна Раткевич*

Корректоры *Татьяна Виноградова, Александр Трухин,*

Ольга Югина

Верстка *Иины Юзефович*

Подписано к печати с оригинала-макета 10.06.93.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Гарнитура Балтика.

Печать высокая. Усл. печ. л. 20,1. Тираж 50 000 экз.

Изд. № 221. Заказ 420. Цена свободная

Издательство «Северо-Запад»

191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 18

Отпечатано с оригинал-макета

в ГПП «Печатный Двор».

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр. 15

fantasy

•Северо-Занэг®

АУОН СПРЭГ DE КАМП

